

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№ 4 / 2016

В НОМЕРЕ:

- **Наша задача – поднять работу ветеранской организации на качественно новый уровень**
- **Современные проблемы военного права**
- **Подсудность уголовных дел военным судам по судебной реформе 1867 года**
- **Правовая природа военных организаций как казенных учреждений**
- **Основания наделения командира воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации статусом органа дознания**
- **Универсальность системы международного уголовного правосудия**

<http://www.vestnik-vp.ru> e-mail: vestnik-vp@mail.ru

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№ 4
2016

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

Выходит 4 раза в год
на русском языке

Распространяется
в Российской Федерации

Представляемые к изданию
статьи проходят обязательную
экспертизу в соответствии
с требованиями Инструкции
о порядке подготовки
в Вооруженных Силах
Российской Федерации
материалов к открытому
опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Марченков Валерий Иванович,
доктор педагогических наук, профессор,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
Военного университета

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич,
директор Правового департамента
(начальник юридической службы)
Министерства обороны Российской Федерации

Дерешко Богдан Юльевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации по научной работе

Елина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук,
директор Департамента претензионной
и судебно-правовой работы
Министерства обороны Российской Федерации

Солонин Дмитрий Олегович,
протоиерей, помощник начальника
Военного университета по работе
с верующими военнослужащими

Сорочкин Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Следственного комитета
Российской Федерации – руководитель Главного
военного следственного управления

Фридинский Сергей Николаевич,
доктор юридических наук,
заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации – главный военный
прокурор

Хомчик Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель
Судебной коллегии по делам военнослужащих

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Маликов Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Ахметшин Хасан Мубаракович,
доктор юридических наук, профессор

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор

Вехов Виталий Борисович,
доктор юридических наук, профессор

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент

Воронов Александр Федорович,
доктор юридических наук, профессор

Дамаскин Олег Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор

Загорский Геннадий Ильич,
доктор юридических наук, профессор

Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, доцент

Кудашкин Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор

Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент

Мазаник Александр Иванович,
доктор военных наук, профессор

Никитин Алексей Николаевич,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент

Толкаченко Анатолий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор

Топорков Анатолий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Холопова Елена Николаевна,
доктор юридических наук, профессор

Чернявский Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по темам военного права, военных проблем международного права

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

Главный редактор:
Маликов С.В.

Заместитель главного редактора:
Старцун В.Н.

Научный редактор:
Дерешко Б.Ю.

Шеф-редактор:
Малютин В.Ф.

Выпускающий редактор:
Кислый Ю.П.

Редактор:
Тюрина О.А.

Ответственный секретарь:
Сергиенко И.Н.

Перевод аннотаций
на английский язык:
Балканов И.В.

Верстка:
Зенченков А.Ю.

Адрес редакции:
111033, г. Москва,
ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: vestnik-vp@mail.ru
www.vestnik-vp.ru

Подписано в печать
19.12.2016.

Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
«Футурис Принт»
109052, Москва, ул. Нижегородская, д. 50
Тел.: (495) 505-53-56
E-mail: info@futuris-print.ru
www.futuris-print.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНО

Кизюн Н.Ф.

Наша задача – поднять работу ветеранской организации
на качественно новый уровень 7

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

Дамаскин О.В., Корякин В.М., Холопова Е.Н.

Современные проблемы военного права 14

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ПРАВА

Хомяков С.А.

Подсудность уголовных дел военным судам
по судебной реформе 1867 года 22

Рыбин В.А., Дерешко Б.Ю.

Правовое положение военнослужащих Красной Армии.
1918–1920 годы 25

Овчаров О.А., Панкратов В.Н.

Из истории военно-правовой работы в России в досоветский период 31

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Бараненкова И.В.

Правовая природа военных организаций как казенных учреждений 42

КРИМИНАЛИСТИКА

Фастовцов Г.А.

Определение риска криминально-агрессивного поведения
у комбатантов 48

ПРОБЛЕМЫ. МНЕНИЯ. РЕШЕНИЯ

Феоктистова О.Ю.

Правовое регулирование лесопользования на землях
Министерства обороны Российской Федерации 59

Сазонова И.Г.

Основания наделения командира воинской части Вооруженных Сил
Российской Федерации статусом органа дознания 65

Рудичева Н.И.

Правовая природа локальных и частных платежных средств
в контексте национальной финансовой безопасности 71

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Бельй И.Ю.

Универсальность системы международного уголовного правосудия 80

ИНФОРМАЦИЯ

Правила представления и оформления статей 95

CONTENTS

RELEVANT ISSUES

Kizyun N.F.
Our Task is to Raise the Work of the Veterans Association to a New Level 7

ON THE AGENDA

Damaskin O.V., Koryakin V.M., Kholopova E.N.
Modern Problems of the Military Law 14

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW

Khomyakov S.A.
Military Court Jurisdiction Over Criminal Cases
After Judicial Reform of 1867 22

Rybin V.A., Dereshko B. Yu.
Legal Status of the Red Army Personnel in 1918–1920 25

Ovcharov O.A., Pankratov V. N.
History of the Military Legal Work in Russia in the Pre-soviet Period 31

LEGAL RELATIONS IN THE MILITARY

Baranenkova I.V.
The Legal Nature of Military Organizations as Public Institutions 42

FORENSICS

Fastovtsov G.A.
On the Identification of the Risk of the Criminal and Aggressive Behavior
of Combatants 48

PROBLEMS. OPINIONS. DECISIONS

Feoktistova O. Yu.

Legal Regulation of Forest Land of the Ministry of Defence
of the Russian Federation 59

Sazonova I. G.

Basis for the Empowerment of the Russian Military Unit Commander with
the Preliminary Investigative Authority 65

Rudicheva N. I.

Legal Nature of Local and Private Means of Payment Within the Framework
of the National Financial Security 71

MILITARY ASPECTS OF INTERNATIONAL LAW

Belyi I. Yu.

The Versatility of the System of International Criminal Justice 80

INFORMATION

Submission Rules and Guidelines 95

УДК 364.07

Председатель Совета ветеранов Военного университета
генерал-полковник Н.Ф. КИЗИОН:

НАША ЗАДАЧА – ПОДНЯТЬ РАБОТУ ВЕТЕРАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА КАЧЕСТВЕННО НОВЫЙ УРОВЕНЬ

Аннотация. В интервью освещаются ведущие направления деятельности общественного объединения ветеранов Военного университета, рассматриваются вопросы совершенствования ее организационно-правовых основ.

Ключевые слова: общественная организация ветеранов; Совет ветеранов; правовые основы деятельности; военно-патриотическое воспитание; социальная защита; социально ориентированные некоммерческие организации

– В жизни Военного университета произошло важное событие: 24 ноября в университетских стенах была проведена III отчетно-выборная конференция Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации, в работе которой принял участие Министр обороны генерал армии С.К. Шойгу. Выступая перед участниками ветеранского форума, он отметил, что за четыре года организацией достигнуты значительные результаты. Объединение окрепло структурно, повысилась его статус и общественная значимость. Как было подчеркнуто Сергеем Кужугетовичем Шойгу, Министерство обороны высоко ценит помощь, оказываемую Советом организации под руководством генерала армии Виктора Федоровича Ермакова в сохранении и приумножении ратных традиций, всесторонне поддерживает инициативы ветеранов.

Весомый вклад в копилку названных успехов внесла и ветеранская организация Военного университета. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что в нынешнем году университет стал местом проведения форума ветеранов армии и флота.

В этой связи, Николай Фадеевич, если говорить о слагаемых результативной деятельности возглавляемой Вами общественной ветеранской организации, на чем бы Вы сделали акцент?

– Общественная организация ветеранов Военного университета Министерства обо-

Николай Фадеевич Кизюн родился 20 января 1928 г. в деревне Любаровка Кемеровской области.

На военной службе – с 1946 по 1992 г.

В 1949 г. окончил Харьковское гвардейское танковое училище, в 1963 г. – Военно-политическую академию им. В.И. Ленина, в 1969 г. – Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Проходил службу в Белорусском, Прикарпатском, Сибирском, Дальневосточном военных округах, Группе советских войск в Германии. Последовательно занимал должности командира взвода, заместителя командира роты по политчасти, секретаря комитета комсомола полка, помощника начальника политотдела корпуса по комсомольской работе, помощника начальника политуправления округа по комсомольской работе, заместителя начальника политотдела дивизии, начальника политотдела дивизии, первого заместителя начальника политотдела армии, начальника политотдела армии, первого заместителя начальника политуправления округа, первого заместителя начальника политуправления группы войск, члена Военного совета – начальника политуправления округа, начальника политуправления Ставки войск Дальнего Востока.

В 1982–1983 гг. находился в спецкомандировке в Демократической Республике Афганистан.

В 1987–1992 гг. – начальник Военно-политической академии им. В.И. Ленина.

С 2012 г. – председатель Совета ветеранов Военного университета.

Генерал-полковник в отставке. Доктор философских наук, профессор. Награжден орденами Красногосзнамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II и III степени, орденами иностранных государств, многими медалями.

123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14
E-mail: vurf@mail.ru

роны Российской Федерации представляет собой – всюду это подчеркиваю – союз единомышленников, деятельность которого направлена на поддержание и укрепление славных традиций Вооруженных Сил и нашего старейшего гуманитарного военно-учебного заведения, воспитание у курсантов и слушателей патриотизма, верности воинскому долгу, ответственности за безопасность Отечества, его надежную защиту. Наряду с этим нашими важнейшими целями являются активное использование в ходе решения возложенных на университет задач интеллектуального, творческого и профессионального потенциала, богатого служебного и жизненного опыта ветеранов, оказание им всесторонней помощи в реализации предусмотренных законодательством социальных, экономических и юридических прав, осуществление благотворительности в отношении нуждающихся ветеранов, инвалидов, участников войн и вооруженных конфликтов.

Трудно переоценить роль ветеранов в научной и образовательной деятельности университета. Их по праву можно назвать золотым фондом вуза. В настоящее время наша организация насчитывает без малого 900 членов, более трети из них являются кандидатами и докторами наук, профессорами и доцентами. Большинство научных руководителей в диссертационных и иных разработках молодых ученых – ветераны. Все они щедро делятся своим опытом с младшими коллегами, ведут неустанную наставническую и индивидуально-воспитательную работу. Показывают пример активности в подготовке электронных учебников, издании учебно-методических пособий.

Выражу мнение всего Совета ветеранов: наша организация чувствует себя очень уве-

ренно, видит впереди широкие перспективы. Прежде всего, это обусловлено постоянной заботой начальника Военного университета генерал-полковника Валерия Ивановича Марченкова о ветеранских делах и нуждах. Несмотря на большую загруженность, он глубоко вникает в работу объединения, поддерживает наши инициативы и начинания, выделяет средства для поощрения ветеранов. Отмечу с чувством искренней благодарности: начальник университета, его заместители бывают практически на всех заседаниях Совета, выступают с рекомендациями и предложениями по совершенствованию работы ветеранской организации.

Подводя итог сказанному, сделаю акцент на основополагающем моменте. В своей деятельности наш Совет опирается на прочные правовые основы: организуя работу в соответствии с целями объединения, неуклонно руководствуется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», Федеральным законом 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 октября 2014 г. № 719 «О мерах по дальнейшему совершенствованию работы с ветеранскими организациями Вооруженных Сил Российской Федерации», приказами начальника Военного университета, касающимися ветеранов, постановлениями ученого совета, а также Уставом ветеранской организации, утвержденным в июне 2011 года.

Таким образом, обеспечение должного внимания к правовой составляющей функционирования ветеранской организации – неотъемлемый фактор успешной работы и Совета ветеранов как коллегиального органа, координирующего, направляющего дея-

тельность структур объединения, и первичных организаций, созданных на кафедрах, факультетах, в отделах и службах.

– **Николай Фадеевич, а каковы основные направления работы Совета ветеранов и первичных ветеранских организаций университета?**

– Если рассматривать деятельность нашего общественного объединения с точки зрения системного подхода, то можно выделить в ней три приоритетных направления. Об одном из них уже упомянул. Это организационная работа по проведению в жизнь требований нормативных правовых актов, которыми руководствуется Совет ветеранов.

Второй приоритет – участие в идейно-воспитательной работе с курсантами и слушателями. Здесь во главу угла ставим разработку и реализацию программ, направленных на военно-патриотическое воспитание личного состава университета. При этом крен делаем на молодежь, прекрасно сознавая, что наша задача заключается в том, чтобы донести до курсантов и студентов величие подвига их дедов, прадедов в Великой Отечественной войне, привить будущим офицерам, специалистам духовные и нравственные ценности старших поколений защитников Отечества. В этих целях в ходе подготовки к 70-летию Великой Победы при активном участии членов Совета нашего общественного объединения, ветеранов Великой Отечественной войны были организованы научно-практические конференции, посвященные Московской, Сталинградской, Курской битвам, Белорусской и Берлинской операциям, а также круглые столы, диспуты, связанные с важными вехами отечественной истории. Ряд названных мероприятий проводили с привлечением слушателей, курсан-

тов, студентов других вузов. Тесные контакты у нас налажены с Общевоинской академией Вооруженных Сил Российской Федерации, Военной академией войск противовоздушной обороны, Рязанским институтом Воздушно-десантных войск, Московским пограничным институтом ФСБ России, Московским государственным университетом, другими высшими учебными заведениями.

К работе по патриотическому воспитанию стараемся подходить творчески, ищем нестандартные методы, отвечающие требованиям сегодняшнего дня. Например, при проведении конференции, посвященной 70-летию Великой Победы, ветеранский актив принял участие в реализации инициативы заместителя начальника Военного университета по учебной и научной работе генерал-майора Е.Г. Князевой, предложившей организовать подготовку выступлений курсантов специального факультета с рассказами о вкладе их республик – в прошлом субъектов СССР – в победу над фашизмом и оформление стендов для информационно-иллюстрационного сопровождения мероприятия фотографиями воевавших родных и близких участников конференции. Надо было видеть, какой эмоциональный эффект произвели эти взволнованные выступления, фотостенды, ставшие красноречивым подтверждением того, что живая связь времен нерасторжима.

Говоря об инновационных подходах к военно-патриотическому воспитанию, не могу не отметить важное значение формирования чувства сопричастности к традициям памяти, объединяющей старшие и младшие поколения. Тут, безусловно, велика роль обстановки проведения мероприятий патриотического направления, творческого решения за-

дачи воссоздания духа эпохи, на которую пришлась молодость ветеранов-фронтовиков. Такую задачу мы успешно реализовали благодаря возникшей у начальника Военного университета идее оформить одно из наших помещений в виде фронтовой землянки, чтобы ветераны могли общаться друг с другом, проводить мероприятия с молодежью в боевом интерьере времен Великой Отечественной. Инициатива генерал-полковника В.И. Марченкова была встречена с большим энтузиазмом. И результат превзошел все ожидания. Сегодня наша землянка – не только дополнение к экспозиции университетского музея, но и любимое место сбора ветеранов для дружеских чаепитий, их встреч с курсантами, суворовцами.

Важно сказать и о вкладе ветеранов университета в воспитание младших командиров. Так, стало уже традиционным участие представителей нашего Совета в проведении Дня сержанта. Ветеранские наставления помогают младшим командирам активнее влиять на повышение успеваемости и укрепление воинской дисциплины в подразделениях.

Делу патриотического воспитания и, если говорить шире, подведению под него прочного научного фундамента служит и научно-творческая работа, посвященная истории Великой Отечественной войны, – работа, к которой многие наши ветераны из числа ученых, преподавателей причастны самым непосредственным образом. Приведу лишь несколько примеров. К 70-летию Победы был выпущен сборник очерков о ветеранах Военного университета – участниках Великой Отечественной. На эту же тему написана книга «Ратный путь танкиста» – о фронтовике полковнике в отставке А.И. Сидорове, старейшине нашего Совета ветеранов. Широко востребованы у курсантов и слушателей сборники под редакцией В.М. Ксенофонтова по итогам научно-практических конференций, посвященных Сталинградской, Курской битвам и Белорусской наступательной операции «Багратион».

Кладезем военно-исторических знаний в университете называют полковника запаса А.Е. Савинкина. К 120-летию Маршала Победы Г.К. Жукова он подготовил видеофильм, с использованием которого проводит на кафедрах жуковские чтения.

В целом – без преувеличения замечу – одно только перечисление научных трудов, книг воспоминаний и статей наших ветеранов в русле задач военно-патриотического воспитания займет не одну страницу.

– Хотелось бы также узнать о реализации правовой компоненты работы ветеранской организации университета по военно-патриотическому воспитанию.

– Как известно, задачи этой работы поставлены в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493. В ней четко и ясно указано, что совершенствование и развитие успешно зарекомендовавших себя форм и методов работы по патриотическому воспитанию с учетом динамично меняющейся ситуации, возрастных особенностей граждан и необходимости активного межведомственного, межотраслевого взаимодействия и общественно-государственного партнерства включает в себя:

– создание условий для повышения активности ветеранских организаций в работе с молодежью, использование их опыта, нравственного и духовного потенциала для укрепления и развития преемственности поколений;

– активизацию экспертной деятельности по противодействию попыткам фальсификации истории [1].

Все названные направления находят отражение в планах и в практической работе нашей ветеранской организации. Что немаловажно, эта работа тесно увязана с деятельностью Совета по патриотическому воспитанию, который возглавляет заместитель начальника военного университета по работе с личным составом полковник М.А. Криулин.

В настоящее время ветеранская деятельность по реализации поставленных в упомянутой государственной программе задач получила мощный импульс благодаря вниманию к вопросам патриотизма со стороны Президента Российской Федерации. На встрече с активом Клуба лидеров 3 февраля 2016 года В.В. Путин, отметив исключительный объединяющий потенциал чувства патриотизма, подчеркнул, что, по сути, патриотизм – «это и есть наша национальная идея» [4]. Ранее, 22 июня 2015 года, в выступлении при вручении грамот о присвоении звания «Город воинской славы» Президент связал патриотизм с понятиями «верность», «долг», «память», «уважение к ветеранам». Цитирую: «Наш священный долг – быть верными великим ценностям патриотизма, хранить память о подвиге отцов и дедов, чтить наших ветеранов» [3].

– **Заключительные слова приведенной Вами цитаты, Николай Фадеевич, подводят к вопросу об одном из самых значимых направлений в работе Совета ветеранов Военного университета...**

– Верно, отдавание дани уважения ветеранам, забота о них, организация чествования людей, посвятивших свою жизнь служению Отечеству, грудью ставших на его защиту в годину суровых испытаний, выполнявших в послевоенный период трудные боевые задачи в стреляющих регионах – наш святой долг.

Значимость данного направления работы ветеранских общественных объединений с новой силой подтвердил Министр обороны Российской Федерации в своем выступлении на открытии III отчетно-выборной конференции Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных Сил в Военном университете [5].

Отдельно остановившись на решении социальных вопросов, генерал армии С.К. Шойгу отметил, что за четыре года проделана большая работа по совершенствованию законодательства в области пенсионного обеспечения ветеранов военной службы. Внесены изменения в Федеральный закон «О пенсионном обеспечении военнослужащих». Это позволило в период с 2013 по 2016 год увеличить размеры военных пенсий на 28,6 процента.

Министр обороны также сказал о совершенствовании законодательства в вопросах социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны, боевых действий и членов

их семей. Выполнено обязательство по ежегодной индексации выплат социального характера ветеранам Великой Отечественной войны и боевых действий, участникам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, членам семей погибших военнослужащих. Проектом закона «О федеральном бюджете на 2017 год» размеры указанных выплат планируется проиндексировать на 4 процента с 1 февраля будущего года. Напомнил генерал армии С.К. Шойгу и о том, что в октябре в Правительство внесен проект федерального закона, предусматривающий повышение пенсий родителям, потерявшим двух и более детей-военнослужащих, погибших при исполнении служебных обязанностей. А в январе следующего года наряду со всеми пенсионерами по решению Верховного Главнокомандующего единовременную выплату в размере 5 тысяч рублей получат и военные пенсионеры.

Как отметил Министр обороны, достигнуты определенные результаты в улучшении медицинского обслуживания ветеранов. С чувством признательности перечислю тезисы его выступления, касающиеся этой чрезвычайно важной для ветеранов темы. В прошлом году лечение в госпиталях прошло 120 тысяч человек. В настоящее время у ветеранов есть возможность получить более 60 видов высокотехнологичной медицинской помощи. В этом году такая помощь оказана почти 14 тысячам человек. Сегодня инвалиды Великой Отечественной войны проходят обязательную диспансеризацию

в военно-медицинских учреждениях. Организовано плановое наблюдение на дому за здоровьем ветеранов, которые не могут самостоятельно посещать поликлиники. Министр также сообщил, что по инициативе военного ведомства принято постановление Правительства, которое предусматривает бесплатное зубопротезирование для военных пенсионеров в гражданских медицинских учреждениях. При этом расходы возмещаются военным округом по представлению военного комиссариата.

Сделаем зарубку на память, значимую в том числе и для ветеранов Военного университета: генерал армии С.К. Шойгу подчеркнул, что инициаторами решения многих социальных проблем военнослужащих стали ветеранские организации Вооруженных Сил.

Пользуясь случаем, скажу об инициативах нашего общественного объединения в вопросах заботы о ветеранах.

В конкурсе на звание лучшего преподавателя университета появилась новая номинация – «За верность профессии». В этой номинации, по согласованию с Советом ветеранов, отмечаются преподаватели и научные сотрудники, много лет добросовестно проработавшие в нашем вузе.

По представлению нашего Совета ветераны ежегодно награждаются грамотами, ценными подарками, сувенирами.

Доброй традицией стало чествование ветеранов – в этом большая заслуга первичных организаций общественного объединения. Благодаря нашим «первичкам», мероприятия, посвященные ветеранам, проходят на высокой патриотической, эмоциональной волне, оставляют добрый след в памяти и в сердце.

Повышению заботы о ветеранах университета, решению задачи по оказанию им социальной поддержки способствует тесное взаимодействие Совета нашего ветеранского объединения с Общероссийской общественной организацией ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации, возглавляемой генералом армии В.Ф. Ермаковым, Общероссийской общественной организацией ветеранов «Российский союз ветеранов» под председательством генерала армии М.А. Моисеева, Московской городской общественной организацией ветеранов войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, председателем которой является В.И. Долгих, Московским комитетом ветеранов войны, во главе которого двадцать лет стоит выпускник Военно-поли-

тической академии генерал-майор И.А. Слухай.

– Николай Фадеевич, а какие проблемы сегодня наиболее актуальны для университетской организации ветеранов? Как они решаются?

– Основные проблемы связаны с настоятельной потребностью в повышении наших возможностей по оказанию материальной помощи ветеранам, обеспечению их социальной защиты, осуществлению адресной благотворительности, решению задач патриотического воспитания военнослужащих и гражданской молодежи. Для этого необходимо изменить статус общественной организации ветеранов Военного университета – зарегистрировать его в качестве юридического лица, предварительно представив на экспертизу в Минюст России правоустанавливающий документ – устав. Однако наш устав в редакции 2011 года уже не соответствует в полной мере тем требованиям, которые предъявляются действующим законодательством к уставам общественных организаций.

На заседании Совета ветеранов было принято решение подготовить новый правоустанавливающий документ в целях получения нашей организацией статуса юридического лица. Эту ответственную работу по собственной инициативе возложили на свои плечи сотрудники кафедры гражданского права во главе с доктором юридических наук, профессором В.Н. Старцуном. И выполнили ее на отлично. В проекте нового устава рассмотрены все правовые нюансы, которые позволят поднять работу общественной организации ветеранов университета на качественно новый уровень. А именно такую цель мы ставим перед собой.

Отрадно сознавать, что наши ветераны – на правильном пути. Думал об этом, когда 1 декабря смотрел онлайн видео с посланием Президента Федеральному собранию. В послании Президент поставил перед Общественной палатой и Агентством стратегических инициатив задачу предметно заняться поддержкой благотворительных движений и некоммерческих организаций. «Воля и великодушные граждане, которые участвуют в таких проектах, – сказал В.В. Путин, – формируют столь необходимую России атмосферу общих дел, создают колоссальный социальный потенциал, и он должен быть обязательно востребован». Далее Президент подчеркнул необходимость оказания всесторонней помощи социально ориентированным некоммерческим организациям [2].

Ответ ветеранов таков: рассчитывая на помощь и поддержку, со своей стороны приложим все усилия для достижения намеченных целей.

– Спасибо за содержательную беседу, Николай Фадеевич! Разрешите пожелать Вам и всем ветеранам Военного университета крепкого здоровья, долголетия и успехов в Ваших благородных начинаниях.

Подготовил Ю. КИСЛЫЙ
Фото Л. УТЕХИНОЙ

Список литературы

1. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы: государственная программа [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 г. № 1493. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196398/>.

2. Послание Президента Федеральному собранию 1 декабря 2016 года [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.

3. Вручение грамот о присвоении звания «Город воинской славы» 22 июня 2015 года [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49746>.

4. Встреча с активом Клуба лидеров 3 февраля 2016 года [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт.

URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51263>.

5. Сохраняя и умножая традиции // Красная звезда. 20016. 25 нояб.

Relevant Issues

OUR TASK IS TO RAISE THE WORK OF THE VETERANS ASSOCIATION TO A NEW LEVEL

Nikolai F. KIZYUN

Abstract. The interview highlights major activities of the public association of the veterans of the Military University, discusses the ways to improve its organizational and legal basis.

Keywords: public association of veterans; Veterans Council; legal basis of the activity; military-patriotic education; social protection; socially oriented non-profit organizations

Information about the interviewee

Kizyun Nikolai Fadeevich, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Retired Colonel-General, Chairman of the Veterans Council of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

14 Bol'shaja Sadovaja Str., Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: vurf@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ПРАВА

О.В. ДАМАСКИН,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*
E-mail: dov39@mail.ru

В.М. КОРЯКИН,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Е.Н. ХОЛОПОВА,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: elchol@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы военного права как учебной дисциплины, науки и научной специальности в условиях актуализации потребностей правового обеспечения национальной обороны и безопасности.

Ключевые слова: военное право; оборона; безопасность; военная наука и образование; научная специальность: военное право, военные проблемы международного права

Современные взгляды на потребности и возможности, способы обеспечения государственных интересов и национальной безопасности обуславливают повышение требований к качеству подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации, сил безопасности, специальных служб [2].

Реформирование системы образования нашего государства по западным образцам, необходимость чего изначально вызывала сомнение, так как российская образовательная система и ее прежние успехи были признаны во всем мире, затрагивает многие направления деятельности, включая систему военного образования и военной науки.

Следует признать тот факт, что ориентация на западные образовательные стандарты становится губительной для российского образования, в том числе и специализированного ведомственного. Переход на предусмотренную Болонским соглашением двухуровневую систему подготовки военных кадров, иные реформации в области образования оказываются разрушительными для высшей военной школы и науки

Необходимо заметить, что инициаторы начавшихся реформ не сумели учесть ни

особенностей подготовки специалистов в области юриспруденции, ни специфики их правоприменительной деятельности, ни тенденций развития военно-правовой науки и ее значения в правовом регулировании общественных отношений в сфере обороны и безопасности Российской Федерации, правового обеспечения национальной безопасности в условиях роста новых угроз Российской Федерации. Как считает Н.В. Просандеева, компетентный подход, в настоящее время ставший основой образовательной парадигмы образовательных организаций не только военных вузов, не может быть применен в профессиональной социализации сил обеспечения национальной безопасности. Технократический подход в образовательной сфере, делающий упор на формирование исключительно прагматичных профессиональных навыков, приводит к формированию у курсантов и слушателей психологии наемников, что актуализирует проблему надежности национальной безопасности России [11]. При реализации идеи реформирования системы подготовки кадров в военных образовательных организациях по западным стандартам не учитываются традиции коллективизма в сфере военной службы, современные угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Требуют повышения уровня защищенности национальные интересы Российской Федерации в связи с наличием как внешних, так и внутренних угроз безопасности России:

– развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях стран, сопредельных с Российской Феде-

рацией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для оказания политического и военного давления на Российскую Федерацию;

- наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности;

- деятельность международных вооруженных радикальных группировок, иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников;

- наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и экстремизма [1].

Вызывают тревогу сокращение подготовки кадров по юридическим специальностям в военных образовательных организациях, преподавательского состава, изменение их статуса. Компетентность, обоснованность и правомочность ряда решений в сфере реорганизации системы военного образования, ранее принятых высшим военным руководством страны, вызывает обоснованное сомнение у значительной части военнослужащих.

Состояние законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, по материалам Главной военной прокуратуры, свидетельствует о падении авторитета, морального облика ряда высокопоставленных должностных лиц вследствие их противоправного поведения. Все это не может не отражаться на отношении к профессиональному военному образованию и военной службе значительной части курсантов, слушателей, преподавателей и командиров. Поэтому ранее предлагавшиеся рядом специалистов подходы к совершенствованию и развитию системы военного строительства и профессионального военного образования, по нашему мнению, заслуживали компетентного обсуждения [3; 8].

В действующих в России федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по направлению подготовки (специальности) «Юриспруденция» не значится учебных дисциплин «Военное право» и «Военные проблемы международного права». В частности, следует отметить, что на современном этапе возрастания потребности развития военно-юридического образования военнослужащих, выпускники образовательных организаций погранич-

ного профиля не будут получать юридического образования, которое предопределяется действующим законодательством и обусловливается возрастающими потребностями законности и эффективности пограничной деятельности.

Анализ Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации», Федерального закона «О Федеральной службе безопасности», других открытых источников в части закрепления стоящих перед Федеральной службой безопасности, в том числе и пограничными органами, задач по обеспечению безопасности Российской Федерации, принципов их деятельности, функций и прав, а также анализ практической деятельности указанных структур позволяют сделать вывод, что сотрудники данных органов должны быть подготовлены для реализации целого комплекса правоохранительных задач в различных сферах служебной деятельности (военной, пограничной, экономической, финансовой и др.), отнесенных к их компетенции. В своей совокупности названные сферы предопределяют сущность и содержание понятия «государственная безопасность Российской Федерации», получившего законодательное закрепление только в подготовке кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре (40.07.02 «Правовое обеспечение государственной безопасности»).

Военное право, применяемое органами военного управления, их юридическими службами, органами военной юстиции, традиционно рассматривается в трех аспектах:

- как комплексная отрасль права, регулирующая определенную группу общественных отношений;

- как наука (сфера знаний в области правоведения);

- как специальная учебная дисциплина, связанная с преподаванием военного права.

Названные разновидности понятия военного права взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены, но каждое из них имеет собственное содержание. В Российской Федерации действует значительное количество норм в военно-оборонной сфере, которые объективно невозможно отнести к той или иной традиционной отрасли права.

Военное право на современном этапе рассматривается как комплексная отрасль права, в которую наряду с иерархически выстроенными по вертикали (исходя из критерия юридической силы правовых актов) нормами военного законодательства, регулирующими вопросы военной деятельности государства и военно-служебные отношения, входят нормы, относящиеся к другим (классическим, т. е. традиционным) отраслям законодательства – государственному, административному, финансовому, жилищному, земельному, уголовному и др. в части, касающейся специфических особенностей правоотношений в сфере военной службы, статуса военнослужащих и воинских правоотношений [6].

Государственная политика в сфере оптимизации системы военного образования должна представлять собой регулирующую деятельность государства, осуществляемую им для достижения конкретных стратегических целей и решения задач национального или глобального уровня [9]. Поэтому закрепление ее в соответствующих нормативных правовых актах является необходимым условием перехода от пожеланий и рекомендаций к требованиям, обязательным для исполнения, и также нуждается в соответствующем научном обосновании. Актуализируется проблема свертывания специализированной подготовки военных юристов, сокращения военно-юридической службы, что снижает возможности правового обеспечения законности и правопорядка в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах, правовой защиты прав военнослужащих, осуществления военного строительства, развития науки военного права [4].

В условиях декларировавшегося прежним руководством Минобороны России курса на формирование нового облика Вооруженных Сил актуализировались проблемы коммерциализации сознания военнослужащих, коррупции [7], законности и правопорядка [5] в военных организациях. Однако наиболее очевидной проблемой в современных условиях является усиливающееся противоречие между возрастающими потребностями общества в объективном научном осмыслении современных причин коррупции и преступности, реальных возможностей противодействия им на основе вносимых научно обоснован-

ных предложений ученых-криминологов и их ограниченным использованием в законотворческой и правоприменительной практике.

Военное право как специализированная комплексная отрасль юридической науки исследует теорию и практику правового обеспечения военной деятельности государства и его институтов в сфере обороны и безопасности. Научные исследования, адекватные потребностям теории и практики, являются необходимой основой военно-юридического образования. Военное профессиональное образование и наука должны органично взаимно дополнять и развивать друг друга и тем самым активно способствовать сохранению и дальнейшему прогрессу военных научных школ.

Военно-правовые исследования в системе военного образования не должны ограничиваться только образовательными вопросами, они призваны распространяться на весь спектр теоретической и прикладной проблематики в рамках специальностей и учебных дисциплин подготовки специалистов с выходом на удовлетворение конкретных потребностей военного строительства. Интеграция должна предполагать в том числе и объединение под единым началом всех практикуемых в образовательных и исследовательских организациях форм научной работы.

В сфере подготовки научно-педагогических кадров (НПК) целесообразно уточнить направленность системы профессионального образования в адъюнктуре, структуру диссертационных советов и специальности, по которым будут приниматься диссертации к защите. Необходимо сохранить соискательство как форму подготовки НПК в ведомственных вузах, на базе которых не созданы диссертационные советы, формировать преимущественно объединенные советы военных вузов (вузов). Такой подход в сочетании с качественным научным руководством позволит рассчитывать на устранение искусственной, но объективно существующей разобщенности субъектов научной деятельности (НИО и вузов), форм научной работы (научных исследований и технического творчества), а также на сокращение дистанции между такими, по существу, неразделимыми формами творческой деятельности, как научная работа, подготовка офицерских кадров и воспроиз-

водство военных ученых. Это, в свою очередь, обеспечит быстрое реагирование на изменения актуальности проблематики проводимых исследований и более полное использование научного потенциала силовых ведомств, адаптацию военного профессионального образования и военной науки к общегосударственной системе, а также последующую более глубокую интеграцию в масштабах всей военной организации государства. Следствием таких преобразований может стать повышение эффективности отечественной военно-правовой науки и качества военного профессионального образования при более рациональном использовании выделяемых для их обеспечения бюджетных средств.

Качественное развитие военно-правовых исследований в рамках действующих научных школ вузов невозможно без дальнейшего определения статуса научной специальности *20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права»* и перспектив ее развития. В приказе Минобрнауки России от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» определен перечень направлений подготовки высшего образования – подготовки кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре. В разделе 40.00.00 – юриспруденция, выделены два направления: 40.07.01 – Юриспруденция (исследователь, преподаватель-исследователь) и 40.07.02 – Правовое обеспечение государственной безопасности (исследователь, преподаватель-исследователь).

Номенклатура специальностей научных работников по юридическим наукам утверждена приказом Минобрнауки России от 25 февраля 2009 г. № 59 (с последующими изменениями и дополнениями). Научная специальность *20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права»* утверждена «закрытым» приказом Минобрнауки России от 16 февраля 2015 г. и находится в разделе «Военно-теоретические и военно-специальные науки»

В настоящее время возникают проблемы определения направлений подготовки военных кадров по юриспруденции и организации деятельности диссертационных советов по соответствующей специ-

альности. Следует заметить, что данная специальность была выделена в Общероссийском классификаторе специальностей высшей научной квалификации (ОКСВНК), который являлся составной частью Единой системы классификации и кодирования информации (ЕСККИ) Российской Федерации и был подготовлен в рамках постановления Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 121 «О мерах по реализации Государственной программы перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики».

ОКСВНК базировался на документе «Номенклатура специальностей научных работников», утвержденном приказом Миннауки России от 28 февраля 1995 г. № 24 и учитывал положения Международной стандартной системы классификации образования (МСКО). Общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации был создан как функциональная часть единого языка-средника для автоматизированной обработки и обмена информацией на всех уровнях управления народным хозяйством Российской Федерации с охватом как государственной, так и негосударственной систем высшего образования при решении следующих задач: регулирования и планирования приема и выпуска специалистов в аспирантуру и докторантуру; статистического учета приема, выпуска и трудоустройства специалистов высшей научной квалификации; интеграции системы подготовки специалистов высшей научной квалификации Российской Федерации в соответствующие международные образовательные структуры; проведения международных статистических сопоставлений; статистического учета по линии ЮНЕСКО. Объектами классификации в ОКСВНК являлись специальности высшей научной квалификации, отнесенные к различным отраслям науки и для некоторых отраслей сгруппированные в группы специальностей высшей научной квалификации, выделенные в пределах данной отрасли науки. Разделение на группы осуществлено в физико-математических, технических, сельскохозяйственных, филологических и военных науках. В ОКСВНК в разделе «Военные науки» была выделена специальность *20.02.03 «Военное право,*

военные проблемы международного права». Таким образом, изначально данная специальность не входила в отрасль науки – юриспруденция. Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что содержанию специальности присуща двойственная природа (одновременно юридическая и военная).

Научная специальность «Военное право, военные проблемы международного права» соответствует области (разделу) военной науки, занимающейся исследованием теоретических и практических проблем правового регулирования общественных отношений в сфере обороны, военного строительства, проблем содержания и системы военного права и военных аспектов других отраслей российского права, структуры, функций и деятельности органов военного управления, военно-юридических органов, состояния, причин и обоснования основных направлений профилактики преступлений и иных правонарушений, совершаемых военнослужащими; использования автоматизированных систем информационного обеспечения военных организаций, военно-юридических органов, а также проблем военного законодательства зарубежных государств и военных аспектов международного права. Если эта специальность имеет двойственную природу, то возникает необходимость определить ее местоположение и в ныне действующей Номенклатуре специальностей научных работников, утвержденной приказом Минобрнауки России от 25 февраля 2009 г. № 59. Нет сомнений, что в соответствии с названным приказом выстраиваются направления научных исследований, на него ориентируется исследовательская работа кафедр и научных отделов как основных структурных подразделений научных и образовательных учреждений. Значительную роль указанный документ играет в создании и организации работы диссертационных советов.

Очевидно, что номенклатура специальностей должна соответствовать потребностям времени, учитывать реалии, развитие и состояние юридических и смежных с ними наук. Вместе с тем, данный документ требует новаторских изменений и дополнений по включению специальности, с названием которой необходимо определиться. Варианты наименования: военное право, военные проблемы международ-

ного права; правовое обеспечение государственной безопасности; правовое обеспечение национальной безопасности; военное право; право безопасности; военные проблемы международного права и др.. Задача для представителей науки военного права – сделать ее оптимальной как с точки зрения развития и будущности юридической и военной науки, так и с позиций подготовки высококвалифицированных военных специалистов, эффективной работы диссертационных советов. Для достижения указанной цели предполагается учитывать:

- актуальность научной военно-юридической специальности, ее практическую востребованность;
- развитие единой правовой отрасли или отраслей, составляющих научную специальность, их регулятивных свойств;
- содержание данных знаний как научных и наукообразующих, что предполагает отражение в них наиболее существенных сторон военно-правовой действительности; знания должны иметь определенную систему и должны быть выражены в надлежащей форме (диссертации, монографии, научные издания).

На протяжении ряда лет научные исследования в сфере обороны и безопасности осуществлялись в рамках специальностей: 20.01.02 «Стратегия. Военные аспекты безопасности государства, военная политология»¹, 05.26.02 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях»²,

¹ *Земцов В.И.* Основы стратегической деятельности Российской Федерации по обеспечению пограничной безопасности (на примере Северо-Кавказского региона): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003; *Губченко А.В.* Влияние современного геополитического положения России на ее пограничную безопасность: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.

² *Жилинский В.В.* Правовое обеспечение национальной безопасности в чрезвычайных условиях: дис. канд. юрид. наук. М., 2007; *Рыжак Н.И.* Правовое регулирование деятельности спецслужб в системе национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000; *Щелоков А.С.* Правовое обеспечение деятельности государства по борьбе с незаконным оборотом наркотиков как угрозой национальной безопасности России: дис. ... канд. юридических наук. М., 2006; *Сафоненко Ю.Н.* Правовое обеспечение безопасности судебной системы в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Савин С.Ю.* Правовое обеспечение информационной безопасности государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»:

05.13.10 «Управление в социальных и экономических системах», 20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права»³ на кафедре национальной безопасности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Однако с 2010 г. сфера деятельности этой кафедры по подготовке научных кадров, включавшая политические, экономические и правовые проблемы национальной безопасности, ограничена политологической проблематикой. В связи с сокращением военно-юридической подготовки в Военном университете и в вузах пограничного профиля органов Федеральной службы безопасности проблематичной становится перспектива дальнейшей подготовки в них научных кадров по специальности «Военное право, военные проблемы международного права». Сужение сферы научной деятельности названных учебно-научных учреждений актуализирует потребность сохранения научных школ исследования правовых проблем обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации.

В настоящее время диссертационные советы по указанной научной специальности работают в двух вузах России – в Военном университете и в Московском пограничном институте ФСБ России. Кроме того, данная научная специальность под тем же названием и тем же шифром была предусмотрена номенклатурами научных специальностей ряда государств СНГ – Украины (до 2005 г.), Белоруссии и Узбекистана (под шифром 21.02.03).

Многолетняя история существования научной специальности 20.02.03 свидетельствует о ее востребованности как для юридической, так и для военной науки,

дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

³ *Арсенян А.З.* Международно-правовое обеспечение безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств в современных условиях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004; *Кудашкин А.В.* Правовое регулирование военной службы в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; *Кудашкин В.В.* Правовое регулирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; *Корякин В.М.* Правовое обеспечение военно-социальной политики Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005; *Холиков И.В.* Правовое обеспечение международного сотрудничества в области военной медицины и здравоохранения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

для практики правового обеспечения военного строительства, безопасности государства, для целей нормотворческой и учебно-методической деятельности. Вместе с тем, за последние годы наметилась объективная тенденция к расширению сферы предмета исследований в области военного права, что обусловлено изменяющимися социально-экономическими и политико-правовыми реалиями, реформированием военной организации государства и возрастанием в ней роли права, новыми угрозами и вызовами безопасности личности, общества и государства, которые отмечают многие представители военно-правовой науки⁴.

На протяжении ряда лет на страницах научных журналов велась дискуссия о том, какой должна быть рассматриваемая специальность. Так, А.А. Толкаченко писал, что «государственные органы, включая органы обеспечения различных видов безопасности, рассматривают не узкий круг военно-правовых вопросов, а широкий круг комплексных, смежных проблем правового обеспечения безопасности страны. Между тем актуальные и все расширяющиеся правовые проблемы безопасности недостаточно представлены в действующих научных специальностях по юридическому направлению, представляется актуальным решение вопроса расширения научной специальности 20.02.03 за счет включения в нее социально значимых проблем, объединенных общим понятием «право безопасности». Такое предложение лишь нормативно закрепило бы фактически существующее, более широкое,

⁴ Развитие криминалистической науки в процессе подготовки военных юристов в России (1859–2006): библиогр. указатель / под ред. С.В. Маликова. М.: Воен. ун-т, 2006. С. 24, 43; *Толкаченко А.А.* Современное состояние военно-юридической (военно-правовой) науки и ее роль в укреплении безопасности России // *Право и безопасность*. 2007. № 3–4. *Корякин В.М.* Научная добросовестность как принцип военно-правовых исследований // *Рос. воен.-правовой сб.* № 10: 175 лет военно-юридическому образованию в России. М.: За права военнослужащих, 2007; *Казанцев Н.М.* Право безопасности в контексте военного права // *Право в Вооруженных Силах*. 2004. № 9; *Кудашкин А.В.* О соотношении военного права и права безопасности // *Право в Вооруженных Силах*. 2004. № 9; *Толкаченко А.А.* К вопросу об изменении названия и паспорта специальности «20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права» // *Право в Вооруженных Силах*. 2004. № 12.

нежели указано в названии специальности, положение дел в научной специальности 20.02.03 и открыло бы новые актуальные направления научных исследований в области военного права в соответствии с современными угрозами и вызовами безопасности, с которыми приходится сталкиваться не только воинским формированиям, но и всей военной организации государства» [12].

В.Е. Чеканов считает, что название специальности должно соответствовать названию отрасли права: «осмысление имеющегося опыта позволяет сделать вывод о фактическом наличии в отечественной правовой системе комплексной отрасли российского права – *“Право национальной безопасности Российской Федерации”*. Ее подотраслями и правовыми институтами могли бы стать соответственно: *“Право военной безопасности”*; *“Право пограничной безопасности”*; *“Право экономической безопасности”*; *“Право финансовой безопасности”*; *“Правовая безопасность”* и др., их основу составляют действующие в данной области нормативные правовые акты и имеющиеся научно-учебные наработки» [14]. Таким образом, эти фрагменты обозначенной выше дискуссии не позволяют сформулировать однозначное название научной специальности. Как обоснованно утверждается в научной литературе, суть номенклатуры научных специальностей состоит не в том, чтобы максимально и детальным образом перечислить те или иные науки и их подотрасли, а скорее в том, чтобы выделить определенные блоки, направления научной мысли, которые служат ориентиром, во-первых, для самих диссертантов, а во-вторых, для формирования соответствующих диссертационных советов [10].

Военно-правовая наука не может замыкаться только на узкоспецифичной военной проблематике. Она должна включать исследование правовых аспектов всего круга оборонных вопросов, которыми ни одна другая отрасль правовых знаний не занимается. Методологические и общетеоретические проблемы военного права неоднократно рассматривались на научных мероприятиях, где определились *два концептуальных подхода к их решению*: разработка военно-правовых проблем в рамках сложившейся системы отечественных отраслей права либо на основе

признания концепции военного права как разновидности юридической науки. В современной отечественной практике реализованы оба подхода, т.е. диссертации по военно-правовой проблематике как ранее, так и ныне разрабатываются и защищаются и в рамках известных отраслевых юридических наук, и по комплексной научной специальности «Военное право, военные проблемы международного права». Вместе с тем, включение указанного направления в структуру научных специальностей, по которым осуществляется подготовка и защита диссертаций, является объективным показателем самостоятельности военного права как полноценной отрасли науки.

Наука *военного права* должна быть основой отрасли и специальности. Потребности практики актуализируют повышение внимания исследователей к новым направлениям военно-правовых исследований. Такими перспективными направлениями становятся, в частности, военно-полицейское, криминологическое и криминалистическое направления в исследовании проблем военного права, а также военно-уголовной политики [15]. Дальнейшее развитие научных школ в сфере военного права будет определяться преемственностью образования по военно-юридическому направлению. Продолжение и интенсификация работы по детализации модели современной военно-научной школы в ведомственном вузе представляет собой одну из актуальных задач в области организации научной деятельности [13].

Высказанные авторами статьи суждения не претендуют на бесспорность и предлагаются для заинтересованной компетентной дискуссии о роли и месте специализированной комплексной отрасли военного права в системе российского права, в интересах укрепления правового обеспечения обороны и безопасности России.

Список литературы

1. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 25.12.2014 г. № Пр-2976 // Рос. газ. 2014. 30 дек.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Собр. законода-

тельства Рос. Федерации. 2016. № 1. Ч. 2. Ст. 21.

3. *Владимиров А.* Сохраним армию – сохраним Россию. Общие подходы к развитию национальной системы профессионального военного образования // Военно-промышленный курьер. 2008. 30 янв. – 5 февр.

4. *Дамаскин О.В.* Военная наука и образование в обеспечении национальной безопасности России // Право в Вооруженных Силах. 2010. № 2.

5. *Дамаскин О.В.* Российская армия в современном обществе: проблемы и перспективы: моногр. М.: Юрлитинформ, 2011.

6. *Корякин В.М.* К вопросу о комплексных отраслях отечественной правовой системы (на примере военного права) // Журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 40–48.

7. *Корякин В.М.* Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия: моногр. М.: За права военнослужащих, 2009. 335 с.

8. *Кошкин А.П., Денисенкова Н.Н.* Современные проблемы развития военного образования в России // Вест. Акад. воен. наук. 2011. № 1.

9. *Ляпин И.Л.* Профессиональное образование в обеспечении национальной безопасности России. Тюмень: Вектор Бук, 2005.

10. *Муранов А.И.* Об изменении номенклатуры специальностей научных работников применительно к адвокатуре: не надо так волноваться // Адвокат. 2009. № 8.

11. *Просандеева Н.В.* Современная образовательная модель и возможность ее использования в профессиональной социализации сил обеспечения безопасности // Оперативник (сыщик). 2015. № 4. С. 49–54.

12. *Толкаченко А.А.* К вопросу об изменении названия и паспорта специальности 20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права» // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 12.

13. *Холопова Е.Н.* Военно-правовые исследования: современные проблемы и перспективы. М.: Юрлитинформ, 2015.

14. *Чеканов В.Е.* Некоторые проблемы развития военно-юридической науки и образования на современном этапе и возможные пути их решения // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 2.

15. *Шумилов А.Ю.* Современные правовые военно-полицейские научные исследования в России: состояние и перспективы // Оперативник (сыщик). 2012. № 1.

Сведения об авторах

Дамаскин Олег Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

E-mail: dov39@mail.ru

Корякин Виктор Михайлович, доктор юридических наук, доцент.

E-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Холопова Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: elchol@mail.ru

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

On the Agenda

MODERN PROBLEMS OF THE MILITARY LAW

Oleg V. DAMASKIN, Viktor M. KORYAKIN, Elena N. KHOLOPOVA

Abstract. The article discusses modern problems of the Military Law as an academic discipline, a field of science and a scientific specialization within the actualization of the legal support to the national defense and security.

Keywords: military law; defense; security; military science and education; scientific specialization: military law, military problems of international law

Information about the authors

Damaskin Oleg Valer'evich, Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

E-mail: dow39@mail.ru

Koryakin Viktor Mikhailovich, Dr. Sc. (Law), Associate Professor.

E-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Kholopova Elena Nikolaevna, Dr. Sc. (Law), Professor.

E-mail: elchol@mail.ru

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

ПОДСУДНОСТЬ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ВОЕННЫМ СУДАМ ПО СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ 1867 ГОДА*

С.А. ХОМЯКОВ,
*соискатель кафедры уголовно-процессуального права,
криминалистики и судебной экспертизы им. Н.В. Радутной*
E-mail: pp@rsuj.ru
**Российский государственный университет правосудия,
Москва**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подсудности уголовных дел военным судам в соответствии с Военно-судебным уставом, введенным в действие с 15 мая 1867 г., при этом прослеживается взаимосвязь преобразований в военно-судебной системе с проведенной Судебной реформой 1864 г.

Ключевые слова: Военно-судебный устав; судопроизводство; военный суд; полковые суды; военно-окружные суды; преступление; уголовное наказание; состав суда; военнослужащий; Главный военный суд

В результате проведения Судебной реформы 1864 г. судебная система России стала, по сравнению с прежней судебной системой, более упорядоченной и стройной. Согласно Высочайше утвержденному 20 ноября 1864 г. Александром II «Учреждению судебных установлений» все суды делились на мировые и общие [2]. Провозглашалось, что «власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату – в качестве верховного кассационного суда». При этом отмечалось, что судебная власть названных судов распространяется на лиц всех сословий и на все дела (гражданские и уголовные). Однако, кроме указанных судов в России, как отмечалось в одном из примечаний данных установлений, действовали также суды духовные, коммерческие, крестьянские и военные на основе особых о них постановлений [4].

Специальное постановление о военных судах было Высочайше утверждено 15 мая 1867 г. в виде нового Военно-судебного устава. Указанный нормативный акт разрабатывался особой комиссией на базе утвержденных Александром II «Основных

положений преобразования военно-судебной части» от 25 октября 1865 г.

При разработке Военно-судебного устава большое внимание было уделено такому важному вопросу, как подсудность дел военным судам.

Понимая негативность непомерного расширения юрисдикции военно-судебных учреждений в дореформенном периоде и того, что прежние военные суды завоевали себе репутацию органов суровой расправы со всеми инакомыслящими в стране, с чем больше уже не мирилось общественное мнение, комиссия пришла к выводу о необходимости сокращения круга лиц, подлежащих военному суду. Исходя из этого, было признано целесообразным всех лиц, не принадлежащих к военному ведомству, «обратить к общей подсудности» за все виды преступлений. Исключения составляли преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении [8].

В отношении военнослужащих комиссия решила, что все они должны подлежать военному суду. В Военно-судебном уставе подсудность уголовных дел была оправданно дифференцирована относительно мирного и военного времени. Важным является и то, что в Военно-судебном уставе уделялось внимание разграничению подсудности дел между военными и гражданскими судами.

В мирное время в военных судах по первой инстанции подлежали рассмотрению:

- все воинские чины сухопутного и морского ведомства;
- чины пограничной стражи за преступления и проступки, совершенные во время состояния на действительной службе;
- воинские чины, не состоящие на действительной военной службе (находящи-

* Статья публикуется в рамках подготовки к 150-летию военно-судебной реформы.

еся в запасе, отставке) за преступления, совершенные во время службы;

- гражданские чины военного ведомства за должностные преступления и нарушения правил воинской дисциплины;

- гражданские лица, совершившие преступления в соучастии с военнослужащими [1].

Подсудность военных судов значительно расширялась в военное время.

В местностях, объявленных на военном положении, военным судам были подсудны лица гражданского ведомства за те преступления, которые будут указаны по этому случаю в Высочайшем указе, а также в случае совершения преступления в соучастии с военными лицами.

Военным судам были подсудны и дела о военнопленных до передачи их в гражданское ведомство. Нормы эти изложены в первой книге второй части устава, в гл. 3 «О подсудности по роду преступлений и по месту совершения оных», а также в кн. 3 «Изъятия из общего порядка военно-уголовного судопроизводства».

В гл. 3 «О подсудности по роду преступлений...» указывалось, что:

- в случае обвинения кого-либо в совершении нескольких преступлений или проступков, из которых одни подлежат рассмотрению низшего, а другие – высшего суда, дело решается тем судом, которому подсудно более тяжкое преступление;

- если за совершенное преступление по закону могут быть назначены различные наказания, то дело подлежит рассмотрению тем судом, который вправе назначить более строгое наказание;

- в случае совершения преступления в соучастии дело рассматривается тем судом, которому подсудны «главные виновные» или в ведомстве которого «находится большее число обвиняемых (понятие главного виновного в законе не дано).

- если один из соучастников преступления подсуден высшему суду, а другие – низшему суду, то дело обо всех обвиняемых подлежит рассмотрению в высшем суде.

Согласно нормам кн. 3 «Изъятия из общего порядка...» из подсудности военных судов были изъяты дела о преступлениях против веры, духовных лиц, государственных преступлениях, должностных преступлениях лиц военно-судебного ведомства,

о преступлениях, связанных с нарушением законов о печати, и ряд других дел.

Военно-судебный устав детально регламентировал подсудность дел различным звеньям военно-судебной системы [5].

Полковым судам были подсудны дела о преступлениях только нижних чинов, за которые предусматривались исправительные наказания (не свыше одного года и четырех месяцев заключения в крепости или тюрьме, без лишения прав и преимуществ и денежные взыскания не свыше 100 руб.) [3].

Военно-окружным судам были подсудны дела:

- о генералах, штаб- и обер-офицерах и чиновниках военного ведомства;

- о преступлениях нижних чинов, за совершение которых предусмотрены наказания более строгие, чем мог назначить полковой суд, либо о преступлениях, совершенных совместно с гражданскими лицами, против военной службы;

- о преступлениях и проступках нижних чинов, если вместе с обвинением по делу заявлен гражданский иск на сумму свыше 100 руб., либо за совершенное преступление предусмотрено денежное взыскание свыше 100 руб.

Военно-окружным судам были подсудны все дела о «государственных преступлениях» военнослужащих, а в местностях, объявленных на военном положении, также дела и в отношении гражданских лиц.

Кроме военно-окружных судов, Военно-судебный устав предусматривал возможность создания особых военных судов для рассмотрения дел о так называемых государственных преступлениях, совершенных военнослужащими. Устав определял, что «дела по государственным преступлениям военнослужащих рассматриваются особым порядком». Эти дела должны были рассматривать или обыкновенные военно-окружные суды, или особые военные суды, или верховный уголовный суд. Какой из этих судов должен был рассматривать дело, в каждом случае определялось «повелением» императора.

Верховный уголовный суд по делам о «государственных преступлениях», совершенных военнослужащими, рассматривал их с соблюдением правил, установленных для верховного уголовного суда при рассмотрении уголовных дел в отношении

гражданских лиц. Но должностные лица в состав этого суда каждый раз при его учреждении (он был, как и особый военный суд, непостоянным) назначались особым повелением монарха.

Подсудность уголовных дел военным судам в военное время была значительно расширена. Среди субъектов, дела в отношении которых подлежали ведению рассматриваемых судов, были:

– лица, принадлежащие к войску (чиновники, служащие по вольному найму, торговцы, поставщики, извозчики и пр.);

– лица гражданского ведомства в местностях, объявленных на военном положении, – за преступления, указанные в «Высочайшем указе»;

– «жители неприятельских областей, армией занимаемых» – «при участии в преступлении с лицами, подлежащими военному суду», и «за преступления, означенные в прокламации главнокомандующего» (ст.ст. 1209–1213 Военно-судебного устава).

Судебная реформа 1864 г. в корне изменила судоустройство, процессуальное и отчасти материальное право Российской империи. Она ввела принцип независимости судей, гарантировав его выборностью мировых и несменяемостью судей общих судов, отделением судебной власти от исполнительной, учреждением особых судебных округов, не совпадающих с административным делением государства [6]. Реформа суда оказала также серьезное влияние на развитие военных судов, что отчетливо проявилось в ходе военно-судебной реформы 1867 г. [7].

Список литературы

1. Военно-судебный устав. СПб., 1867. Ст.ст. 240–248.
2. Реформы Александра II.: сб. нормативных актов / сост. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 1998. С. 278.
3. Байшев М.И. Военно-судебная реформа в царской армии (60–70 гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Воен.-юрид. акад., 1953. 16 с.
4. Власов В.И. История судебной власти в России. Кн. 1 (1019–1917). М.: Спутник+, 2003. 622 с.
5. Григорьев О.В. Военно-судебные реформы России (середина XVI – конец XX вв.): учеб. пособие. М.: Закон и право, 2010. 214 с.

6. Загорский Г.И. Военно-судебная реформа 1867 г. // История государства и права. 2013. № 3. С. 44–50.

7. Загорский Г.И. Становление и развитие органов военной прокуратуры // Военная юстиция России: история и современность. М.: Право, 2013. С. 199–204.

8. Петухов Н.А. // История военных судов: моногр. М.: Норма, 2003. С. 118.

Сведения об авторе

Хомяков Сергей Александрович, соискатель кафедры уголовно-процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, Москва.

117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

E-mail: pp@rsuj.ru

Theory and History of Military Law

MILITARY COURT JURISDICTION OVER CRIMINAL CASES AFTER JUDICIAL REFORM OF 1867

Sergei A. KHOMYAKOV

Abstract. The article discusses the jurisdiction of the military courts over criminal cases under the Military Judicial Statute that entered into force on 15 May 1867 and tracks the relationship between the changes in the military judicial system and the judicial reform of 1864.

Keywords: Military Judicial Statute; legal proceedings; military court; regimental courts; military and district courts; crime; criminal penalty; composition of the court; serviceman; Chief Military Court

Information about the author

Khomyakov Sergei Aleksandrovich, Degree Applicant of Department after N. Radutnaya (Criminal Procedural Law, Criminalistics and Forensics) of the Russian Academy of Justice, Moscow.

69 Novocheryomushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation

E-mail: pp@rsuj.ru

УДК 355/359.08

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ. 1918–1920 ГОДЫ

В. А. РЫБИН,
кандидат исторических наук, профессор
Б. Ю. ДЕРЕШКО,
кандидат юридических наук, доцент,
генерал-майор внутренней службы,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
МВД России по научной работе, Москва
E-mail: vnii_mvд@mvd.gov.ru

Аннотация. В статье представлен историко-правовой анализ правового положения военнослужащих Красной Армии на первом этапе ее создания в 1918–1920 гг. На основе исследования первых нормативных правовых актов Советской власти дана характеристика правового статуса красноармейцев, обусловленного особенностями военного времени.

Ключевые слова: правовой статус, военнослужащие, Красная Армия, тыловое ополчение

Советское государство с первых дней своего существования неизменно стояло на позиции закрепления принципа гражданского полноправия военнослужащих.

Еще в конце 1917 г. военнослужащим, независимо от занимаемых должностей, были предоставлены политические права наравне со всеми гражданами Советской Республики.

В закреплении правового положения военнослужащих большую роль сыграл Декрет СНК от 29 декабря 1917 г. «Об уравнении всех военнослужащих в правах».

Декрет упразднил прежние сословное неравенство в армии, военные чины и звания. Лица, состоявшие на военной службе, объявлялись свободными и равноправными гражданами. Отменялись преимущества, связанные с прежними чинами и званиями [5, с. 243].

Еще до опубликования декрета Совнаркомом о создании Красной Армии окружными органами военного управ-

ления были изданы правовые акты, регламентирующие положение командного состава.

Так, правовое положение красноармейцев и командного состава отрядов и дружин Красной гвардии определялись Уставом Красной гвардии, Инструкцией о правах и обязанностях должностных лиц, личным письменным обязательством красногвардейца [6, с. 72].

С организацией Красной Армии политическое равноправие военнослужащих было законодательно оформлено первой Конституцией РСФСР 1918 г., в ст. 64 которой говорилось, что правом избирать и быть избранным в Советы пользуются наряду со всеми трудящимися и военнослужащие [1].

В то же время в ст. 19 названного Основного Закона указывалось, что почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей [1].

Декрет СНК от 28 января 1918 г. «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии» открыл доступ в ее ряды всем трудящемуся Советской Республики не моложе 18 лет независимо от их религиозной, национальной и расовой идентификации [5, с. 352, 355] и тем самым покончил с царской политикой недоверия к инородцам, недопущения их к воинской службе.

В соответствии с указанным декретом военнослужащие Красной Армии состояли на полном государственном довольствии. Нетрудоспособные члены

семей красноармейцев обеспечивались местными Советами.

Вышеназванный документ заложил основы новой армии – армии равноправия и братства народов. Принципы, содержащиеся в нем, позднее были закреплены в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 30 сентября 1922 г. «Об обязательной воинской повинности для всех граждан РСФСР мужского пола» и в законах об обязательной военной службе 1925 и 1930 гг.

В Декрете ВЦИК от 26 апреля 1918 г. «О сроке службы в Рабоче-крестьянской Красной Армии» говорилось: «1. Всякий гражданин, добровольно вступивший в ряды Красной Армии, обязан служить в ней не менее 6 месяцев. 2. Всякий солдат Красной Армии, покинувший самовольно ряды армии до истечения указанного срока, подвергается ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до лишения прав гражданства Советской Республики» [2].

Однако к концу 1918 г. в связи с затянувшейся Гражданской войной срок службы в Красной Армии был увеличен до одного года с тем, однако, что прослужившие этот срок не подлежали увольнению с военной службы до конца военных действий [6, с. 117].

В Положении о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян, изданном 14 июля 1918 г., указывалось, что лица, принятые на военную службу, считаются поступившими на нее с момента внесения их в приемную роспись. С этого же времени они подлежали ответственности за проступки по военным законам и приобретали право на получения всех видов довольствия, льгот и преимуществ, установленных государством для военнослужащих [4].

Как пишет П.К. Бурдин, примечательной особенностью законодательства тех лет является разработка положений об освобождении от военной службы, об отсрочках от военной службы в отношении как отдельных граждан, так и групп лиц, а также о замене вида службы:

1) полное освобождение от военной службы;

2) освобождение только от призыва на действительную службу с зачислением в запас или в тыловое ополчение;

3) отсрочка от призыва на действительную службу на определенный срок;

4) замена одной службы другой [6, с. 118].

Советская власть допускала освобождение от воинской обязанности по религиозным убеждениям. Наиболее полно и четко этот вопрос регламентировался правовыми нормами, установленными Декретом СНК от 14 декабря 1920 г. Граждане освобождались от воинской обязанности по религиозным мотивам на основании решения народного суда, который должен был рассматривать всю совокупность доказательств, подтверждающих искренность лица и последовательное следование им религиозному учению. Этим пресекались попытки отдельных лиц склониться от воинской обязанности якобы по религиозным убеждениям. Освобождаемые от военной службы по религиозным убеждениям использовались, как правило, на различных общепользовательных работах (в госпиталях и др.) [7, с. 224].

От призыва в Красную Армию граждане также могли быть освобождены приемными комиссиями при военкоматах по следующим причинам:

– по состоянию здоровья, определяемому военно-врачебными комиссиями;

– по семейному положению, согласно действующему законодательству;

– по роду занятий – в силу милитаризации предприятий и учреждений;

– по политическим причинам – в связи с принадлежностью к эксплуататорским классам или в силу состоявшегося судебного решения;

– в связи с полученным образованием;

– по причине бытового характера (культурной, общественной отсталости представителей отдельных народностей).

В связи с увеличением численности армии выяснилось, что приемные комиссии не в состоянии разрешить все вопросы, касающиеся призывного контингента. Возникла необходимость в создании особых комиссий по отсроч-

кам. Такие комиссии были созданы как при РВС республики, так и при уездных губернских военкоматах [6, с. 118].

В этот период в стране имелось значительное количество нетрудовых, эксплуататорских элементов, и Советское государство вынуждено было привлечь их к полезной деятельности на нужды обороны страны, поскольку, согласно Конституции РСФСР 1918 г., защита республики с оружием в руках возлагалась исключительно на трудящиеся классы.

С этой целью декретом Совнаркома 20 июля 1918 г. было создано тыловое ополчение [3], в которое зачислялись все граждане, не подлежащие призыву в Красную Армию, в возрасте от 18 до 45 лет. К числу тыловиков-ополченцев относились:

- лица, живущие на нетрудовой доход – проценты с капитала и т. д.;
- лица, пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли, – владельцы предприятий и т. д.;
- члены советов и правлений, акционерных обществ, компаний, всякого рода товариществ, директора, управляющие этих обществ;
- бывшие присяжные поверенные, их помощники, частные поверенные, прочие ходатаи по делам, нотариусы, биржевые маклеры, торговые и коммерческие посредники;
- монахи и духовные служители церкви и религиозных культов всех вероисповеданий;
- лица так называемых свободных профессий, если они не выполняли общественно полезных функций;
- бывшие офицеры, чиновники, воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов и лица, не имеющие определенных занятий.

Все эти лица по приеме в тыловое ополчение назначались в особо формируемые рабочие части, где проходили службу в течение года.

Учет лиц, подлежащих зачислению в тыловое ополчение, возлагался на местные Советы, учреждения, предприятия и заведения.

Кроме того, к несению службы в РККА с оружием не допускались лица, лишенные по судебным приговорам политических прав или высланные в админи-

стративном порядке. Они зачислялись в тыловое ополчение. За время службы в нем указанные лица были обязаны платить специальный «военный налог».

Отдельные положения этих актов являются прообразом законодательных актов об альтернативной гражданской службе.

Для проведения в жизнь декрета Совнаркома о тыловом ополчении при всех исполнительных комитетах Советов 21 июля 1919 г. были созданы бюро для определения классово-принадлежности принимаемых на учет военнообязанных.

Важную роль в разработке правового положения военнослужащих играли военные уставы Красной Армии. На первых порах в войсках использовали старые уставы с соответствующими корректировками. Наркомвоеном предписывалось «пользоваться лишь теми статьями и пунктами, которые не противоречат духу организации армии на началах, выраженных в декретах и приказах рабоче-крестьянского правительства» [8, с. 74].

В конце 1918 – 1919 гг. ВЦИК утвердил Устав строевой службы, Устав гарнизонной службы, Дисциплинарный устав, Строевой кавалерийский устав, Строевой пехотный устав. Особенно велико было значение Дисциплинарного устава Красной Армии, утвержденного ВЦИК 30 января 1919 г. [7, с. 145]. В нем большое внимание уделялось подробной регламентации правового положения военнослужащих. Причем в Дисциплинарном уставе не только закреплялись, но и устанавливались нормы права, регулировавшие взаимоотношения между начальниками и подчиненными.

Статья 11 Дисциплинарного устава формулировала важнейшее положение, из которого видно, что военнослужащие не имели каких-либо ограничений политических и других прав. В ней указывалось, что военнослужащие Красной Армии пользовались правами одинаковыми с правами прочих граждан РСФСР. Из этого следовало, что военнослужащие могли принимать активное участие во всех политических мероприятиях, а также избирать и быть избранными в

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В Дисциплинарном уставе подробно излагались специальные обязанности военнослужащих: добросовестно нести военную службу, соблюдать установленные требования воинской дисциплины, выполнять приказы и распоряжения командиров, комиссаров и других начальников.

Однако Дисциплинарный устав не допускал слепого выполнения военными служащими любых приказов и распоряжений вышестоящих начальников. Он ориентировал военнослужащих на то, чтобы они понимали смысл и значение своих действий, их полезность или вредность для интересов Советского государства.

В ст. 22 Дисциплинарного устава по этому вопросу было записано: «Подчиненный, получив от начальника приказ явно преступный, обязан, не исполняя его, немедленно донести или доложить своему комиссару или в ближайший военный комиссариат или другое советское учреждение или следующему в порядке подчиненности начальнику, руководствуясь необходимостью быстро предупредить возможное преступление». Как видно из изложенного, любой военнослужащий не освобождался от ответственности за выполнение явно преступного приказа или указания начальника независимо от его ранга или положения. Таким образом, законодатель лишал военнослужащих возможности ссылаться на то, что они обязаны были выполнять любой приказ военного командования. Установление такой нормы помогало советской власти вести борьбу с контрреволюционными элементами [7, с. 146].

Немаловажное значение в формировании правовых основ военной службы имел Устав внутренней службы, утвержденный ВЦИК 29 ноября 1918 г. Устав требовал от каждого военнослужащего с честью носить звание воина, добросовестно изучать военное дело и выполнять свои обязанности, строго и неукоснительно соблюдать революционную дисциплину, как зеницу ока беречь и охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения, беспрекослов-

но выполнять приказы командиров и комиссаров, направлять все свои мысли и действия к великой цели освобождения трудящихся, быть готовым по первому зову вставать на защиту своей Родины и в борьбе за дело социализма не щадить ни сил, ни самой жизни.

Таким образом, уставы регламентировали жизнь, быт, и деятельность войск. Они стали важной вехой в деле их строительства. Утверждение уставов верховным органом Советского государства придало им силы законов и обеспечило высокий авторитет.

В уставах Красной Армии нашли отражения основные принципы организации и деятельности армии нового типа. Уставы оказали значительное влияние на формирование правового сознания советских воинов, сыграли важную роль в создании дисциплинированной хорошо обученной, понимающей свои основные цели и задачи боеспособной Красной Армии.

Законодательство первых лет советской власти предусматривало весьма широкий комплекс прав красноармейцев. Наряду с этим в законодательных актах регламентировались и обязанности красноармейцев.

Важным моментом, подтверждающим и закрепляющим принадлежность военнослужащего к армии, являлось принятие им обязательства, текст которого был утвержден декретом ВЦИК 22 апреля 1918 г. [8, с. 40].

В обязательстве гражданина, добровольно вступившего в Красную Армию говорилось:

«1) Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина – солдата Рабочей и Крестьянской Армии...

...7) Согласно декрета о сроке службы в Красной Армии, принятого Всероссийским ЦИК Советов рабочих и крестьянских депутатов, обязуюсь служить в армии не менее 6 месяцев со дня подписания контракта».

В обязательстве также перечислялись обязанности красноармейца: с честью носить звание воина Красной Армии; добросовестно изучать военное дело; охранять народное достояние и военное имущество от порчи и расхи-

щения; строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, назначенных Советским правительством, и др. Вступая в ряды Красной Армии красноармеец обязывался по первому зову Рабочего и Крестьянского правительства выступать на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов.

С момента подписания обязательства все красноармейцы несли ответственность за проступки по военным законам.

В конце 1918 г. для каждого бойца была введена служебная «Книжка красноармейца» – своеобразный свод основных прав, обязанностей и норм поведения воина Красной Армии. В нее были включены основные положения Конституции РСФСР, формула торжественного обещания, декреты правительства, приказы и положения Наркомвоена, касающиеся прав и обязанностей красноармейца, а также требования к нему в бою, изложенные в духе «Науки побеждать» А.В. Суворова.

В книжке популярно разъяснялись историческое назначение Красной Армии, ее коренное отличие от капиталистических армий, задачи советских воинов. При этом подчеркивался наступательный и решительный характер боевых действий Красной Армии, выдвигалось требование мужественно преодолевать любые трудности боевой жизни, вести борьбу до полной победы над врагом, постоянно пополнять знания, в совершенстве владеть оружием и заботливо ухаживать за ним.

«Книжка красноармейца», содержащая основные сведения по вопросам воинского воспитания и обучения бойцов, сыграла немалую роль в формировании высокого морального облика воина Красной Армии.

Повышению статуса Красной Армии и ее авторитета в обществе способствовали и другие меры, принятые Советским правительством. Так, летом 1918 г. для всех командиров и красноармейцев был установлен единый знак отличия – эмалевая красная звезда.

16 января 1919 г. были установлены знаки различия для начальствующего состава Красной Армии. Отделенный командир носил на рукаве один красный треугольник, помощник командира взвода – два треугольника, старшина – три, взводный командир – один квадрат, ротный командир – два квадрата, батальонный командир – три квадрата, полковой командир – четыре квадрата, командир бригады – ромб, начальник дивизии – два ромба, командующий армией – три ромба, командующий фронтом – четыре ромба.

Укреплению морального духа и боеспособности войск способствовало введение индивидуальных и групповых боевых наград. Приказом народного комиссара по военным делам от 3 августа 1918 г. было объявлено о введении боевой награды Советской Республики – Почетных Красных знамен ВЦИК для награждения наиболее отличившихся в боях полков и рот. Декретом ВЦИК от 16 сентября 1918 г. был учрежден орден Красного Знамени. Им награждались лица, проявившие особую храбрость и мужество в бою. Было утверждено также Положение о представлении к награждению Красным Знаменем воинских частей.

Советское законодательство, регулирующее права и обязанности военнослужащих Красной Армии, получало интенсивное развитие в конце 1918 – 1919 гг. К концу 1919 г. сложились основы правового статуса как рядового, так и командного состава Красной Армии. Последующее законодательство в этой области, принятое в годы Гражданской войны, лишь уточняло детали и некоторые частные моменты в зависимости от конкретных условий и меняющейся обстановки. [7, с. 245].

Однако в тот период не было единого кодифицированного законодательного акта, регулирующего правовое положение военнослужащих.

Большое значение имело создание в Красной Армии органов военной юстиции. В первые годы советской власти они создавались по мере формирования частей, соединений и объединений Красной Армии.

Весной 1918 г. появились первые следственные комитеты, к 1919 г. сложилась система революционных военных трибуналов, а в 1922 г. учреждается институт военных прокуроров [8, с. 96].

Органы военной юстиции с первых лет своего существования, работая в тесном контакте с командованием и общественными организациями, внесли огромный вклад в укрепление законности и правопорядка в вооруженных силах страны.

Список литературы

1. Конституция РСФСР: принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г. // Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939.
2. О сроке службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии: Декрет ВЦИК от 26.04.1918 г. // Собр. узаконений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 33. Ст. 445.
3. О тыловом ополчении: Декрет СНК РСФСР от 20.07.1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М., 1942. С. 720–725.
4. Положение о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян от 14.07.1918 г.: издано Народным комиссариатом по военным делам // Собр. узаконений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 43. Ст. 530.
5. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во политич. лит., 1957. 624 с.
6. Бурдин П.К. Правовые основы организации Красной Армии в 1918–1919 гг. М.: Воен.-юрид. акад., 1951. 209 с.
7. Портнов В.П., Славин М.М. Правовые основы строительства Красной Армии. 1918–1920 гг. М.: Наука, 1985. 288 с.
8. Советские Вооруженные Силы. История строительства. М.: Воениздат, 1978. 516 с.

Сведения об авторах

Рыбин Владимир Александрович, кандидат исторических наук, профессор.

Дерешко Богдан Юльевич, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор внутренней службы, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации по научной работе, Москва.

123995, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1

E-mail: vnii_mvd@mvd.gov.ru

Theory and History of Military Law

LEGAL STATUS OF THE RED ARMY PERSONNEL IN 1918-1920

**Vladimir A. RYBIN,
Bogdan Yu. DERESHKO**

Abstract. The article provides the historical and legal analysis of the legal status of the Red Army personnel in the first stage of its creation in 1918-1920. The research that describes the legal status of the Red Army personnel within the context of the wartime is based on the first Soviet legislative instruments.

Keywords: legal status of the military personnel; Red Army; militia troops

Information about the authors

Rybin Vladimir Aleksandrovich, Cand. Sc. (History), Professor.

Dereshko Bogdan Yul'evich, Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Major General of the Internal Service, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow.

Bld. 1, 25 Povarskaya Str., Moscow, 123995, Russian Federation

E-mail: vnii_mvd@mvd.gov.ru

УДК 342.951

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПРАВОВОЙ РАБОТЫ В РОССИИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Богословско-правовое исследование

О.А. ОВЧАРОВ,

*кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры военной администрации,
административного и финансового права
E-mail: o.oleg.1968@mail.ru*

В.Н. ПАНКРАТОВ,

*кандидат технических наук, доцент,
доцент 25 кафедры военной администрации,
административного и финансового права
E-mail: v.pankratov@list.ru*

Военный университет, Москва

Аннотация. В статье кратко рассмотрена история возникновения и развития военно-правовой работы в России, проанализированы ее особенности в разные периоды. Отмечены тесные связи права и христианства. Показана роль военного духовенства в налаживании правовоспитательной деятельности в вооруженных силах, укреплении морального духа защитников Отечества.

Ключевые слова: правовая работа; приказы; военно-правовая работа; военное духовенство; святыни; богослужение на линии фронта; военно-религиозные отношения

Под правовой работой принято понимать специфическую деятельность людей в области права. И не просто деятельность, а совместный слаженный труд, направленный на достижение конкретных целей или решение возникающих перед обществом (либо коллективом людей) задач. Особенностью этого труда являются правовые средства, создавая и применяя которые, люди и стараются достичь этих общеполезных целей, облегчить, улучшить и благоустроить свою жизнь, повысить уровень государственного и своего материального и духовного благосостояния..

Правовая работа в государстве и обществе занимает особое место. Без правовой работы ни государство, ни полноценное существование общества немислимы. Государство обязано своему существованию именно правовой работе. Ведь все главные атрибуты государства появляются и совершенствуются,

непрерывно улучшаются, прежде всего, в результате кропотливой правовой работы, охватывающей все наиболее важные стороны жизни, упорядочивающей и закрепляющей их в конкретные формы. Государственные законы, органы государственной власти и их полномочия, вооруженные силы государства, финансовая система государства и его границы – все это плоды правовой работы.

Практически с самого момента появления государства и его неотъемлемого атрибута – права возникает потребность в создании условий и проведении мероприятий, нацеленных на обеспечение правильного установления этим государством в правовых нормах наилучшего, наиболее совершенного порядка поведения граждан и должного его исполнения.

В научной литературе высказывается и обосновывается мнение о том, что право, а значит и правовая работа появились еще до возникновения государства. Так, А.А. Тер-Акопов, например, указывает: «Достаточно признать, что средства выражения права – параметр изменчивый, не отражающий сущности права. Как только все становится на свои места, то оказывается, что право – институт, вполне допускающий предгосударственный этап развития. Общеобязательность и принудительный характер права ни в коей мере не противоречат, в частности, первобытно-общинному строю. Здесь также существовала необходимость соблюдения всеми членами сообщества правил, обе-

спечивающих безопасность и нормальное существование какого-то общинного коллектива (свойство общеобязательности). Эти правила отражали волю всей общины. Закона в виде нормативного акта не было, но это не отменяет волеизъявления» [12].

При анализе первых дошедших до нас источников права видно, что уже тогда законодатель понимал, что провозгласить норму (порядок) недостаточно, необходимо установить также и процедуру, обеспечивающую ее правильное издание и реализацию, создать необходимые для этого условия (механизмы подготовки правовых норм, доведения их до исполнителей, установление санкций за правонарушение, учреждение контрольных и надзорных органов, наделение их необходимыми полномочиями, повышение правосознания граждан до уровня, позволяющего правильно понимать и надлежащим образом исполнять правовые предписания, и т. п.).

Деятельность, связанная с созданием правовых норм и претворением их в жизнь, с управлением обществом и государством посредством права, обязательных для граждан предписаний, осуществлялась на Руси с давних времен. Представляет определенный интерес сохранившаяся в истории оценка качества проводимой в то время правовой работы, данная иностранцами.

Как сообщал в XVII в. курляндский дворянин Я. Рейтенфельс, по принятии христианства Владимир первый написал законы, и с тех пор, по мере того как являлась надобность, вновь составлялись последующими царями новые весьма полезные законы. Сравнивая правовую работу, проводимую на Руси, с правовой работой, проводимой в других странах, Рейтенфельс выделяет ее достоинства, отмечая, что на Руси не допускают того, «чтобы ходатаи по делам – которых они никак не терпят – обращались бы легкомысленно с законными правами и имуществом граждан в бесконечных тяжбах, что почти по всей Европе служит основанием великого бедствия. У мосхов действительно без всякой лишней траты слов и времени – так как никакие споры законников не допускаются – в час времени разбираются запутаннейшие жалобы и тяжбы, которые в другой стране тянулись бы целое столетие» [9].

Другой иностранец, итальянский историк Иовий (1485–1552), так отзывался о достоинствах правовой работы, осуществлявшейся на Руси: «Московия управляется самыми простыми законами, основанными на правосудии Государя и беспристрастии его сановников и, следовательно, весьма благодетельными, ибо смысл оных не может быть искажен и перетолкован хитростью и корыстолюбием судей»¹.

Английский писатель XVI в. А. Климент отмечал: «У русских нет величайшего из республиканских зол – законников, а каждый сам за себя адвокат, и жалоба обвинителя, равно как и опровержение противника, в форме прошений представляется Князю для разрешения»².

Забегая вперед, отметим, что к настоящему времени безусловные достоинства и преимущества правовой работы, на которые указывали иностранцы, Россией во многом были утрачены вследствие копирования ошибок правовой работы западных государств, постепенной замены административного порядка разрешения споров – судебным. В результате нарушители законов (чьи действия обжалуются) остаются, по сути, безнаказанными (так как возмещение причиненного ущерба осуществляется за счет соответствующего органа управления, организации, как правило, государства). Более того, государство само поощряет именно судебный порядок обжалования действий органов управления (несмотря на то, что он более трудоемкий, длительный и дорогой для казны, нежели административный порядок обжалования в вышестоящие органы управления), установив низкий размер госпошлины за подачу в суд жалобы (заявления), а в отдельных случаях полностью возмещая расходы на ее подачу³ независимо от результатов рассмотрения (т. е. даже если обжалование в

¹ Библиотека иностранных писателей о России. 1836. № 1. С. 47.

² См. об этом: Журнал Министерства народного просвещения. 1838. № 10. С. 59.

³ См., например, п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 06.06.2005 г. № 352, устанавливающий, что возмещение военнослужащим расходов по уплате государственной пошлины за подачу жалобы (заявления) в суд по вопросам, связанным с прохождением военной службы, осуществляется воинскими частями, в которых военнослужащие проходят военную службу.

суд было неправомерным и в удовлетворении требований отказано) и оплачивая за свой счет услуги адвокатов, оказываемые заявителям жалоб при обжаловании действий органов государственного управления⁴. Как следствие, суды переполнены жалобами, сроки их рассмотрения бесконечно растягиваются, а судебные решения выполняются все хуже и хуже.

Однако вернемся к историческому периоду, когда недостатки средневекового Запада еще не перекочевали в Россию. Шведский резидент в Москве (1647–1650) К. Поммеренинг так характеризовал наблюдаемую им правовую работу на Руси: «Его Царское Величество ежедневно работает сам со своими сотрудниками над тем, чтобы устроить хорошие порядки, дабы народ, насколько возможно, был удовлетворен... Здесь работают все еще прилежно над тем, чтобы простолюдины и прочие удовлетворены были хорошими законами и свободой» [17].

Как видно из приведенных мнений иностранцев о качественном состоянии правовой работы в России, этой работе в целом дается положительная оценка, а в отдельных случаях подчеркивается и ее явное превосходство перед аналогичной деятельностью в западных государствах. Попробуем понять, чем достигалось такое превосходство.

Следует в первую очередь отметить, что правовая работа неразрывно связана с правовой системой государства, определяет ее и в то же время определяется указанной системой. В определенном смысле право – это результат правовой работы и в то же самое время правовая работа организовывается и ведется, исходя из действующей в государстве системы права, его внутреннего содержания.

Изначально представления о правовой работе в России тесно переплетаются с православием, что обуславливается рядом важных исторических событий, связанных с принятием в X в.

⁴ См., например, Правила оказания адвокатами юридической помощи военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также по иным основаниям, установленным федеральными законами (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 23.07.2005 г. № 445).

Русью христианства и выстраиванием в соответствии с ним всего внутреннего жизненного уклада, глубоким проникновением его как в индивидуальное, так и в общественное сознание. Именно этим и объясняется тот факт, что первой правовой системой на Руси было каноническое право (первый свод канонов вышел в 1234 г.). Христианский доминант прослеживается и в научном плане. Первоосновой юридической науки было богословие. Только в XVII в. от него отделились философия, юриспруденция и политические науки, которые, в свою очередь, размежевались между собой в XIX–XX вв. [13, с. 18].

По словам А.А. Тер-Акопова, «мы почти не видим тех связей, которые соединяют наше современное право с христианством. Не видим, потому что не сознаем, а не осознаем во многом потому, что толком не знаем ни истории своего права, ни своей религии». Право и христианство имеют множество точек соприкосновения. Одни из них касаются внешней связи, другие – внутренней» [13, с. 7].

Убедительным подтверждением сказанному является Кормчая книга – сборник церковных правил и относящихся к ним государственных законов, принятый православной русской и другими славянскими церквями от Византии. Книга восходит к греческому Номоканону (букв. законоправило), составленному в VI в.; его первый славянский перевод произвел великий просветитель славян св. равноапостольный Мефодий. Сборник был прислан на Русь в 1272 г. болгарским князем Иоанном по просьбе Митрополита Киевского и всея Руси Кирилла. В 1275 г. на поместном церковном соборе во Владимире Митрополит Кирилл предложил этот сборник епископам в качестве руководства для церковного управления. В последующем Кормчая книга пополнилась правилами русского происхождения и получила широкое распространение.

Исследуя симфонию светской и церковной властей в Византийской империи, Архиепископ Серафим (Соболев) приходит к важному для правовой работы заключению: «Во исполнение идеи симфонии властей о почитании Церкви

императоры считали такими же неприкосновенными и все установленные властью Вселенских Соборов св. каноны. Они смотрели на них как на священные законы, которым должны были подчиняться все члены Церкви, не исключая и их самих. Эти каноны были в их глазах неизмеримо выше гражданских законов, и они считали для себя священной обязанностью согласовывать последние с первыми, заботились о том, чтобы гражданские законы не противоречили церковным, и только тогда считали их имеющими силу» [3].

Изучая далее данные вопросы применительно к русской истории, Архиепископ Серафим (Соболев) указывает: «Так же, как и византийские императоры, наши русские великие князья и государи осуществляли симфонию по отношению к священным законам Церкви, святым канонам. Несомненно, постановление Соборов, которые они сами же созывали, имели значение руководства по церковным вопросам не только для всех верующих русских людей, но и для них самих. Царь Иоанн Грозный на обсуждение Стоглавого Собора, бывшего в 1551 г., представил ранее составленный “Судебник” и 69 письменных вопросов касательно разных сторон церковной жизни. По поводу всего представленного царем были вынесены определения Собора в ста главах, которые обнимали собою все стороны церковной жизни: учение, богослужение, управление, церковный суд, поведение духовенства, монашества и мирян и отношении церковной власти к гражданской» [3].

Представляет интерес также и качество правовой работы на Руси в ее отношении к незыблемым канонам Церкви. Так, появление в 1649 г. «Соборного Уложения» царя Алексея Михайловича вызвало негативное отношение к нему церковной власти. Как отмечает Архиепископ Серафим (Соболев), «патриарх смотрел на “Уложение” как на противоканонические реформы, которые должны были вести Россию к гибели. Недаром Никон называл “Уложение” проклятою уложенною книгою. В Монастырском же приказе он видел начало расцерковления Русского государства, которое совершилось при Петре. Идея

оцерковления России через государственное законодательство, непротивное св. канонам и проникнутое духом Церкви или ее верою, была основным мотивом деятельности патриарха Никона и его борьбы с расцерковлением, которое осуществлялось через “Уложение” и Монастырский приказ...

Так как оцерковление Русского государства имело своим источником истинную самодержавную власть в ее отношении к Церкви на основе симфонии властей, а расцерковление его было не чем иным, как нарушением этой симфонии царской властью, которая в таком случае уже теряла свой истинный характер, то можно сказать, что борьба Никона была исповеднической защитой исконной русской идеологии. Борьба патриарха была направлена к тому, чтобы Русское государство возглавлялось истинною царскою самодержавною властью, при которой только и возможно осуществление симфонии властей и, следовательно, – процветание Церкви и государства силою православной веры» [3].

Указанные примеры борьбы за качество правовой работы и светского законодательства доказывают, что в средние века это качество было неразрывно связано с каноническим правом, с оцерковлением России и ее правовой системы, с созданием и укреплением духовного единства (на основе православия) народа, которое в значительной мере обеспечивало его благосостояние и процветание.

Как указывает А.А. Тер-Акопов, христианская религия, являясь нравственно-нормативной системой, оказывает влияние на формирование и реализацию светских правовых норм, в связи с чем происходит своеобразная имплементация ее в право, в результате чего мы, пользуясь правом, по сути, прибегаем к помощи христианства. По мнению А.А. Тер-Акопова, основная форма влияния – идейно-нравственная. Право – это не только правило поведения, закрепленное в законе, но и сама жизнь, претворение правила в повседневной реальности. И здесь многое зависит от нравственных устоев человека: соответствуют ли они праву, и готов ли он

отстоять свои убеждения [13, с. 11]. Таким образом, приходит к заключению А.А. Тер-Акопов, имеется ряд убедительных, научно обоснованных доводов о том, что христианство представляет собой основу подлинной нравственности и справедливости, на которой строится здание современного цивилизованного права [13, с. 19].

Особенно важное значение данные выводы имеют для военного дела, для организации правовой работы в войсках. В подтверждение сказанного вновь обратимся к истории.

До появления регулярной армии военно-правовая работа носила скорее случайный, фрагментарный, несистемный характер (от одного вооруженного столкновения до другого). В основном эта работа выражалась в принятии решений, подготовке и рассылке различных документов правового характера, таких, как письма, грамоты, указы великого князя о сборе ополчения для очередного сражения или указания воеводам при направлении их на кормление в приграничные города или крепости, соответствующая переписка по этим вопросам, не имеющая системного единого порядка.

С появлением регулярных войск ситуация начинает меняться, военно-правовая работа совершенствуется, принимаются правовые документы системного характера, регулирующие правоотношения в военной сфере. Все это через жесткую организацию и твердый порядок положительно сказывается на оборонной мощи государства.

Что касается правовой работы в области военного строительства, то до времен Ивана Грозного, впервые попытавшегося объединить и создать на единой системной основе кадровую армию – регулярные войска (стрельцы, казаки, опричные полки), т. е. до середины XVI в., военные узаконения были, в случае надобности, каждый раз объявляемы особыми царскими указами, в дополнение к которым иногда издавались по распоряжению правительства рукописные уставы, переводимые с иностранных языков. Одним из первых правовых документов тех лет, дошедших до наших времен, можно признать Боярский при-

говор о станичной и сторожевой службе (1571).

Несколько позже появляется важный правовой документ – «Устав ратных, пушечных и других дел, касаемых военной науки». Устав был составлен при Василии Шуйском и дополнен при Михаиле Феодоровиче Романове. Но напечатан он был значительно позднее. Об этом свидетельствует нижеприведенный текст, взятый из первого издания указанного документа: «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 603 указах, или статьях, в государственное царей и великих князей Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым, напечатан с рукописи, найденной в 1775 году в Мастерской и Оружейной палате в Москве. Часть I, содержащая 210 указов, или статей. Издана под смотрением асессора Рубана в Санкт-Петербурге, при Государственной военной коллегии, 1781 года».

И только в царствование Алексея Михайловича издан был (в 1647 г.) первый печатный устав под заглавием: «Учение и хитрость ратного строя воинских людей». В изданном же (два года спустя) «Соборном уложении» некоторые главы также посвящены были военному делу, так, например, в XVII главе говорится о службе всяких ратных людей Московского Государства, в двух других главах – о казаках и стрельцах [4].

Управление вооруженными силами вплоть до XVII в. было очень сложным. Система субъектов военно-правовой работы, их полномочия и компетенция были несистемными, запутанными. Вооруженными силами ведали многочисленные приказы. Если при Иване Грозном существовало до 8 приказов преимущественно с военными функциями, то к 80-м гг. XVII в. таких приказов имелось уже не менее 182, не считая временных приказов, а также приказов, ликвидированных к 80-м гг. Сохраняя все старые приказы, правительство создало в XVII в. целую сеть новых военных приказов, в результате чего распределение функций между ними становилось все более сложным и запутанным. Увеличение числа военных

приказов и изменение их компетенции вызывались как общегосударственными потребностями (расширение территории страны, усложнение всего государственного управления и др.), так и требованиями военного характера (изменение состава и устройства ратных людей, их вооружения, снабжения и т. п.).

Изменения, происшедшие в управлении, выразились прежде всего в образовании новых приказов, чему способствовало расширение территории государства в XVII в. С 1637 г. управление Сибирью выделилось из Казанского приказа и было сосредоточено во вновь учрежденном Сибирском приказе. Управление городами и уездами бывших княжеств Смоленского и Литовского, освобожденными в период войны с шляхетской Польшей, находилось в ведении приказа княжества Литовского (с 1656 г.) и позднее княжества Смоленского (с 1673 г.). После воссоединения Украины с Россией был образован приказ Малые России (Малороссийский). Из старых областных приказов сохранил военное значение Новгородский приказ. Все указанные областные приказы ведали на своей территории ратными людьми и военным делом в целом. Как видно, в части организационной составляющей военно-правовая работа была не на высоте, что в результате и давало сбои в вопросах управления вооруженными силами.

Образование полков нового строя внесло значительные изменения в управление вооруженными силами. Появление драгун вызвало попытку учреждения Приказа драгунского строя, который упоминается с 1646 г. Для руководства полками рейтар и копейщиков был учрежден в 1649 г. Рейтарский приказ, разделявший свои функции с Разрядным, Иноземским и областными приказами. Рост и усовершенствование ручного огнестрельного оружия привели к образованию Приказа мушкетного дела (1654) и Приказа ствольного дела (Ствольного приказа), существовавшего с 1647 г. Деятельность этих приказов протекала в тесной связи с Оружейным приказом. Для сбора денег на жалованье ратным людям и денежных военных налогов существовали особые приказы:

Приказ сбора пятинных и запросных денег (1616–1637), Приказ сбора ратных людей (1637–1654 гг.), Приказ денежного дела (с 1654 г.). В связи с установлением постоянных хлебных налогов появились Хлебный приказ (1655) и Приказ сбора стрелецкого хлеба (1672). Усиление централизации государственного управления, в том числе и управления вооруженными силами, выразилось в создании приказа Тайных дел (Тайного приказа), существовавшего в 1655–1676 гг.

Дворянами и детьми боярскими сотенной службы одновременно ведали Разрядный, Казанский и Сибирский приказы; рейтарами и копейщиками – Разрядный, Рейтарский, Иноземский и областные приказы; драгунами – Разрядный и Иноземский приказы; солдатами – Разрядный, Иноземский, Стрелецкий и областные приказы; черкасами – Разрядный приказ; стрельцами – Стрелецкий, Разрядный и областные приказы; служилыми людьми пушкарского чина – Пушкарский, Разрядный и областные приказы; гетманское войско посылалось на службу по грамотам Малороссийского приказа; донские казаки привлекались на службу Посольским приказом. Кроме того, для комплектования войска создавались специальные временные приказы, а также привлекались невоенные приказы (Ямской, Монастырский, Большой дворец и др.).

Изготовление вооружения и боеприпасов находилось в ведении Пушкарского, Оружейного и Ствольного приказов, а руководство металлургическими заводами осуществлялось в разное время Разрядным, Пушкарским, Ствольным, Посольским и финансовым приказами. Снабжение ратных людей денежным и хлебным жалованьем производилось из приказов военных, финансовых, областных, затем из Приказа сбора стрелецкого хлеба и Хлебного приказа. Обеспечение дворян и детей боярских поместными землями осуществлялось Разрядным, Поместным и областными приказами. Постройкой и ремонтом крепостных сооружений ведали Пушкарский, Разрядный, Большой дворец и областные приказы. Все сношения с нерусскими народами и донскими каза-

ками осуществлялись через Посольский приказ.

Огромным недостатком правовой работы в военном деле того времени были раздробленность субъектов правовой работы, органов военного управления, отсутствие единой иерархически выстроенной системы взаимодействия сверху донизу. Военно-политическое руководство страны понимало недостатки организации и ведения правовой работы, но, не решаясь на коренную реформу аппарата военного управления, пыталось усилить централизацию управления путем объединения руководства несколькими приказами в руках отдельных лиц (думных чинов). Однако такие объединения носили временный и случайный характер и не дали реальных результатов. Вследствие указанных недостатков правовой работы единого управления вооруженными силами в России не было до XVIII в.

Большой вклад в правовую работу и использование правовых средств в управлении государственными делами, в строительстве вооруженных сил внес Петр Великий. В период его правления было издано более 3 300 указов, регламентов и уставов; в составлении и редактировании многих из них Петр I принимал личное участие [16].

В отечественной истории более позднего периода одним из ярких примеров того, какое значительное внимание уделялось качеству правовой работы, является Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения, в котором несколько глав посвящены правилам издания и необходимым условиям для их надлежащего проведения в жизнь. В частности, гл. VI «О законах вообще», гл. VII «О законах в частности», гл. XIX «О составлении и слоге законов» и др. Так, например, в ст. 41 одной из этих глав указывается, что «ничего не должно запрещать законами кроме того, что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу» [7].

В императорский период (XVIII – начало XX вв.) правовая работа постоянно совершенствовалась, система ее субъектов расширялась, а количество правовых документов в стране неуклонно

увеличивалось. То же происходило и в системе организации обороны страны, армия и флот увеличивались, военное законодательство разрасталось и к революционным событиям 1917 г. оно было систематизировано в многотомный Свод военных постановлений. Законодательных и иных правовых актов в военной сфере стало так много, что осуществлять правовую работу командирам без специальных помощников, специалистов в области права и правовой работы стало очень сложно.

Впервые должность юрисконсульта в военном ведомстве России появилась в 1836 г. [5, с. 35]. Согласно ст. 836 части I Свода военных постановлений 1838 г. «звание Юрисконсульта учреждается в Военном Министерстве для предварительного рассмотрения и поверки дел, по спорам и искам казны на частных людей и частных лиц на казну, вступающих исполнительным или судебным порядком к Военному Министру, в Военный Совет, или в Генерал-Аудиториат» [1]. Возникновение юридической службы военного округа следует, по-видимому, относить к 1903 г., когда приказом императора № 122 при военно-окружных советах Петербургского, Московского, Виленского, Киевского и Кавказского округов были учреждены должности окружных юрисконсультов [5, с. 36].

Окружной юрисконсульт состоял при Военно-Окружном Совете и назначался Военным министром по избранию Юрисконсульта Военного Министерства из лиц с высшим юридическим образованием, обладавших «достаточными знаниями и опытом в ведении административных и судебных дел»⁵. Он подчинялся непосредственно председательствующему в Военно-Окружном Совете. Кроме того, на окружного юрисконсульта возлагалась обязанность исполнять общие указания Юрисконсульта Военного Министерства по делам, подлежащим ведению окружного юрисконсульта. Статьей 67 Книги II Свода военных постановлений 1869 года на Окружного Юрисконсульта возлагалось: «а) ведение судебных дел; б) по предложениям

⁵ Свод военных постановлений 1869 г. Ст. 61. Кн. 2. Военно-Окружные Управления. Изд. 3-е (по 01.01.1907 г.). СПб.: Гос. тип., 1907.

Начальников Отделов Окружного Управления: рассмотрение торговых условий и составление заключений по юридическим вопросам, возникшим при производстве дел в Окружных Управлениях (причем, все производство дел должно оставаться на обязанности подлежащего Окружного Управления); в) составление заключений по делам Военно-Окружного Совета, по коим будет затребовано юрисконсультское заключение Председателем Совета; г) участие в заседаниях Военно-Окружного Совета, на правах Члена от Военного Министерства, в случае болезни или отсутствия сего Члена» [2].

Такое предназначение и правовое регулирование деятельности Юрисконсульта военного ведомства и Окружного Юрисконсульта, связанной с ведением дел в судах, в совокупности с другими вышеприведенными обстоятельствами, позволяет сделать вывод о том, что главной задачей юридической службы в XIX и начале XX вв., на заре ее становления в военных организациях в дореволюционный период, являлись обеспечение с помощью вышеназванных правовых средств сохранности государственной собственности, защита имущественных интересов военных организаций.

Особое место в военно-правовой работе, наряду с юридической службой, занимает военное духовенство – военно-религиозная служба, существующая и поныне в том или ином виде во многих государствах мира. Если юридическая служба помогает командиру организовать правовую работу на таких важных направлениях, как правотворческая и правоприменительная деятельность, то военные священники помогают наладить правовоспитательную деятельность, направленную, прежде всего, на формирование единого крепкого, здорового правосознания, нравственных основ личности, моральных качеств воинов, боевого духа личного состава, совести и патриотизма, так необходимых воинству для перенесения тягот и лишений военной службы, добросовестного исполнения своих обязанностей.

Правотворческая и правоприменительная деятельность невозможны и бессмысленны без правовоспитательной деятельности. Нельзя подготовить

качественный приказ, не имея правосознания, достаточного для этого уровня. Так же как и исполнить приказ невозможно, если низкий уровень правосознания не позволяет понять, что и как требуется делать, если не иметь воли к исполнению его. Низкий уровень правосознания может привести к отдаче незаконного или преступного приказа, наносящего большой вред обществу и государству.

Правосознание должно формировать единую систему ценностей и ориентиров, единое мировоззрение, моральные принципы, понятийный аппарат, взгляды и идеологию. Все это изначально формирует религиозная система. Поэтому и велика роль военного духовенства в истории России, что оно содействовало формированию в обществе единого мощного правосознания, лежащего в основе правовой работы, с помощью которой выстраивалось все здание правовой системы, весь правовой механизм функционирования государства и его вооруженных сил.

Традиция служения священников на войне восходит к давней истории. Первые упоминания об участии духовенства в сражении встречаются в дошедших до нашего времени летописных рассказах. По мнению некоторых исследователей, начало боевому сотрудничеству русского воинства и Русской Православной Церкви было положено Великим князем Владимиром Мономахом в феврале 1111 г., когда был предпринят большой поход на половцев. 24 марта того же года русские полки, впереди которых накануне сражения двигались священники, вдохновляя воинов на ратные подвиги, одержали первую победу над врагом [14]. Преподобный Сергей Радонежский благословил князя Дмитрия Донского на битву и дал ему в войско двух монахов – Пересвета и Ослябю. В Казанском походе с Иваном Грозным участвовал протоиерей Благовещенского собора Андрей с целым собором священнослужителей [10]. Упоминание о полковых священниках встречается в первом военном уставе, изданном Московской типографией в царствование Алексея Михайловича в 1647 г., – «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей». В главе, опре-

деляющей жалование воинским чинам, значится полковой священник.

И все же говорить о полковых священниках в рассматриваемый период еще рано – не постоянны были боевые отряды, и священники по их расформировании возвращались в свой приход. Регулярные стрелецкие полки брали в походы приходских попов из своих слобод. Военная служба для всех этих священников была лишь небольшим эпизодом. Сведений об их боевом служении не сохранилось.

Огромную роль, как свидетельствуют многие факты истории, в подъеме и укреплении воинского духа играли святые. Как отмечает иеромонах Даниил (Сычев), с первых веков принятия христианства русское православное воинство сражалось с неприятелем под покровительством чтимых образов Божией Матери. Святые иконы уносили от врагов как важнейшее сокровище, они сопровождали войска во всех походах и сражениях [6]. Так, из Бородино 22 августа 1812 г. М.И. Кутузов писал Е.И. Кутузовой: «Солдаты из Смоленска вынесли чудотворный образ Смоленской Богоматери и сей образ везде сопутствует нам» [15].

Военное духовенство, прежде всего, и призвано было обеспечить благоговейное отношение к святыням. В каждом полку были в то время свои почитаемые святые, небесные покровители. Таким образом, военное духовенство создавало и поддерживало невидимую связь воинства земного с воинством небесным, содействовало духовному подъему личного состава и непобедимости армии и флота.

Лишь со времени учреждения к началу XVIII в. регулярной армии появляются и постоянно служащие при полках священники. Именно это время и можно считать началом зарождения особого института военного духовенства, за два с лишним века своей истории прошедшего путь от разрозненных, кочующих за полком со скудным скарбом и полотноной церковной палаткой священнослужителей до самостоятельной крупной структуры, со своим управлением, своими особыми задачами, на плечи которой была возложена важнейшая функ-

ция патриотического воспитания воинов (прежде всего любви к Богу и ближним, а значит, и к своему Отечеству, своему народу, верность и бескорыстное жертвенное служение им).

Впервые обязанности военных священников были закреплены в петровских Уставе воинском (1716) и Морском уставе (1720). В связи с расширением государством круга задач, которые должны были решать военные священники, постоянно пополнялся и перечень их должностных обязанностей. В 1869 г. обязанности полковых священников были систематизированы и состояли из 19 пунктов⁶. В 1887 г. были систематизированы и упорядочены их права; императором было утверждено Положение о служебных правах и окладах содержания военного духовенства. Наиболее полно общие обязанности и права полковых священников были изложены в Положении об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств, а также в некоторых документах, принятых в последующие годы (табели окладов жалованья и столовых денег, пенсионный устав, решения всероссийских съездов военного и морского духовенства 1914, 1917 гг., постановления Св. Синода, инструкции и указания, подготовленные ведомством протопресвитера)⁷.

Особенно сложно было организовать церковное богослужение непосредственно на передовой линии фронта, в этом случае богослужение совершалось священником под открытым небом. Вот как описывает подобное богослужение 16 июля 1905 г. во время русско-японской войны полковой священник протоиерей Митрофан Сребрянский: «В 7 вечера я предложил отслужить для полка обедницу, так как завтра в 4 часа утра выступление, предложение всеми принято с большой радостью. Поставили на поле стол, икону, Евангелие и крест, зажгли свечу... Собрались эскадроны, генерал и все офицеры, и при мерцании звезд мы начали богослужение. Прежде

⁶ Голов Г.В. Прохождение службы по военному ведомству // Свод военных постановлений. 1869. СПб., 1907. Кн. 7. С. 9.

⁷ Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств. СПб., 1890. 32 с.

всего, я сказал небольшое поучение на Евангелие об укрощении Господом бури на море, увещевая солдат верить, что Господь и среди военных бурь и сражений и походных трудов с нами; только надо крепко верить и усердно молиться Ему... Пели все солдаты... так было умирительно и внушительно это ночное служение, что слезы сами просились на глаза... пропели царское многолетие, шефу, 51-му полку и всей 2-й бригаде; я обошел ряды воинов, благословляя их крестом и на ходу ободряя словами... а налево от нас ясно слышна канонада. Очевидно, в горах идет сражение; ночью из Янтая туда ушло три тысячи человек пехоты! Кончилась служба, все были довольны» [11].

Таким образом, правовая работа с помощью правовых средств достигала своих целей в области военно-религиозных отношений, создавала благоприятные условия для деятельности военного духовенства (в частности, на территории Китая, где не было православных священников), а также для духовного окормления войск, вдохновения их на ратные подвиги.

Во время Первой мировой войны в подчинении протопресвитера (главного священника в военном ведомстве) было свыше 5 тысяч священников. Об их деятельности во время военных действий давали благожелательные отзывы оба Верховных Главнокомандующих царской армии. Департаменту военных священников были подчинены 24 военных собора, сотни церквей (437 полковых, 13 крепостных, 32 госпитальные, 17 тюремных, 33 судебные и т. д.), а также целый ряд лечебных и прочих богоугодных заведений. Численный состав священников в русской армии определялся штатами, утвержденными военным министерством [8].

В такой структуре, без существенных изменений, институт военного духовенства встретил революционные события 1917 г., кардинально изменившие государственный строй России. Система взаимоотношений Русской Православной Церкви и российской армии просуществовала в стране до 1918 г., а в белых армиях – до 1921 г. По некоторым сведениям, полковые священники еще в

1918 г. были и в отдельных частях Красной Армии.

Примеров того, как проявлялись в истории России на протяжении всего ее существования те или иные стороны правовой работы и какие прилагались усилия по повышению ее качества, можно привести огромное множество. Анализ всего этого материала дает основание полагать, что по своей сути военно-правовая работа в России тесно связана с христианством, а как разновидность деятельности по формированию правовых предписаний и обеспечению их претворения в жизнь войск существует столько, сколько существует государство и право, только выделилась она официально (юридическим порядком) в самостоятельное направление деятельности органов управления относительно недавно – лишь в советский период.

Список литературы

1. Свод военных постановлений. Ч. 1. СПб.: Гос. тип., 1838.
2. Свод военных постановлений 1869 г. // Кн. 2. Военно-Окружные Управления. Изд. 3 (по 01.01.1907 г.). СПб.: Гос. тип., 1907.
3. *Архиепископ Серафим (Соболев)*. Русская идеология. М.: Диоптра, 2002. С. 431, 444, 458–459.
4. *Зайцов*. Курс военной администрации. Вып. 1. М.: Тип. С. Орлова, 1867. С. 2–3.
5. *Золотухин Г.А.* Из истории юридической службы // Право в Вооруженных Силах. 1998. № 3.
6. *Иеромонах Даниил (Сычев)*. Смоленская икона Божией Матери в войне 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всерос. науч. конф. Бородино: Можайск-Терра, 2000. С. 103.
7. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1907. С. 9.
8. *Новожилов И.* Армия и церковь. Сравнительный анализ взаимоотношений на примере опыта западноевропейских государств, США и России // Ориентир. 2003. № 4. С. 39.

9. Россия – это сама жизнь. Заметки иностранцев о России с XIV по XX век / сост. Р. Балакшин. М.: Сретенский монастырь, 2004. С. 379, 381.

10. Сказание о зачатии Царства Казанского. Казань: Типо-Литогр. Императорского ун-та, 1902. С. 115.

11. *Сребрянский М.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М.: Отчий дом, 1996. С. 51.

12. *Тер-Акопов А.А.* Нравственно-правовой императив развития цивилизации // Безопасность человека: Социальные и правовые основы. М.: НОРМА, 2005. С. 260.

13. *Тер-Акопов А.А.* Христианство. Государство. Право. К 2000-летию христианства: моногр. М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. 100 с.

14. *Тони О.В.* Церковь и армия / Вера и Верность: Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. Жуковский; М.: Кучково поле, 2005. С. 6–7.

15. Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания. М.: Археографический центр, 1995. С. 306.

16. *Чеботарев А.В., Паршин В.В.* Система военного управления в России (XVIII – начало XX века): моногр. М.: Воен. ун-т, 2003. С. 11.

17. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. Кн. 1. М.: Университет. тип., 1898. С. 428–429.

Сведения об авторах

Овчаров Олег Андреевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: o.oleg.1968@mail.ru

Панкратов Владимир Николаевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: v.pankratov@list.ru

Theory and History of Military Law

HISTORY OF THE MILITARY LEGAL WORK IN RUSSIA IN THE PRE-SOVIET PERIOD

Theological and Legal Research

**Oleg A. OVCHAROV,
Vladimir N. PANKRATOV**

Abstract. The article briefly examines the origin and development of the military legal work in Russia, analyzes its specifics in different periods. It shows close interaction between the law and Christianity. It reveals the role of the military clergy in the promotion of legal education within the armed forces and strengthening of the morale of Fatherland defenders.

Keywords: legal work; orders; military and legal work; military clergy; shrines; religious service on the front line; military-religious relations

Information about the authors

Ovcharov Oleg Andreevich, Cand. Sc. (Law), Lecturer of Department of Military Administration, Administrative and Financial Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: o.oleg.1968@mail.ru

Pankratov Vladimir Nikolaevich, Cand. Sc. (Technical), Associate Professor, Associate Professor of Department of Military Administration, Administrative and Financial Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: v.pankratov@list.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК КАЗЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

И.В. БАРАНЕНКОВА,
кандидат юридических наук
E-mail: iri5255@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правовой природы казенных учреждений как основания применения этого типа учреждений к военным организациям.

Ключевые слова: казенное учреждение; военные организации; правовое положение военных организаций

Казенные учреждения как новая разновидность юридических лиц введены в отечественную правовую систему Федеральным законом от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»¹ (далее – Закон № 83-ФЗ), которым также предписано «создать федеральные казенные учреждения, изменив тип» ряда федеральных государственных учреждений (действующих на день официального опубликования Закона № 83-ФЗ).

Казенными учреждениями стали в силу закона (ч. 1 ст. 31 Закона № 83-ФЗ):

а) управления объединений, управления соединений и воинские части Вооруженных Сил Российской Федерации, военные комиссариаты, органы управления внутренними войсками, органы управления войсками гражданской обороны, соединения и воинские части внутренних войск, а также других войск и воинских формирований;

б) учреждения, исполняющие наказания, следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы, учреждения, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, выполняющие специальные функции и функции управления;

в) специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации;

г) учреждения Министерства внутренних дел Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации, Федеральной миграционной службы, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, специальные, воинские, территориальные, объектовые подразделения федеральной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварийно-спасательные формирования федеральных органов исполнительной власти...».

С учетом того, что не все военные организации стали казенными учреждениями, в теории и практике военного права стали возникать вопросы о том, какой тип учреждения является предпочтительнее для различных видов военных организаций². Для того чтобы понять, что побудило законодателя ввести новый тип учреждений, трансформировать в казенные указанные выше бюджетные учреждения,

² Так, например, в Вооруженных Силах Российской Федерации бюджетными и автономными учреждениями являются некоторые военно-медицинские, военно-образовательные учреждения, научно-исследовательские институты и некоторые другие учреждения (см. подробнее: *Дубынина Т.В.* Гражданско-правовые средства регулирования деятельности военных организаций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 59; см. также: *Бараненкова И.В.* Юридические лица в «новом облике» Вооруженных Сил Российской Федерации // *Право в Вооруженных Силах.* 2009. № 6. С. 58–61; *Ее же.* Особенности правового положения бюджетных учреждений нового типа («новый облик» бюджетных учреждений до неузнаваемости изменит их правовую сущность) // *Военное право: электрон. науч. изд. Вып. № 1.* URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/3791>).

¹ Рос. газ. 2010. 12 мая.

каковы правовые последствия приобретения данными учреждениями статуса казенных, целесообразно ли применение указанной правовой конструкции в отношении военных организаций³, необходимо проанализировать правовую природу казенного учреждения.

В абз. 39 ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) казенное учреждение определено как «государственное (муниципальное) учреждение, осуществляющее оказание государственных (муниципальных) услуг, выполнение работ и (или) исполнение государственных (муниципальных) функций в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления, финансовое обеспечение деятельности которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы»⁴.

Исходя из анализа данного законодателем определения казенного учреждения можно выделить две его разновидности (государственное и муниципальное), а также два вида предназначения: осуществление оказания государственных (муниципальных) услуг, выполнение работ и (или) исполнение государственных

(муниципальных) функций в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления.

Кроме того, законодатель посчитал важным указать в определении, что финансовое обеспечение деятельности казенного учреждения осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы, что можно, видимо, рассматривать в качестве существенного признака.

Как отмечает А.А. Кирилловых, «целевая составляющая деятельности казенных учреждений выступает в качестве основного ориентира для особенностей регулирования их правового статуса, отраженного в законодательстве о некоммерческих организациях» [3].

Для того чтобы понять правовую природу казенных учреждений как нового правового явления, ее влияние на правовое положение военных организаций, представляется целесообразным проанализировать замысел авторов законопроекта⁵, изложенный в пояснительной записке к нему.

В пояснительной записке отмечается, что «существующая в Российской Федерации система бюджетных учреждений была сформирована в иных социально-экономических условиях и до сих пор функционирует в отрыве от современных подходов к развитию государственного управления, от принципов оптимальности и достаточности для предоставления государственных и муниципальных услуг».

С учетом весьма значительного числа бюджетных учреждений (которых по состоянию на 2009 г. было около 328 тыс.⁶)

³ Под военной организацией понимается «непосредственно выполняющая задачи военной безопасности, комплектуемая военнослужащими полностью или частично штатная организация ведомства, в котором предусмотрена военная служба» (*Бараненков В.В.* Юридическая личность военных организаций: моногр. М.: Московский пограничный ин-т, 2008. С. 129).

⁴ Для сравнения: в ст. 9.2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в редакции от 03 июля 2016 г.) «О некоммерческих организациях» дано следующее определение бюджетного учреждения: «Бюджетным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах».

⁵ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» № 308243-5.

⁶ Согласно Пояснительной записке к проекту Федерального закона № 308243-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» «на федеральном уровне по состоянию на 1 апреля 2009 года насчитывалось 25 287 учреждений (без закрытой части), на региональном и муниципальном уровнях по состоянию на 1 января 2009 года – 302 660 учреждений».

возникает закономерный вопрос о мотивах такой «оптимизации». По мнению разработчиков указанного законопроекта (далее – законопроект), «в существующем правовом статусе у бюджетных учреждений отсутствуют стимулы к оптимизации и повышению эффективности, что вызвано в первую очередь сметным финансированием от фактически сложившихся расходов. Высока степень закрытости управления большинства бюджетных учреждений – как от рядовых сотрудников этих учреждений, так и от иных граждан – потребителей государственных (муниципальных) услуг».

Что касается «закрытости управления большинства бюджетных учреждений, как от рядовых сотрудников этих учреждений, так и от иных граждан – потребителей государственных (муниципальных) услуг», то, как представляется, для указанных граждан удовлетворение любопытства в части, касающейся того, как именно осуществляется управление учреждениями, вряд ли можно отнести к наиболее важным их потребностям. И уж тем более трудно предположить, что именно для того, чтобы «открыть» для указанных граждан «секреты управления учреждениями», была осуществлена широкомасштабная реформа государственных учреждений.

Не очень убедительным представляется и довод о том, что в существующем правовом статусе у бюджетных учреждений отсутствуют стимулы к оптимизации и повышению эффективности, что будто бы вызвано в первую очередь сметным финансированием от фактически сложившихся расходов. Авторы законопроекта опровергают сами себя, отмечая, что «большинство бюджетных учреждений уже включены в хозяйственный оборот и получают достаточно высокие доходы от приносящей доход деятельности. Так, в 2008 г. из 9 997 федеральных бюджетных учреждений, оказывающих государственные услуги юридическим и физическим лицам, 3 786 учреждений (37,9 % от их общего числа) имели долю доходов от приносящей доход деятельности в общем объеме их финансового обеспечения более 40 %, в том числе 1 030 таких учреждений полностью финансирова-

лись за счет таких доходов. Указанные учреждения в основном относятся к таким сферам, как образование, здравоохранение, наука и культура». Это подтверждает стремление учреждений к повышению эффективности, по всей видимости, как раз и обусловленного недостаточностью «сметного финансирования от фактически сложившихся расходов» в указанных сферах.

Впрочем, уже в самом начале пояснительной записки к законопроекту авторы прямо указывают, что он «направлен на повышение эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг, при условии сохранения (либо снижения темпов роста) расходов бюджета на их предоставление, путем создания условий и стимулов для сокращения внутренних издержек учреждений и привлечения ими внебюджетных источников финансового обеспечения, а также создания условий и стимулов для федеральных органов исполнительной власти для оптимизации подведомственной сети».

Как справедливо отмечает А.И. Землин, анализируя принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств, в положениях БК РФ фактически отождествлены эффективность и экономность, что, конечно же, не соответствует действительности, ибо экономность – это только частный случай эффективности. При этом в БК РФ ничего не сказано ни о показателях эффективности, ни о порядке их определения [2].

Итак, «повышение эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг» должно достигаться путем:

1) сокращения внутренних издержек учреждений;

2) привлечения учреждениями внебюджетных источников финансового обеспечения;

3) создания условий и стимулов для федеральных органов исполнительной власти для «оптимизации» подведомственной сети учреждений. Под оптимизацией, видимо, подразумевается сокращение количества подведомственных учреждений, как это, например, происходило в Вооруженных Силах Россий-

ской Федерации при формировании их «нового облика»⁷.

При этом «эффективность предоставления государственных и муниципальных услуг» авторами законопроекта понимается как исключительно экономическая категория, так как в качестве единственного условия указана обязательность «сохранения (либо снижения темпов роста) расходов бюджета на их предоставление». Поскольку в современной России инфляция является неотъемлемым атрибутом экономики⁸, вышесказанное фактически означает стремление сократить расходы на предоставление государственных и муниципальных услуг.

Иными словами, цель законопроекта – сократить бюджетные расходы не только в социальной сфере, но и в сфере обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также количество государственных учреждений.

Вместе с тем, обеспечение обороны страны и безопасности государства – не государственные услуги, а функции государства [1; 4], поэтому на эти сферы положения закона, в том числе в части, касающейся «оптимизации» структуры учреждений, не должны распространяться. Действительно, главным критерием эффективности обеспечения обороны страны и безопасности государства является не снижение расходов на эти цели, а состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять⁹.

Обеспечение военной и государственной безопасности не должно зависеть от того, могут ли соответствующие военные организации выжить в условиях

⁷ О проблемах, возникающих в результате такой «оптимизации» Вооруженных Сил Российской Федерации и неприемлемости подобной «оптимизации» для других ведомств, обеспечивающих национальную безопасность, см. подробнее, например: Новый армейский облик непопулярен и криминален // Независимое воен. обозрение. 2010. 6 авг.

⁸ По данным Минэкономразвития, инфляция в России в 2011 г. составила 6–7 %. (URL: <http://www.newsru.com/finance/14dec2010/infla.html>).

⁹ Пункт 8 Военной доктрины Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации № Пр-2976) // Рос. газ. 2014. 30 дек.

рыночной конкуренции. Поэтому наиболее оптимальным типом учреждений, осуществляющих функции и полномочия в сфере обороны страны и безопасности государства, являются именно казенные учреждения.

Обоснованность такого вывода подтверждается подходами, изложенными в Методических рекомендациях по определению критериев изменения типа государственных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных учреждений с учетом сферы их деятельности (далее – Методические рекомендации)¹⁰, в п. 2 которых было указано, что «в целях определения типа государственного (муниципального) учреждения (оценки целесообразности принятия решения об изменении типа государственного (муниципального) учреждения):

применяются критерии, основанные на положениях федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов и исходящие из нормативного правового регулирования правового положения соответствующего типа государственного (муниципального) учреждения, предусмотренные разделом III настоящих методических рекомендаций;

рекомендуется применять дополнительные критерии, основанные на учете экономического и управленческого потенциала государственного (муниципального) учреждения, в соответствии с разделом IV настоящих Методических рекомендаций».

Анализ критериев, предлагаемых Методическими рекомендациями, позволяет выделить ряд наиболее существенных критериев выбора типа казенного учреждения.

1. Государственное (муниципальное) учреждение может быть отнесено к определенному типу, исходя из возможности исполнения указанным учреждением государственных (муниципальных) функций в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов госу-

¹⁰ Об утверждении Методических рекомендаций по определению критериев изменения типа государственных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных учреждений с учетом сферы их деятельности: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 07.09.2010 г. № 1505-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 37. Ст. 4776.

дарственной власти, полномочий органов местного самоуправления.

При этом Методическими рекомендациями определено, что для исполнения государственных (муниципальных) функций может создаваться только казенное учреждение, за исключением случаев, прямо установленных федеральными законами¹¹. В то же время в законодательстве нормативно не определено понятие государственной функции, вследствие чего отграничить понятие «исполнение государственной функции» от понятия «оказание государственной услуги» не представляется возможным (например, применительно к определению типа военно-медицинских и образовательных учреждений Минобороны России). Наряду с этим в теории государства и права образование, здравоохранение граждан являются социальной функцией государства, аналогичный вывод следует из анализа положений Конституции Российской Федерации (ст.ст. 41, 43)¹². Правильность отнесения образовательной деятельности к публичным функциям подтверждается позицией Конституционного Суда Российской Федерации¹³.

В связи с изложенным разделение учреждений на типы в зависимости от потенциальной «возможности исполнения указанным учреждением государственных (муниципальных) функций» представляется некорректным ввиду неопределенности указанного критерия.

¹¹ Автономное учреждение и бюджетное учреждение создаются публично-правовым образованием для выполнения государственных (муниципальных) работ, оказания государственных (муниципальных) услуг и не вправе исполнять государственные (муниципальные) функции, за исключением случаев, прямо установленных федеральными законами.

¹² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹³ По делу о проверке конституционности пункта 4 части второй статьи 250, статьи 321.1 Налогового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 3 статьи 41 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева и Московского авиационного института (государственного технического университета): постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 22.06.2009 г. № 10-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 27. Ст. 3383.

2. Государственное (муниципальное) учреждение может быть отнесено к определенному типу исходя из сферы деятельности, в которой оно создается (п. 7 Методических рекомендаций). Сфера деятельности казенного учреждения Законом № 83-ФЗ не ограничена. Но в конце разд. II Методических рекомендаций делается вывод о том, что «с учетом особенностей правового положения казенных учреждений целесообразно относить к казенным учреждениям только учреждения, созданные в сфере управленческой деятельности, либо учреждения, отнесенные к казенным в соответствии с законом».

Исходя из изложенного становится более понятным подход законодателя к формированию перечня учреждений, которые стали казенными в силу закона (п. 1 ч. 1 ст. 31 Закона № 83-ФЗ).

3. Что касается мотивов разработчиков законопроекта и его направленности, то, как представляется, их неплохо иллюстрирует разд. IV Методических рекомендаций: «Дополнительные критерии, основанные на учете экономического и управленческого потенциала государственного (муниципального) учреждения», согласно п. 8 которого «в качестве дополнительных критериев определения типа государственного (муниципального) учреждения (оценки целесообразности принятия решения об изменении типа государственного (муниципального) учреждения) целесообразно использовать экономический потенциал и управленческий потенциал такого учреждения».

В заключение Методических рекомендаций делается вывод о том, что, «чем выше экономический и управленческий потенциал государственного (муниципального) учреждения, тем менее целесообразно сохранение на установленный Федеральным законом переходный период финансового обеспечения данного учреждения на основе бюджетной сметы и (или) изменение его типа в целях создания казенного учреждения».

Как видим, содержание Методических рекомендаций недвусмысленно подтверждает обоснованность вывода о том, что основная направленность Закона № 83-ФЗ – минимизация количества финансируемых из бюджета учреждений, перевод максимального количества

из них на самофинансирование, что фактически означает их «самовыживание» в условиях рыночной конкуренции.

В указанных целях правовое положение казенных учреждений было жестко регламентировано, а их правосубъектность – максимально ограничена. В частности, казенное учреждение:

- является единственным типом учреждения, которое финансируется по смете из федерального бюджета;

- отвечает по своим обязательствам только находящимися в его распоряжении денежными средствами (при недостаточности указанных средств субсидиарную ответственность по обязательствам такого учреждения несет собственник его имущества);

- может осуществлять приносящую доход деятельность в соответствии со своими учредительными документами, но доходы, полученные от указанной деятельности, поступают в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации и являются доходом этого бюджета (т. е. казенное учреждение лишено «предпринимательской» мотивации);

- заключает государственные контракты и иные гражданско-правовые договоры от имени публично-правового образования.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что именно казенное учреждение как правовое явление наиболее подходящая правовая конструкция для того, чтобы собственник мог использовать ее при создании максимально подконтрольных ему организаций.

Таким образом, казенное учреждение является наиболее оптимальной правовой конструкцией для существования военных организаций как юридических лиц.

Список литературы

1. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение / Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров. М.: Норма, 2011. 320 с.

2. Землин А.И. Правовое регулирование финансовой деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

3. Кирилловых А.А. Казенное учреждение как некоммерческая организация // Право и экономика. 2010. № 9.

4. Теория государства и права: учеб. пособие / А.И. Василенко, М.В. Максимов, Н.М. Чистяков. М.: Книжный мир, 2007. 384 с.

Сведения об авторе

Баранenkova Ирина Викторовна, кандидат юридических наук.

E-mail: iri5255@yandex.ru

Legal Relations in the Military

THE LEGAL NATURE OF MILITARY ORGANIZATIONS AS PUBLIC INSTITUTIONS

Irina V. BARANENKOVA

Abstract. The article considers the peculiarities of the legal nature of public institutions as the grounds for the application of this type of institutions for the military organizations.

Keywords: state institution; military organization; legal status of military organizations

Information about the author

Baranenkova Irina Viktorovna, Cand. Sc. (Law).

E-mail: iri5255@yandex.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКА КРИМИНАЛЬНО-АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У КОМБАТАНТОВ

Г.А. ФАСТОВЦОВ,

**доктор медицинских наук, доцент, доцент 31 кафедры
(криминалистики) Военного университета,
руководитель отделения эндогенных психозов
отдела судебно-психиатрических экспертиз
в уголовном процессе Федерального медицинского центра
психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского.
E-mail: grafast62@mail.ru**

Аннотация. В статье отражены результаты медико-криминалистического исследования с использованием регрессивного анализа, по результатам которого были выявлены наиболее информативные тестовые утверждения IES-R, что позволило в конечном итоге произвести выбор самых значимых симптомов посттравматического стрессового расстройства – предикторов агрессивно-криминального поведения.

Ключевые слова: шкала Горовица; Impact of Event Scale-Revised; IES-R; посттравматическое стрессовое расстройство; криминальное агрессивное поведение; комбатант

В последние годы отмечается отчетливая тенденция к увеличению числа психических расстройств, обусловленных воздействием стрессовых факторов. Клиническое многообразие проявлений, высокий уровень сочетания с другими заболеваниями определяют сложность диагностических подходов к данным психическим расстройствам и прогнозу их развития. Исследования распространенности последствий экстремального стресса показывают, что примерно у каждого пятого участника боевых действий (комбатанта) возникает посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), которое феноменологически проявляется в виде трех констелляций: погружения (интрузии), избегания и гиперактивности [4; 6].

Для выявления особенностей феноменологического оформления ПТСР применяется Шкала оценки влияния травматического события, разработанная М. Горовицем, Н. Вилнером и В. Алваресом в 1979 г. и модифицированная (пересмотренная) С. Мармаром с соавторами в

1996 г. (Impact of Event Scale-Revised – IES-R) [2]. Данная Шкала как инструмент клинического исследования была апробирована в лаборатории психологии посттравматического стресса и психотерапии института психологии Российской академии наук, в настоящее время она относится к числу наиболее часто используемых в мировой практике для клинической диагностики посттравматических стрессовых расстройств. С помощью указанной Шкалы проводилась оценка выраженности симптоматики ПТСР по трем специфическим феноменам, выделенным М. Горовицем и С. Мармаром [5]

К первому феномену относятся симптомы *погружения* – повторяющиеся переживания стрессовой ситуации в форме навязчивых представлений, фантазий, воспоминаний; появление их в снах либо ночных кошмарах при воздействии напоминающих обстоятельств. Иногда термин «погружение» (англ. intrusion) переводится как «навязывание».

Ко второму феномену относятся симптомы *избегания* – попытки смягчения или избегания переживаний, связанных с травматическим событием, снижение реактивности.

Симптомы третьего феномена – *гипервозбуждения* (физиологической возбудимости) включают: раздражительность, конфликтность, напряжение, неустойчивое настроение, трудности с сосредоточением внимания.

Вполне очевидно, что наборы симптомов воспроизводят диагностические критерии, используемые в таких ныне действующих классификациях психических расстройств, как ICD-10 и DSM-IV-TR.

Результаты применения IES-R рассчитываются соответственно субшка-

лам: субшкала «погружение» (intrusion subscale – INT) – 8 утверждений, субшкала «избегание» (avoidance subscale – AVD) – 8 утверждений и субшкала «физиологическая возбудимость» (hyperarousal subscale – HAR) – 6 утверждений. Оценкой каждой из субшкал является среднеарифметическая величина выбранных респондентом вариантов ответов в баллах (от 0 до 5), а общая оценка по шкале IES-R в целом является суммой оценок каждой из трех шкал.

ные меры медико-социального характера у ветеранов локальных войн, страдающих ПТСР.

Объектом исследования являлись 478 проходивших ранее службу в районах локальных вооруженных конфликтов военнослужащих-мужчин с клиническими признаками ПТСР (рубрика F 43.1 по МКБ-10)¹, обследованных непосредственно автором. Из них в основную группу («подэкспертные») вошли 344 человека, страдающих ПТСР и совершивших пра-

Таблица 1

Описательная статистика и однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) субшкал оценки влияния травматического события (Impact of Event Scale-Revised, IES-R)

Субшкала	Объект исследования	Mean	SD	95% CI		F	p
				LB	UB		
Погружение (INT)	Пациент	2,09	1,23	1,86	2,33	45,04	,000
	Подэкспертный	3,06	1,22	2,90	3,21	-	-
Избегание (AVD)	Пациент	3,32	0,45	3,23	3,41	1,34	,247
	Подэкспертный	3,38	0,49	3,32	3,45	-	-
Гипервозбудимость (HAR)	Пациент	2,05	1,08	1,84	2,26	60,74	,000
	Подэкспертный	3,00	1,01	2,86	3,13	-	-
Всего по IES-R	Пациент	7,46	2,16	7,05	7,88	66,48	,000
	Подэкспертный	9,43	2,02	9,17	9,70	-	-

Источник: составлено автором.

Примечание: **Mean** — средний балл; **SD** — стандартное отклонение среднего; **95 % CI** — 95%-ный доверительный интервал; **LB** — нижняя граница 95%-ного доверительного интервала; **UB** — верхняя граница 95%-ного доверительного интервала; **F** — критерий Фишера, используется при дисперсионном анализе (анализ вариации, Analysis Of Variance, ANOVA, MANOVA), основан на сравнении межгруппового разброса значений (эффект) и внутригруппового разброса значений (ошибка); **p** — вероятность ошибки.

При длительном воздействии боевых стрессоров у некоторых военнослужащих обнаруживаются признаки так называемого неприемлемого боевого стрессового поведения (combat misconduct stress behavior). Оно проявляется как в мелких нарушениях уставных требований, так и в серьезных преступлениях, таких как мародерство, отказ взятия в плен или убийство пленных, применение пыток, насилие и убийство мирных жителей, убийство своих командиров [1]. Таким образом, рабочей гипотезой исследования является предположение о возможности выделения информативных признаков, опираясь на которые, можно прогнозировать вероятность агрессивного криминального поведения, что позволит увеличить доказательность экспертного решения, определять лечебные и реабилитацион-

вонарушения против личности различной тяжести; все они прошли судебно-психиатрическую экспертизу в Центре им. В.П. Сербского (обследование в условиях стационара проводилось в 300 случаях, амбулаторно – в 44). В группу сопоставления («пациенты») были включены 134 человека, проходивших лечение в военных госпиталях по поводу ПТСР. Всего пройти исследование с использованием IES-R выразило согласие 339 человек, из которых к группе подэкспертных относились 233, к группе пациентов – 106.

Результаты и обсуждение исследования. В табл. 1, где сведены данные дескриптивной статистики и анализа разли-

¹ Раздел F в международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) отражает психические и поведенческие расстройства, цифрами 43.1 кодируется ПТСР.

чий результатов, полученных с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), видно, что оценка по всей шкале IES-R по категории «подэкспертные» (9,43) была достоверно ($p^2 = 0,000$) выше таковой по категории «пациенты» (7,46). Также достоверно большие оценки у подэкспертных определялись по субшкалам «погружение» ($p = 0,000$) и «гипервозбуждение» ($p = 0,000$). Одновременно необходимо отметить, что не было выявлено различий по субшкале «избегание», и при этом средние оценки в сравниваемых группах были достаточно высоки.

Показанные результаты дают возможность утверждать, что и общий уровень посттравматического стресса, и средние оценки феноменов погружения и гипервозбуждения были выше в группе «подэкспертных». Однако в контексте настоящего исследования констатация этих фактов не может являться удовлетворительной по ряду причин. Прежде всего, не ясно, насколько данный клинический инструмент позволяет разграничивать комбатантов с признаками ПТСР, склонных и не склонных к проявлениям агрессии. Кроме того, оценки как по каждой из субшкал, так и по шкале в целом позволяют в какой-то мере судить о феноменологическом содержании субъективной оценки травматического стресса, но не дают ответа на то, какие именно его признаки указывают на повышенный относительный риск агрессии.

Однако самым существенным моментом для возможности применения IES-R как инструмента определения вероятности формирования криминальной агрессии была необходимость выяснения:

- в какой степени данная шкала может «правильно» отделить подэкспертных от пациентов,
- каковы пороговые значения каждой из субшкал и шкалы в целом;
- какие из утверждений наилучшим образом указывают на высокий или низкий относительный риск агрессивного поведения.

Иными словами, рассматриваемый в настоящей работе тест (IES-R) расценивался как модель субъективных переживаний дистресса комбатантов, способных служить предикторами криминальной агрессии. Для решения указанных проблем вначале первичные данные, полученные с помощью IES-R, рассматривались как ис-

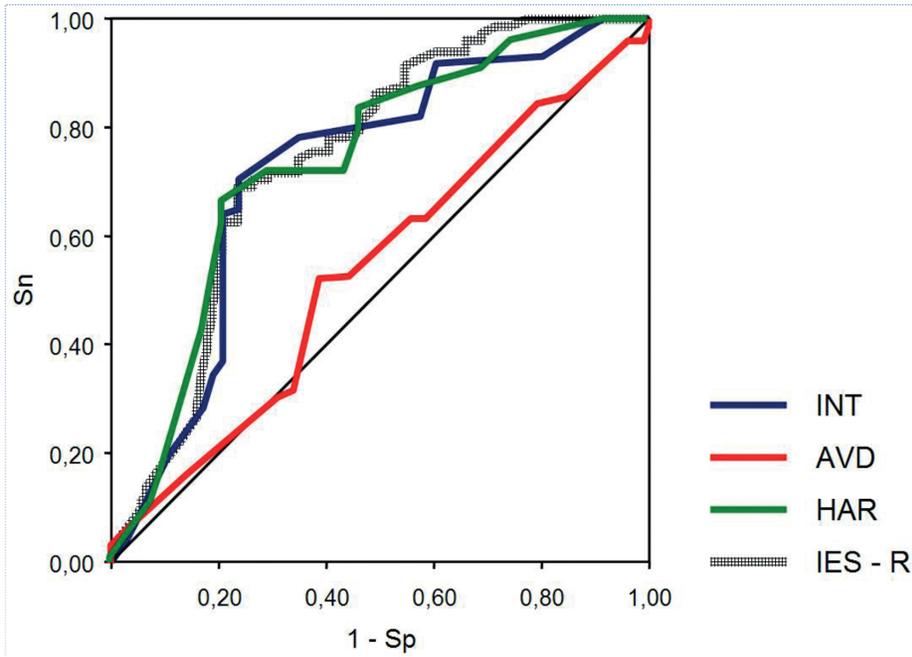
ходные модели по каждой субшкале в отдельности и по шкале в целом. Проверка способности классифицировать сравниваемые группы проведена с использованием процедуры ROC³-анализа с определением оптимальных пороговых значений, «отсекающих» одну группу от другой, а также показателей качества моделей (S_n – чувствительность, S_p – специфичность, PPV – прогностическая ценность положительного результата, NPV – прогностическая ценность отрицательного результата, AUC – интегральный показатель качества шкалы) [3].

На рисунке 1 представлена сравнительная диаграмма ROC-кривых, полученных по исходным значениям IES-R в целом и по отдельным субшкалам. Как на самом рисунке, так и по данным сопровождающей его таблицы 2 хорошо видно, что данный клинический инструмент в исходном варианте как модель субъективного дистресса обладает удовлетворительной способностью (валидностью) выделять комбатантов с ПТСР, склонных к криминальной агрессии. Об этом свидетельствовали значения интегрального показателя качества шкалы ($AUC = 0,744$) как теста на определение вероятности агрессивного поведения. Примерно такие же показатели были у субшкал погружения ($AUC = 0,723$) и гипервозбудимости ($AUC = 0,734$). В то же время показатель качества субшкалы избегания ($AUC = 0,537$) представлял ее как практически «бесполезный классификатор», когда относительное число истинно положительных результатов распознавания (чувствительность) возрастает пропорционально росту относительного числа ложноположительных результатов.

Так, для суммарного скоринга IES-R пороговое значение, отсекающее класс подэкспертных от класса пациентов, составило 8,33 балла при чувствительности теста 69,1 % ($S_n = 0,691$) и специфичности 76,4 % ($S_p = 0,764$). Прогностическая ценность положительного результата (доля подэкспертных от общего числа наблюдаемых, отнесенных тестом к данной категории) при указанном пороговом значении составила 86,6 % (PPV = 0,866). Однако прогностическая ценность отрицатель-

³ ROC — Receiver Operating Characteristic, характеристическая кривая для выражения соотношения чувствительности и специфичности теста.

² p – вероятность ошибки.

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Сравнительная диаграмма ROC-кривых, полученных по исходным значениям IES-R в целом и по отдельным субшкалам

ного результата была весьма невелика – 52,9 % ($NPV = 0,529$). Примерно такие же результаты определения валидности распознавания сравниваемых групп продемонстрировали две из трех субшкал – «погружение» и «гипервозбудимость». В первом случае, при «сбалансированных» величинах чувствительности ($Sn = 0,704$) и специфичности ($Sp = 0,764$), пороговое значение составило 1,82 балла, $PPV = 0,866$ и $NPV = 0,540$.

Во втором случае ($Sn = 0,665$; $Sp = 0,793$) пороговое значение равнялось 2,50 балла, $PPV = 0,876$ и $NPV = 0,519$. По субшкале избегания данные о показателях ее предикционной способности выявлять агрессивные тенденции у комбатантов соответствовали интегральному показателю – AUC и были также неудовлетворительны. Так, при «сбалансированных» и весьма низких показателях чувствительности ($Sn = 0,524$) и специфичности ($Sp = 0,613$) пороговое значение составляло 3,44, $PPV = 0,749$ и $NPV = 0,369$.

При исследовании полученных результатов анализа предикционной способности IES-R выявлять потенциальную агрессивность особое внимание было обращено на пороговые значения, разделяющие подэкспертных и пациентов. В

частности, придерживаясь общих принципов моделирования некоего события, следует полагать, что эти значения лежат между средними величинами, рассчитанными для каждой из сравниваемых групп. Однако если сравнить данные табл. 1 (средние значения) и табл. 2 (пороговые значения), несложно заметить, что упомянутый принцип выполняется лишь для балльной оценки по шкале в целом и для субшкалы «гипервозбудимость». В то же время пороговое значение по субшкале «погружение» было ниже, чем средний балл в группе «пациенты», а по субшкале «избегание» больше, чем средний балл в группе «пациенты».

Кроме того, настоящее исследование в основном было сфокусировано не столько на обобщенной оценке субъективного дистресса, сколько на роли отдельных утверждений как конструктах в модели, с помощью которых можно было бы определять вероятность формирования криминальной агрессии. В таблице 3 можно видеть, что по некоторым из утверждений субшкалы «избегание» (5 и 6) IES-R средний балл в группе «пациенты» был достоверно больше, чем в группе «подэкспертные». Тем не менее, как было показано выше, общая оценка по субшкале «избе-

Показатели качества моделей субъективного дистресса, полученные по исходным значениям IES-R в целом и по отдельным субшкалам

Субшкала	Пороговое значение	Показатели качества				
		AUC	Sn	Sp	PPV	NPV
Погружение (INT)	1,82	,723	0,704	0,764	0,868	0,540
Избегание (AVD)	3,44	,537	0,524	0,613	0,749	0,369
Гипервозбудимость (HAR)	2,50	,734	0,665	0,793	0,876	0,519
Всего по IES-R	8,33	,744	0,691	0,764	0,866	0,529

Источник: составлено автором.

Примечание: AUC — интегральный показатель качества шкалы; Sn — чувствительность; Sp — специфичность; PPV — прогностическая ценность положительного результата; NPV — прогностическая ценность отрицательного результата.

гание» вообще не предоставляла возможности дифференцировать подэкспертных и пациентов. Безусловно, поскольку все вошедшие в исследование комбатанты имели в той или иной степени признаки ПТСР, усредненные оценки или их обобщенная величина могли показывать лишь ориентировочные уровни субъективного дистресса, искажая при этом его содержательную часть. С учетом данного обстоятельства, было сделано предположение, что указывать на большую или меньшую вероятность формирования криминальной агрессии (т. е. выступать в роли предикторов) могут только некоторые из клинических признаков, которые входят в состав IES-R в качестве утверждений.

Для определения данных признаков каждая из субшкал IES-R была исследована с использованием процедуры пошаговой бинарной логистической регрессии, где в качестве зависимой бинарной переменной использовалась принадлежность к сравниваемым группам («подэкспертный» – «пациент»).

Принцип интерпретации полученных результатов был аналогичен описанному выше. Единственное отличие состояло в том, что полученные параметры независимых переменных умножались на балл (от 0 до 5), которым оценивал утверждение респондент.

В модель, которая была рассчитана на основе утверждений, составлявших субшкалу «погружение», было отобрано три утверждения:

1) V01int⁴ – «Любое напоминание об этом событии (ситуации) заставляло меня заново переживать все случившееся»;

2) V06int – «Я думал о случившемся против своей воли»;

3) V20int – «Мне снились тяжелые сны о том, что со мной случилось».

На основании суммарных баллов, рассчитанных для каждого наблюдения, были рассчитаны показатели качества исходной регрессионной модели. В частности, чувствительность модели составила 93,1 % (Sn = 0,931), специфичность – 71,7% (Sp = 0,717). Положительная и отрицательная прогностическая ценность модели были близки по значению и составили соответственно PPV = 0,879 и NPV = 0,826.

В таблице 4 сведены параметры уравнения регрессии, полученные по результатам селекции переменных, которые позволяют с достаточной точностью (см. показатели качества модели) относить наблюдение к одной из сравниваемых категорий обследованных комбатантов, и проверка их достоверности. Прежде всего, обратим внимание на то, что величина константы в модели имеет отрицательное значение, но невелика и недостоверна (-0,253; p = ,497). Из этого следует, что если каждое из утверждений субшкалы избегания имело значение «0», то наличие или отсутствие относительного риска криминальной агрессии было затруднительно: OШ⁵ = 0,78 или Pevent⁶ = 43,7 %. Тем не менее, согласно правилам классификации с использованием бинарной логистической регрессии, данный случай должен классифицироваться как «пациент».

IES-R, обозначающий номер утверждения в оригинале и сокращенное название субшкалы, к которому оно относится.

⁵ OШ — отношение шансов.

⁶ Pevent — вероятность наступления некоего события.

⁴ Буквенно-цифровой код утверждения

Таблица 3

Описательные статистики и однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) всех утверждений для оценки влияния травматического события (Impact of Event Scale-Revised, IES-R)

Порядковый номер субшкалы	Сравниваемые группы	Mean	SD	95% CI		F	p
				LB	UB		
V01int	Пациент	2,10	1,58	1,80	2,41	51,27	,000
	Подэкспертный	3,31	1,37	3,13	3,49	-	-
V02int	Пациент	2,49	1,46	2,21	2,77	24,49	,000
	Подэкспертный	3,33	1,45	3,15	3,52	-	-
V03int	Пациент	2,66	1,47	2,38	2,94	11,37	,001
	Подэкспертный	3,24	1,47	3,05	3,43	-	-
V04har	Пациент	2,38	1,36	2,11	2,64	37,30	,000
	Подэкспертный	3,28	1,22	3,13	3,44	-	-
V05avd	Пациент	3,58	1,38	3,32	3,85	34,96	,000
	Подэкспертный	2,67	1,29	2,51	2,84	-	-
V06int	Пациент	3,15	1,19	2,92	3,38	0,02	,893
	Подэкспертный	3,13	1,49	2,94	3,32	-	-
V07avd	Пациент	4,53	0,85	4,36	4,69	5,94	,015
	Подэкспертный	4,26	0,97	4,14	4,39	-	-
V08avd	Пациент	4,58	0,82	4,43	4,74	8,94	,003
	Подэкспертный	4,26	0,97	4,14	4,39	-	-
V09int	Пациент	1,70	1,62	1,39	2,01	39,28	,000
	Подэкспертный	2,88	1,60	2,67	3,09	-	-
V10har	Пациент	1,91	1,73	1,57	2,24	46,31	,000
	Подэкспертный	3,13	1,44	2,94	3,31	-	-
V11avd	Пациент	2,64	1,07	2,44	2,85	19,60	,000
	Подэкспертный	3,31	1,37	3,13	3,49	-	-
V12avd	Пациент	2,41	1,27	2,16	2,65	24,12	,000
	Подэкспертный	3,10	1,19	2,95	3,26	-	-
V13avd	Пациент	2,36	1,20	2,13	2,59	0,40	,529
	Подэкспертный	2,45	1,36	2,28	2,63	-	-
V14int	Пациент	1,39	1,45	1,11	1,67	37,62	,000
	Подэкспертный	2,49	1,57	2,29	2,69	-	-
V15har	Пациент	2,41	1,48	2,12	2,69	4,58	,033
	Подэкспертный	2,76	1,41	2,58	2,95	-	-
V16int	Пациент	1,67	1,61	1,36	1,98	22,96	,000
	Подэкспертный	2,54	1,53	2,34	2,74	-	-
V17avd	Пациент	3,13	1,91	2,76	3,50	0,89	,346
	Подэкспертный	2,97	1,22	2,81	3,13	-	-
V18har	Пациент	1,32	1,31	1,07	1,57	48,61	,000
	Подэкспертный	2,41	1,35	2,24	2,59	-	-
V19har	Пациент	1,40	1,55	1,10	1,70	33,16	,000
	Подэкспертный	2,53	1,74	2,31	2,76	-	-
V20int	Пациент	1,59	1,66	1,28	1,91	114,85	,000
	Подэкспертный	3,52	1,48	3,33	3,71	-	-
V21har	Пациент	2,89	1,20	2,66	3,12	48,00	,000
	Подэкспертный	3,85	1,18	3,70	4,00	-	-
V22avd	Пациент	3,32	0,96	3,14	3,51	26,71	,000
	Подэкспертный	4,04	1,27	3,87	4,20	-	-

Источник: составлено автором.

Также следует отметить, что два из выбранных утверждений имели положительное значение (V01int и V20int), т. е. при оценке утверждения больше «0» наличие

каждого из них пропорционально увеличивало вероятность агрессивного поведения. В частности, присутствие признака, описанного утверждением V01int (0,434;

**Параметры уравнения регрессии и проверка их достоверности
по утверждениям субшкалы «погружение» IES-R (шаг 3)**

Порядковый номер субшкалы	B	SE	Wald	df	p	Exp(B)
V01int	0,434	0,122	12,580	1	0,000	1,544
V06int	-0,769	0,137	31,651	1	0,000	0,463
V20int	0,866	0,116	56,030	1	0,000	2,377
Константа	-0,253	0,372	0,461	1	0,497	0,777

Источник: составлено автором.

Примечание: переменная, включенная в модель на шаге: 1) V20int — «Мне снились тяжелые сны о том, что со мной случилось»; 2) V06int — «Я думал о случившемся против своей воли»; 3) V01int — «Любое напоминание об этом событии (ситуации) заставляло меня заново переживать все случившееся»; **B** — константная величина; **SE** — стандартная погрешность; **Wald** — достоверность (p) по величине статистики Вальда; **df** — достоверность факта; **Exp(B)** — значение каждого из параметров регрессии.

p = 0,000), увеличивало относительный риск в полтора раза (ОШ = 1,54), а наличие переживаний в утверждении V20int (0,866; p = 0,000) – почти в два с половиной раза (ОШ = 2,38). И напротив, отрицательное значение утверждения V06int (-,769; p = 0,000) свидетельствовало о том, что относительный риск снижается почти вдвое (ОШ = 0,46).

В качестве примера приведем расчет для обследованного комбатанта, выбранные оценки утверждений которого составили V01int = 1, V06int = 3 и V20int = 0. Таким образом, уравнение регрессии для него записывалось следующим образом:

$$y = -0,253 + 1 \times 0,434 - 3 \times 0,769 + 0 \times 0,866 = -2,126$$

$$Pevent = 1/(1 + 2,7182, 13) = 0,107,$$

где y – суммарный параметр уравнения;

Pevent – вероятность наступления некоего события.

То есть вероятность того, что комбатант может совершить агрессивное общественно опасное деяние (ООД), мала и составляет только 10,7 %.

Добавим, что данный респондент изначально относился к группе пациентов.

Подобным образом были выбраны предикторы из субшкалы «избегание». Всего в регрессионную модель вошло пять утверждений (см. табл. 5). Показатели качества модели были несколько хуже, чем в предыдущей модели, а именно: при достаточно высокой чувствительности (Sn = 0,876) имели место довольно большое число ложноположительных результатов

теста и, как следствие, весьма низкий показатель специфичности (Sp = 0,443). Тем не менее, улучшились показатели прогностической ценности (PPV = 0,776 и NPV = 0,618) в сравнении с тем, когда использовалась субшкала «избегание» целиком (т. е. все восемь утверждений). В результате редуцированная субшкала «избегание» уже не представлялась как «бесполезный классификатор».

Так же как и в случае субшкалы «погружение», константа в уравнении регрессии субшкалы «избегание» имела отрицательную и статистически незначимую величину (-0,348; p = 0,614; ОШ = 0,71) (табл. 5). И хотя формально в случае нулевых значений остальных переменных наблюдение, имеющее в уравнении лишь константу, следовало бы отнести к группе пациентов, такое решение нельзя назвать достоверным и обоснованным.

Значительно больший клинический интерес представляет интерпретация параметров (коэффициентов регрессии), рассчитанных для вошедших в модель утверждений IES-R. Как следует из табл. 5, три из них имели значимую положительную величину параметра:

1) V11avd – «Я старался не думать о случившемся» ($b^7 = 0,322$; p = 0,002; ОШ = 1,38);

2) V12avd – «Я понимал, что меня до сих пор буквально переполняют тяжелые переживания по поводу того, что случилось, но ничего не делал, чтобы их избежать» (b = 0,232; p = 0,051; ОШ = 1,26);

⁷ b – коэффициент регрессии.

Таблица 5

**Параметры уравнения регрессии и проверка их достоверности
по утверждениям субшкалы «избегание» IES-R (шаг 5)**

Порядковый номер субшкалы	B	SE	Wald	df	p	Exp(B)
V05avd	-0,435	0,107	16,52	1	0,000	0,65
V11avd	0,322	0,105	9,40	1	0,002	1,38
V12avd	0,232	0,119	3,79	1	0,051	1,26
V17avd	-0,219	0,091	5,74	1	0,017	0,80
V22avd	0,423	0,106	15,99	1	0,000	1,53

Источник: составлено автором.

Примечание: переменная, включенная в модель на шаге: 1) V05avd — «Я не позволял себе расстраиваться, когда думал об этом событии или что-то напоминало мне о нем»; 2) V22avd — «Я старался ни с кем не говорить о случившемся»; 3) V11avd — «Я старался не думать о случившемся»; 4) V17avd — «Я старался вытеснить случившееся из памяти»; 5) V12avd — «Я понимал, что меня до сих пор буквально переполняют тяжелые переживания по поводу того, что случилось, но ничего не делал, чтобы их избежать».

3) V22avd – «Я старался ни с кем не говорить о случившемся» ($b = 0,423$; $p = 0,000$; $ОШ = 1,53$);

и два – значимую отрицательную величину:

1) V05avd – «Я не позволял себе расстраиваться, когда думал об этом событии или что-то напоминало мне о нем» ($b = -0,435$; $p = 0,000$; $ОШ = 0,65$);

2) V17avd – «Я старался вытеснить случившееся из памяти» ($b = -,219$; $p = 0,017$; $ОШ = 0,80$).

Однако в данном случае существенный клинический смысл имеют не только собственно величины коэффициентов, определяющие большую или меньшую ве-

роятность агрессивно-криминального поведения при наличии данного симптома. Содержание утверждений, имеющих положительные величины параметра и, следовательно, увеличивающих вероятность агрессивных ООД, свидетельствовали о пассивной форме избегания ситуаций, вызывающих субъективный дистресс. И, напротив, утверждения, имевшие отрицательное значение, т. е. снижавшие относительный риск агрессивного поведения, свидетельствовали об активной форме «избегания» («борьба» с состоянием психологического дистресса).

В регрессионную модель, рассчитанную на основе субшкалы «гипервозбу-

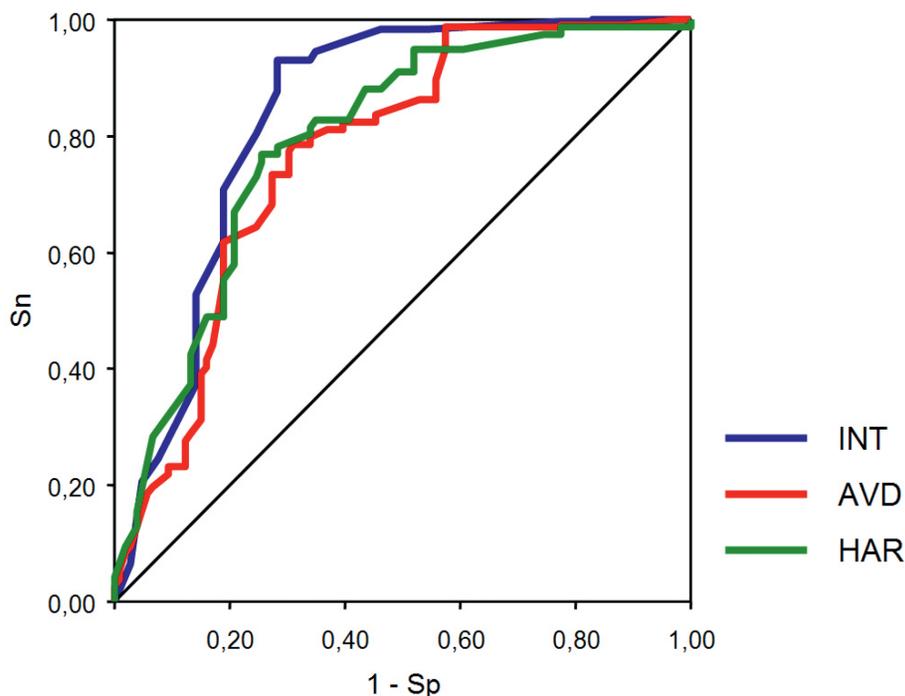
Таблица 6

**Параметры уравнения регрессии и проверка их достоверности
по утверждениям субшкалы «гипервозбудимость» IES-R (шаг 4)**

Порядковый номер субшкалы	B	SE	Wald	df	p	Exp(B)
V10har	,352	,109	10,401	1	,001	1,422
V15har	-,412	,124	11,141	1	,001	,662
V18har	,368	,124	8,816	1	,003	1,445
V21har	,550	,134	16,878	1	,000	1,733
Константа	-1,613	,407	15,735	1	,000	,199

Источник: составлено автором.

Примечание: переменная, включенная в модель на шаге: 1) V18har — «Мне было трудно сосредоточить внимание на чем-либо»; 2) V21har — «Я был постоянно насторожен и все время ожидал, что случится что-то плохое»; 3) V15har — «Мне было трудно заснуть»; 4) V10har — «Я был все время напряжен и сильно вздрагивал, если что-то внезапно пугало меня».

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Сравнительная диаграмма ROC-кривых по результатам регрессионного анализа субшкал IES-R

димность», вошло четыре утверждения из шести (табл. 6). В данном случае также наблюдался при высоком уровне чувствительности ($S_n = 0,910$) довольно низкий показатель специфичности ($S_p = 0,481$). Однако при этом стали более сбалансированными показатели прогностической ценности ($PPV = 0,794$ и $NPV = 0,708$). С учетом того что одной из основных задач настоящего исследования было определение признаков повышенного риска формирования агрессивного поведения, полученные результаты регрессионного анализа можно считать вполне приемлемыми.

Следует обратить внимание на то, что в отличие от рассмотренных выше моделей феноменов субъективного дистресса в виде «погружения» и «избегания», константа в модели «гипервозбудимость» имела значительную и статистически достоверную отрицательную величину ($-1,613$; $p = 0,000$; $ОШ = 0,199$). Это означало, что если все остальные симптомы, вошедшие в модель, отсутствовали, веро-

ятность формирования агрессивного поведения была невелика ($P_{event} = 16,1\%$)

С положительными и достоверными значениями параметров (коэффициентов) и, следовательно, увеличивавшими вероятность агрессивных ООД в уравнение модели феномена «гипервозбудимость» вошли:

1) V10har – «Я был все время напряжен и сильно вздрагивал, если что-то внезапно пугало меня» ($b = 0,352$; $p = 0,001$; $ОШ = 1,42$),

2) V18har – «Мне было трудно сосредоточить внимание на чем-либо» ($b = 0,352$; $p = 0,001$; $ОШ = 1,42$),

3) V21har – «Я был постоянно настрожен и все время ожидал, что случится что-то плохое» ($b = 0,550$; $p = 0,000$; $ОШ = 1,73$).

Несложно заметить, что совокупность перечисленных симптомов не что иное, как тревожное расстройство. Наглядным подтверждением тому является наибольшее значение параметра утверждения V21har, которое в явном виде описывает тревогу.

Таблица 7

**Показатели качества моделей субъективного дистресса
по субшкалам IES-R, полученные по результатам регрессионного
анализа и ROC-анализа**

Статистический параметр	Показатель субшкалы		
	Погружение	Избегание	Гипер-возбудимость
Пороговое значение параметра	0	0	0
Sn	0,931	0,876	0,910
Sp	0,717	0,443	0,481
PPV	0,879	0,776	0,794
NPV	0,826	0,618	0,708
Пороговое значение ROC-параметра	0,061	0,708	0,743
AUC	0,836	0,769	0,791
Sn	0,931	0,773	0,768
Sp	0,717	0,698	0,745
PPV	0,879	0,849	0,869
NPV	0,826	0,583	0,594

Источник: составлено автором.

Примечание: Sn — чувствительность; Sp — специфичность; PPV — уровень положительной предикции или прогностическая ценность положительного результата; NPV — уровень отрицательной предикции или прогностическая ценность отрицательного результата; AUC — величина площади под ROC-кривой или интегральный показатель качества шкалы.

Единственным утверждением, вошедшим в модель «гипервозбудимость» с отрицательным значением ($b = -0,412$; $p = 0,001$; $OШ = 0,66$), было V15har – «Мне было трудно заснуть». Однако этот симптом можно трактовать по-разному, в том числе как признак астенических расстройств.

Таким образом, приведенные результаты регрессионного анализа дали возможность произвести выбор наиболее значимых симптомов ПТСР – предикторов агрессивно-криминального поведения. Редукция симптомокомплексов, которые описывают субшкалы IES-R, позволила «отсечь» признаки, характерные для посттравматического стресса в целом: они приводили к нивелировке характеристик, необходимых для решения основной проблемы исследования – составления прогноза криминальной агрессии как осложненного течения ПТСР. Об улучшении интегральных и частных показателей свидетельствует сравнительная диаграмма ROC-кривых (рис. 2), построенных по результатам регрессионного анализа субшкал IES-R.

Использование регрессионного анализа и ROC-анализа было обусловлено несбалансированностью показателей чувствительности и специфичности рассчитанных моделей. Единственной из

них, когда совпадали показатели предикционной способности как исходной, так и сбалансированной с применением ROC-анализа модели, была редуцированная субшкала «погружения». К тому же эта модель обладала самым высоким интегральным показателем качества – $AUC = 0,836$. «Балансировка» чувствительности и специфичности моделей «избегание» и «гипервозбудимость» приводила к утрате основного их свойства – выявлять большую долю комбатантов с высоким относительным риском криминальной агрессии. В этой связи целесообразно применять следующий статистический прием: использовать в качестве порогового значения, «отсекающего» наблюдения с безусловным высоким риском, параметр исходной модели; в качестве же порогового значения, «отсекающего» случаи с безусловно низким риском, необходимо использовать параметр, определенный с помощью ROC-анализа. Те же наблюдения, где значение суммарного зависимого параметра попало в интервал между указанными порогами, можно считать случаями условного риска.

Вывод. Изучение психолого-психических особенностей у комбатантов позволяет определить характерную личностную деформацию с нарушенной структурой

ведущих мотивов и ценностей. Важным фактором, удерживающим искаженную мотивационно-ценностную систему, являлось положительное отношение к собственным стеническим чертам характера и позитивное отношение к применению насилия в качестве эффективного способа разрешения межличностного конфликта, что усиливает влияние на формирование у комбатантов агрессивного криминального поведения. Изученный медико-криминалистический материал с применением клиничко-психопатологического, патопсихологического и регрессионного анализа позволил выявить наиболее информативные тестовые утверждения IES-R, что дало возможность выбрать наиболее значимые симптомы ПТСР в качестве предикторов агрессивно-криминального поведения комбатантов.

Практической значимостью проведенного исследования является возможность проводить оценку риска совершения агрессивных правонарушений, определять мотивы и механизмы их реализации.

Список литературы

1. Руководство для командиров по контролю над боевым стрессом: Полевой устав Сухопутных войск США FM 22-51 / сокр. пер. с англ. А.П. Нечаева // Зарубеж. воен. мед. (Информ. сб.). № 96. СПб., 1999. С. 8–84.
2. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
3. *Флетчер Р., Флетчер С., Вагнер Э.* Клиническая эпидемиология. Основы доказательной медицины / пер. с англ. С.Е. Бащинского, С.Ю. Варшавского. М.: Медиа Сфера, 1998. 352 с.
4. *Horowitz M.J., Winer N., Kaltreider N., Alvarez W.* Signs and Symptoms of PTSD // *Arch. Gen. Psychiat.*, 1980, vol. 37, № 1, pp. 85–92.
5. *Horowitz M.J., Weiss D.S., Marmar Ch.* Diagnosis of posttraumatic stress disorder // *J. Nerv. Ment. Dis.*, 1987, vol. 175, № 5, pp. 267–268.
6. *Mellman T.A., Randolph C.A., Brawman-Mintzer O.* et al. Phenomenology and course of psychiatric disorders associated with combat-related posttraumatic stress disorder // *Am. J. Psychiatry*, 1992, vol. 149, № 11, pp. 1568–1574.

Сведения об авторе

Фастовцов Григорий Александрович, доктор медицинских наук, доцент, доцент 31 кафедры (криминалистики) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, руководитель отделения эндогенных психозов отдела судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе Федерального медицинского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: grafast62@mail.ru

Forensics

ON THE IDENTIFICATION OF THE RISK OF THE CRIMINAL AND AGGRESSIVE BEHAVIOR OF COMBATANTS

Grigorii A. FASTOVTSOV

Abstract. The article presents the results of the medical and forensic studies, which involved the regression analysis and revealed the most informative IES-R test indicators that finally allowed the selection of the most significant symptoms of the post-traumatic stress disorder – predictors of the aggressive and criminal behavior.

Keywords: Horowitz scale; Impact of Event Scale-Revised; IES-R; post-traumatic stress disorder; criminal aggressive behavior; combatant

Information about the author

Fastovtsov Grigorii Aleksandrovich, Doctor of Medicine, Associate Professor of Department 31 (forensics) of the Military University of the Russian of the Defense Ministry of the Russian Federation, Head of the Endogenous Psychoses Section of the Department of the Forensic Psychiatric Examinations in Criminal Proceedings of the Federal Medical Center of Psychiatry and Addiction after V. Serbsky.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: grafast62@mail.ru

УДК 349.414

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЗЕМЛЯХ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.Ю. ФЕОКТИСТОВА,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры трудового права, гражданского
и арбитражного процесса
E-mail: feoktistovaou@mail.ru
Военный университет, Москва*

Аннотация. В статье рассмотрены правовые проблемы использования и охраны лесов на землях обороны и безопасности, а именно на землях, предоставленных Министерству обороны Российской Федерации, в современных условиях и изложены возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: лес; лесные участки; лесной фонд; земли обороны и безопасности

Довольно серьезными представляются вопросы, возникающие при управлении и контроле лесами, расположенными на землях обороны и безопасности. В настоящее время общая площадь лесов, расположенных на землях обороны, составляет 4,7 млн га общей площади лесов Российской Федерации [10], т. е. около 5 % всех лесопокрытых территорий Российской Федерации, и занимает около 40 % всех земель, закрепленных за Министерством обороны Российской Федерации. Ранее леса, расположенные на землях обороны, были исключены Лесным кодексом Российской Федерации (ЛК РФ) 1997 г. из состава земель общего лесного фонда и был установлен особый порядок осуществления контроля за использованием, охраной, защитой и воспроизводством лесов, расположенных на территориях режимных военных и оборонных объектов, что влекло за собой некоторые трудности. Определить особенности в их правовом статусе можно лишь при рассмотрении правового статуса лесов, расположенных на землях обороны, в контексте общих проблем правового регулирования земель обороны как земель особого назначения.

Военные лесные хозяйства предназначены для выделывания продукции, необходимой военным организациям и учреждениям, организации буферных зон перед важными военными объектами, для рекреационных целей и др.

В 1703 г. Петр I начал создание лесного хозяйства в России, по его указу была создана служба вальдмейстеров, входившая в состав Адмиралтейства [9]. На вальдмейстеров возлагались задачи охраны лесов от самовольных рубок и обеспечение флота и армии древесиной. В частности, вальдмейстеры отвечали за поставку корабельной древесины. В XIX в. особое внимание уделялось защите и разведению лесов – Лесной департамент получает военное устройство, образуется Корпус лесничих, при этом губернский лесничий приравнивался к должности командира полка [9].

В первой половине XX в. (как и в предыдущие столетия) военная доктрина России предусматривала сохранение густых труднопроходимых лесов на направлениях возможной агрессии из-за рубежа – для устройства завалов, непреодолимых препятствий для больших масс конницы, танков, тяжелой артиллерии, невозможности прицельного огня; на западном направлении рубки главного пользования ограничивались, что предусматривалось государственной лесной политикой.

Первоначальное закрепление лесов, расположенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны осуществлялось в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 19

апреля 1948 г. № 1264-478с «О закреплении лесов за Министерством вооруженных сил СССР». За Министерством вооруженных сил СССР закреплялись все леса, находящиеся на земельных участках, отведенных под полигоны, аэродромы, лагеря, учебные поля, военные городки, базы, склады и другие объекты, на него также возлагалась обязанность по «организации в закрепляемых лесах образцового ведения хозяйства под общим контролем Министерства лесного хозяйства СССР по согласованному с ним плану».

Положением «О порядке ведения лесного хозяйства в закрепленных за Министерством обороны лесах», утвержденным распоряжением Совета Министров СССР от 17 сентября 1965 г. № 1869-РС в целях обеспечения режима секретности военных объектов, дислоцированных в лесах, органы лесного хозяйства освобождались от осуществления общего наблюдения и контроля за ведением лесного хозяйства в данной категории лесов. В связи с этим Министерство обороны должно было усилить надзор за ведением лесного хозяйства в закрепленных за ним лесах, создав в случае необходимости службу лесного хозяйства в центральном аппарате Министерства обороны и в соответствующих военных округах.

Использование земель гослесфонда военлесхозы и части осуществляли под контролем Министерства сельского хозяйства СССР и его территориальных органов. Военлесхозы допускали представителей Министерства сельского хозяйства СССР и его органов в закрепленные за ними леса для проверки состояния леса и ведения лесного хозяйства, а также представителей Министерства финансов СССР и его органов для проверки правильности исчисления и сбора лесного дохода, с ведома соответствующего начальника КЭУ (КЭО) и командиров дислоцированных на территории военлесхоза частей с оформлением допусков на проверку (См.: Директива Министра обороны СССР от 19 февраля 1955 г. № 02/125 (утратила силу).

В соответствии со ст.ст. 7, 10 и 131 ЛК РФ 1997 г. леса, расположенные на землях обороны, были исключены из

лесного фонда Российской Федерации и закреплялись за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 1998 г. № 135 был утвержден Порядок закрепления лесов, расположенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны. Под понятием «закрепление лесов» в указанном Постановлении понималась передача федеральному органу исполнительной власти по вопросам обороны лесов, расположенных на землях обороны, в целях постоянного использования их для обеспечения нужд обороны.

Закреплению подлежали расположенные на землях обороны леса, ранее входившие в лесной фонд, по состоянию на 1 января 1998 г., а также леса, расположенные на землях, предоставляемых для нужд обороны после 1 января 1998 г.

Не подлежали закреплению леса, расположенные на землях, предоставленных во временное пользование в целях, связанных с нуждами обороны.

Организация и проведение работ по закреплению лесов, расположенных на землях обороны, осуществлялись федеральным органом управления лесным хозяйством и федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны.

Предложения о закреплении лесов с оформлением необходимых документов и составлением акта о передаче (приемке) лесов подготавливались совместно соответствующими лесхозом федерального органа управления лесным хозяйством или органом управления лесным хозяйством в субъекте Российской Федерации и лесхозом (лесничеством), воинским формированием либо иной организацией федерального органа исполнительной власти по вопросам обороны и представлялись на рассмотрение в федеральный орган управления лесным хозяйством и федеральный орган исполнительной власти по вопросам обороны.

В акте передачи (приемки) лесов указывались общая площадь закрепляемых лесов, разделение их по группам лесов

и разграничение лесов первой группы по категориям защищенности и т. п.

Акт о передаче (приемке) лесов утверждался совместным приказом федерального органа управления лесным хозяйством и федерального органа исполнительной власти по вопросам обороны, который являлся документом, удостоверяющим закрепление лесов, расположенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны.

В отношении лесов, закрепленных за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны, применялись устанавливаемые в соответствии с лесным законодательством Российской Федерации разделение лесов по группам лесов и разграничение лесов первой группы по категориям защитности, порядок определения расчетной лесосеки и возраста рубок леса, порядок заготовки древесины и способы рубок, порядок проведения лесоустройства.

В случае прекращения права пользования участками земель обороны прекращалось и право пользования расположенными на них лесами. Эти леса подлежали возврату в лесной фонд.

Государственный контроль за использованием, охраной, защитой и воспроизводством лесов, расположенных на землях Министерства обороны Российской Федерации, на которых были дислоцированы нережимные воинские части, учреждения, предприятия и организации Министерства обороны Российской Федерации (далее также – Минобороны России), осуществляли органы государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральный орган управления лесным хозяйством и специально уполномоченный государственный орган в области охраны окружающей природной среды в порядке, установленном Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. № 544 «Об утверждении Порядка осуществления Федеральной службой лесного хозяйства России и ее территориальными органами государственного контроля за состоянием, использованием, охраной, защитой лесного фонда и воспроизводством лесов» (утратило силу).

Государственный контроль за использованием, охраной, защитой и воспроизводством лесов, расположенных на территориях режимных военных и оборонных объектов, осуществлялся в порядке, установленном в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 января 1998 г. № 77 «Об утверждении Положения об осуществлении государственного контроля за использованием, охраной, защитой и воспроизводством лесов, расположенных на территориях режимных военных и оборонных объектов» (утратило силу).

Допуск и предписание на выполнение задания для должностного лица федерального органа управления лесным хозяйством оформлялись в соответствии с Инструкцией, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 28 октября 1995 г. № 1050 «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне», разрешение на посещение территории режимного военного или оборонного объекта выдавалось соответствующим органом исполнительной власти по вопросам обороны в зависимости от категории и подведомственности объекта.

Финансирование работ по ведению лесного хозяйства на землях Минобороны России и содержание органов лесного хозяйства Минобороны России осуществлялось в соответствии с законодательством за счет средств Минобороны России и средств, получаемых военными лесхозами (военными лесничествами) при взимании платежей за пользование лесом, расположенным на землях Минобороны России. Министерство обороны Российской Федерации представляло отчетность по ведению лесного хозяйства и лесопользованию в Минприроды России.

Для ведения лесного хозяйства, организации и осуществления пользования лесом в лесах, расположенных на землях Минобороны России, в Министерстве обороны Российской Федерации содержались органы лесного хозяйства, в состав которых входили отделы (группы) лесного хозяйства в центральных

органах военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации, а также учреждения лесного хозяйства (военные лесхозы и лесничества), руководство которыми осуществляло Главное квартирно-эксплуатационное управление Министерства обороны Российской Федерации.

После вступления в силу в 2007 г. ЛК РФ лесное хозяйство Минобороны России столкнулось с отсутствием нормативных правовых актов, регулирующих вопросы лесопользования на землях обороны. Что, безусловно, отрицательно отражается на системе управления в области ведения лесного хозяйства на землях обороны и безопасности.

Согласно ч. 1 ст. 6 ЛК РФ леса располагаются на землях лесного фонда и землях иных категорий. К иным категориям земель относятся, в частности земли обороны и безопасности, что подтверждается нормой ч. 3 ст. 23 ЛК РФ: «лесничества и лесопарки также располагаются на землях обороны и безопасности, на которых расположены леса».

В Лесном кодексе Российской Федерации и Земельном кодексе Российской Федерации (ЗК РФ) федеральная форма собственности установлена лишь на участки лесного фонда. В соответствии со ст. 8 ЛК РФ и ст. 101 ЗК РФ лесные участки в составе земель лесного фонда, т. е. лесные земли (земли, покрытые лесной растительностью и не покрытые ею, но предназначенные для ее восстановления, – вырубки, гари, редины, прогалины и др.) и предназначенные для ведения лесного хозяйства нелесные земли (просеки, дороги, болота и др.), находятся в федеральной собственности.

Формы собственности на лесные участки в составе земель иных категорий земель определяются согласно земельному законодательству: «использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляются в соответствии с целевым назначением земель, на которых эти леса располагаются» (ч. 2 ст. 6 ЛК РФ).

Целевое назначение земель обороны и безопасности раскрывается в п. 1 ст. 93 ЗК РФ. Это земли, которые используются или предназначены для обеспечения деятельности Вооруженных Сил Россий-

ской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, организаций, предприятий, учреждений, осуществляющих функции по вооруженной защите целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, защите и охране Государственной границы Российской Федерации, информационной безопасности, другим видам безопасности в закрытых административно-территориальных образованиях.

Право федеральной собственности на земельные участки, относящиеся к имуществу Вооруженных Сил Российской Федерации, установлено п. 10 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61 «Об обороне»: «земли и другие природные ресурсы, предоставленные для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, находятся в федеральной собственности».

Статьями 3, 5 Конституции Российской Федерации определено, что государство осуществляет свои специфические функции через соответствующие органы государственной власти.

В соответствии со ст. 1 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации (далее – Положение), утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Министерство обороны Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, а также иные установленные федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации функции в этой области. Пунктом 5 Положения определено, что Минобороны России осуществляет свою деятельность непосредственно и через органы управления военных округов, иные органы военного управления, территориальные органы.

Согласно п. 5 ст. 87 ЗК РФ порядок использования земель обороны, находящихся в федеральной собственности, определяется Правительством Российской Федерации.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 1053 «О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом» Минобороны России осуществляет функции по управлению федеральным имуществом, находящимся у Вооруженных Сил Российской Федерации на праве хозяйственного ведения или оперативного управления и земельными участками, находящимися на праве постоянного (бессрочного) пользования, без согласования с Федеральным агентством по управлению государственным имуществом (Росимущество).

Реализацию указанных полномочий по управлению имуществом Минобороны России осуществляет Департамент имущественных отношений Минобороны России в соответствии с Положением, утвержденным приказом министра обороны Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 110.

Основными полномочиями Департамента в области лесных отношений являются:

- реализация полномочий Минобороны России в области лесных отношений;
- организация мероприятий по лесоустройству, охране, защите и воспроизводству лесов, находящихся в ведении Минобороны России;
- осуществление мероприятий по организации и проведению аукционов по продаже права на заключение договора аренды лесных участков либо права на заключение договора купли-продажи лесных насаждений;
- осуществление мероприятий по проведению государственной экспертизы проектов освоения лесов;
- организация разработки планов тушения лесных пожаров;
- осуществление мероприятий по определению количества лесничеств и установлению их границ.

В 2015 г. исполнение полномочий в области лесных отношений было распределено между двумя подведомственными Департаменту имущественных отношений Министерства обороны Российской Федерации организациями: ФГАУ «Управление лесного хозяйства» (Оборонлес) и ФГКУ «Управление лесного хозяйства и природопользования

(ФГКУ УЛХиП), созданными на базе ФГКУ «Территориальное управление лесного хозяйства» [11]. ФГКУ УЛХиП предназначено для осуществления инспекционных проверок, контроля за противопожарной подготовкой, а также судебной защиты интересов Минобороны России. За Оборонлесом закреплены функции по охране, защите и воспроизводству лесов Минобороны России, заготовке пиломатериалов и дров в интересах войск, а также функции по развитию, благоустройству и лесоустройству лесничеств [11].

Минобороны России, в отличие от других федеральных органов государственной власти, где предусмотрено прохождение военной службы, обладает более широкими полномочиями по распоряжению имуществом, в том числе, земельными участками, находящимися у него в пользовании. Но в настоящее время отсутствует нормативная база, регулирующая особенности заключения договора аренды лесных участков земель обороны и безопасности либо заключения договора купли-продажи лесных насаждений. Ранее действовавшее Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2006 г. № 176, определяющее порядок передачи в аренду временно неиспользуемых земель обороны и безопасности в аренду, в новой редакции исключило передачу земель на праве аренды, оставив возможность передачи участков в безвозмездное пользование.

Особенности лесопользования, управления и охраны лесов на землях обороны и безопасности, возникающие в результате особого их правового статуса, существенны, и, к сожалению, не всегда находят должное регулирование в законодательстве.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (в ред. от 21.07.2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12124624/>.

3. Лесной кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12150845/>.

4. Об обороне [Электронный ресурс]: Федер. закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/135907/>.

5. Вопросы Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 16.08.2004 г. № 1082. URL: <http://base.garant.ru/187301/>.

6. Об утверждении Правил передачи отдельных земельных участков из земель, предоставленных для нужд обороны и безопасности, в безвозмездное пользование юридическим лицам и гражданам для сельскохозяйственного, охотхозяйственного, лесохозяйственного и иного использования [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 31.03.2006 г. № 176. URL: <http://base.garant.ru/12145992/>.

7. О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 29.12.2008 № 1053. URL: <http://base.garant.ru/12164514/>.

8. Об утверждении Положения о Департаменте имущественных отношений Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Министра обороны Рос. Федерации от 25.02.2014 г. №110. URL: <http://economy.mil.ru/economy/rent/docs.htm>.

9. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12074772@egNews

10. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12076830@egNews&_print=true.

11. URL: <http://oboronles.ru/news/39/>.

Сведения об авторе

Феоктистова Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: feoktistovaou@mail.ru

Problems. Opinions. Decisions

LEGAL REGULATION OF FOREST LAND OF THE MINISTRY OF DEFENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ol'ga Yu. FEOKTISTOVA

Abstract. The article discusses legal concerns of the use and protection of the forests situated on the lands of defense and security – namely on the lands provided to the Ministry of Defense – in modern conditions and outlines possible solutions.

Keywords: woods; forest areas; forest fund; lands of defense and security

Information about the author

Feoktistova Ol'ga Yur'evna, Cand. Sc. (Law), Associate Professor of Department of Labor Law, Civil and Arbitration Process of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

3/4 Volochaevskaya str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: feoktistovaou@mail.ru

УДК 349.414

ОСНОВАНИЯ НАДЕЛЕНИЯ КОМАНДИРА ВОИНСКОЙ ЧАСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СТАТУСОМ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ

И.Г. САЗОНОВА,
преподаватель кафедры уголовного процесса
E-mail: i.g.sazonova@mail.ru
Военный университет, Москва

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с необходимостью осуществления командиром воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации уголовно-процессуальной деятельности, определяются основания надделения его статусом органа дознания.

Ключевые слова: командир воинской части; орган дознания; уголовно-процессуальная деятельность; органы военной полиции; правопорядок

Основным предназначением Вооруженных Сил Российской Федерации является отражение агрессии, направленной против Российской Федерации, вооруженная защита целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, а также выполнение задач в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами и международными договорами Российской Федерации [2].

Важнейшая роль в реализации указанных функций принадлежит командиру воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – командир воинской части), который в мирное и военное время как единоначальник отвечает:

- за постоянную боевую и мобилизационную готовность вверенной ему воинской части (подразделения);
- за успешное выполнение боевых задач;
- за боевую подготовку, воспитание, воинскую дисциплину, морально-психологическое состояние подчиненного личного состава и безопасность военной службы;
- за внутренний порядок, состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого военного имущества;

– за материальное, техническое, финансовое, бытовое обеспечение и медицинское обслуживание [4].

В целях успешного выполнения командиром воинской части своих непосредственных обязанностей, а также постоянного поддержания воинской дисциплины и правопорядка во вверенных ему подразделениях он, в соответствии со ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [1], наделен полномочиями органа дознания.

К военным органам дознания, помимо командиров воинских частей, относятся командиры соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов, начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации.

Несмотря на то что осуществление уголовно-процессуальных полномочий не относится к основным видам деятельности командира воинской части, его работа как органа дознания имеет большое значение в деле поддержания и укрепления законности и правопорядка в подчиненных ему подразделениях.

Однако в военно-юридической науке отсутствует единство взглядов относительно целесообразности осуществления командиром воинской части полномочий органа дознания. Некоторые ученые утверждают, что командир воинской части, осуществляя уголовное преследование, выполняет несвойственные ему функции и подобное «отвлечение», особенно в условиях выполнения боевых и учебно-боевых задач, недопустимо. Таким образом, существует явное несоответствие интересов уголовного преследования, целью которого является полное и качественное расследова-

ние преступлений, и интересов военной службы, направленной на эффективное выполнение задач, стоящих перед подразделением, воинской частью [15; 6; 12; 17; 18; 13; 7].

Вместе с тем, в юридической науке имеются и противоположные взгляды по рассматриваемому вопросу. В советский период о важности роли военного командования в уголовном судопроизводстве говорили такие ученые, как А.С. Кобликов, В.А. Иванов, В.М. Никифоров и др. [9; 8; 11]. Следует отметить, что в период действия УПК РСФСР 1960 г. о целесообразности исключения командира воинской части из числа участников уголовного судопроизводства, а тем более о лишении его уголовно-процессуальных полномочий в юридической литературе не говорилось. Наоборот, высказывались предложения о расширении полномочий командира воинской части в уголовном судопроизводстве.

В настоящее время о необходимости существования органа дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации в лице командира воинской части говорят А.Н. Соколов, Г.И. Вишня, выделяя следующие особенности осуществления уголовно-процессуальной деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации при выполнении войсками задач в районах вооруженного конфликта:

– войскам в условиях вооруженного конфликта нередко противостоит часть местного населения с его диверсионной и провокационной деятельностью, что создает опасность неадекватного применения силы в ответ на эти действия и требует незамедлительного реагирования в целях их предотвращения;

– военнослужащие в районах вооруженного конфликта имеют многократно возросшие по сравнению с деятельностью в местах постоянной дислокации возможности для использования оружия, в том числе незаконного его применения, как для действий против местного населения, так и при внутренних конфликтах в воинских коллективах;

– следует учитывать и резко возросшие эмоционально-психологические нагрузки на личный состав при наличии свободного доступа к оружию [15].

Т.Г. Николаева вообще считает необходимым расширить полномочия командиров воинских частей в сфере уголов-

но-процессуальной деятельности. По ее мнению, сужение полномочий командиров представляется неоправданным, так как не совсем ясна логика законодателя, который разрешил командиру (военному дознавателю) возбуждать уголовные дела и производить неотложные следственные действия в течение 10 суток по уголовным делам, представляющим определенную сложность в раскрытии и расследовании, но при этом отказал дознавателю в праве заканчивать уголовное дело обвинительным актом по истечении последующих 10 суток при условии очевидности как самого преступления, так и лица, его совершившего. Военные дознаватели вполне могут производить расследование некоторых составов преступлений, которое предусмотрено законодателем в форме дознания; например, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 1 ст. 264 УК РФ), небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК РФ) и другие» [10, с.181].

И все же преобладающей является точка зрения о лишении командира воинской части статуса органа дознания и, как следствие, уголовно-процессуальных полномочий. Вероятно, данное мнение объясняется тем, что в период проведения военной реформы в Российской Федерации обсуждалась необходимость создания независимого от военного командования органа, основным предназначением которого должно стать обеспечение правопорядка, дисциплины и законности в войсках. Предполагалось, что таким органом будет военная полиция, занимающаяся производством дознания и осуществлением неотложных следственных действий.

Так, А.Н. Перенджиев утверждает, что создание военной полиции в России направлено на совершенствование системы права и механизмов ее реализации в военной сфере. Впервые внутри военного ведомства сформирован институт обеспечения правопорядка и воинской дисциплины на всех территориях, где находятся военнослужащие, как вне воинских частей, так и внутри их. Теперь командир части не является органом дознания, что способствует, во-первых, более объективному проведению административных разбирательств и расследований по уголовным делам, во-вто-

рых, вскрытию действительных причин и условий, способствующих совершению дисциплинарных проступков и уголовных преступлений внутри воинских, а в особенности офицерских, коллективов. В-третьих, в лице сотрудников военной полиции командир части получает ответственных помощников в работе по укреплению правопорядка и воинской дисциплины, проведению на должном уровне правовой работы среди военнослужащих.

В то же время командиры и начальники, освободившись от «писания бумажек» – проведения расследований и дознаний, которые отнимали у них огромное количество служебного времени, теперь могут повысить качество проведения информационно-психологической и воспитательной работы [13].

В настоящее время военная полиция успешно функционирует [3], однако уголовно-процессуальную деятельность осуществляет в ограниченных пределах. А командир воинской части в соответствии с нормами действующего УПК РФ как был органом дознания, так им и остался, несмотря на то, что появился новый правоохранительный орган в лице военной полиции и его начальники приобрели статус органа дознания.

Однако говорить о вспомогательном характере роли командира воинской части в уголовном судопроизводстве было бы неправомерным, даже принимая во внимание функционирование военной полиции, а также то обстоятельство, что предварительное следствие и дознание в Вооруженных Силах Российской Федерации выполняют следователи военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации (далее – Следственный комитет). Как и ранее, потребность в осуществлении командиром воинской части уголовно-процессуальной деятельности весьма значительна. Не случайно законодатель наделяет его статусом органа дознания.

Основания наделения командира воинской части полномочиями органа дознания связаны, в первую очередь, со спецификой как военной службы, являющейся особым видом федеральной государственной службы, так и правового статуса военнослужащего.

Командирами воинских частей является значительная часть престу-

плений, совершенных офицерами, прапорщиками, сержантами и рядовыми, проходящими военную службу как по призыву, так и по контракту, в связи с чем возбуждается и немалое количество уголовных дел.

С учетом особенностей военной службы, по некоторым объективным причинам, ни следователь Следственного комитета, ни дознаватель военной полиции не могут своевременно инициировать уголовно-процессуальную деятельность. Во многих случаях только командир воинской части имеет возможность быстрого реагирования на факты совершения преступлений во вверенных ему подразделениях.

Для примера представим ситуацию, когда общественно опасное деяние совершается в воинской части, дислоцированной в отдаленной от расположения органов военной полиции и военных следственных органов местности. В этих условиях велика вероятность образования значительного временного разрыва с момента установления преступного события и до прибытия следователей, что может негативным образом отразиться на ходе расследования уголовного дела. Не исключено, например, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, успеет скрыться от следствия.

Также вполне возможны случаи, при которых, в силу погодного или человеческого фактора, следы преступления и другие доказательства могут быть безвозвратно утрачены.

При указанных обстоятельствах выполнение командиром воинской части полномочий органа дознания является единственно возможным вариантом разрешения сложившейся ситуации.

Обладая полномочиями органа дознания, командир воинской части может без промедления предпринять все возможные меры для сохранения обстановки преступления и в случае необходимости произвести определенные процессуальные действия, вплоть до задержания подозреваемого и применения к нему меры процессуального принуждения. А в ситуациях, требующих неотложного вмешательства, лишь командир воинской части при необходимости способен быстро пресечь противоправные действия и документально зафиксировать все следы, образовав-

шиеся в результате совершения преступления.

В обязанности командира воинской части входит производство служебных разбирательств по всем правонарушениям, совершенным подчиненными военнослужащими, а также разбирательства по факту получения ими травм. Несмотря на то что данный вид деятельности находится за рамками уголовного процесса, в ходе его осуществления возможно установление признаков преступления. Обладая статусом органа дознания, командир воинской части имеет возможность своевременного реагирования на факты совершения преступления, а также пресечения преступной деятельности. Все это свидетельствует о важной роли военного командования в уголовном судопроизводстве.

В связи с формированием и становлением органов военной полиции вопрос о целесообразности осуществления уголовно-процессуальной деятельности командиром воинской части стоит особенно остро. Органы военной полиции являются территориальными органами и дислоцируются, как правило, в непосредственной близости от мест дислокации воинских частей, которые имеют наибольшую численность [5]. Командир воинской части имеет больше возможностей, по сравнению с начальником органа военной полиции, оперативно отреагировать на факт совершения преступления, в случае необходимости принять соответствующие меры и инициировать уголовное судопроизводство.

В настоящее время возрастает значение фактора мобильности Вооруженных Сил Российской Федерации. По приказу командования соединения, воинские части и подразделения могут перемещаться на значительные расстояния в кратковременные сроки. В данных обстоятельствах появляется потребность в органе, обладающем уголовно-процессуальными полномочиями и при этом неотрывно находящемся при воинской части. Следователи военных следственных органов Следственного комитета, осуществляющие предварительное следствие и дознание, и органы военной полиции, наделенные правом возбуждения уголовных дел и производства неотложных следственных действий, не могут постоянно находиться в расположении

воинской части. Единственным должностным лицом, обладающим статусом органа дознания и неотрывно находящимся при воинской части, является ее командир.

Особую актуальность названные обстоятельства приобретают для воинских частей постоянной боевой готовности, которые обязаны действовать самостоятельно, в отрыве от пунктов постоянной дислокации.

Если настаивать на том, что командир воинской части следует лишиться статуса органа дознания, то возникает обоснованный вопрос: зачем наделяются уголовно-процессуальными полномочиями такие субъекты, как капитаны морских и речных судов, находящиеся в дальнем плавании, руководители геологоразведочных партий и зимовок, начальники арктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, главы дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территорий данных представительств?

В целом основания наделяния командира воинской части статусом органа дознания можно классифицировать на юридические, фактические и иные.

Юридические основания:

– командир воинской части является должностным лицом, назначенным на должность в установленном законом порядке;

– полномочиями на осуществление уголовно-процессуальной деятельности командир воинской части наделяется уголовно-процессуальным законодательством;

– уголовно-процессуальную деятельность командир воинской части осуществляет как орган дознания в качестве лица, возглавляющего деятельность органа дознания;

– процессуальное положение командира воинской части как органа дознания полностью соответствует признакам органа дознания.

Фактические основания:

– осуществление командиром воинской части полномочий органа дознания связано как со спецификой военной службы, так и с правовым статусом военнослужащего;

– осуществление командиром воинской части полномочий органа дознания способствует более эффективному исполнению им своих основных обязанностей по обеспечению боеготовности;

– необходимость постоянного поддержания законности, правопорядка и воинской дисциплины и правопорядка во вверенных подразделениях;

– возможность своевременного и быстрого реагирования на факт совершения преступления и способность пресечь преступную деятельность;

– вероятность дислокации воинской части в отдаленных от расположения военных следственных органов и органов военной полиции местностях;

– невозможность своевременного прибытия должностных лиц военных следственных органов и органов военной полиции в силу определенных обстоятельств к месту совершения преступления;

– возможность своевременного принятия мер командиром воинской части к сохранению обстановки и фиксации следов преступления;

– вероятность обнаружения признаков состава преступления в ходе проводимых командиром воинской части административных расследований и разбирательств по фактам получения травм военнослужащими;

– мобильность Вооруженных Сил Российской Федерации;

– наличие у Вооруженных Сил Российской Федерации признака экстерриториальности.

Иные основания наделения командира воинской части статусом органа дознания связаны с тем фактом, что осуществление им полномочий органа дознания в пределах, установленных уголовно-процессуальным законодательством, не противоречит предназначению Вооруженных Сил Российской Федерации.

В качестве вывода необходимо подчеркнуть, что в современных условиях, с учетом изменения характера военных опасностей и угроз Российской Федерации¹, статус органа дознания является необходимой составляющей должност-

ного положения командира воинской части.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/5430768/>.

2. Об обороне [Электронный ресурс]: Федер. закон от 31.05.1996 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/135907/>.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 03.02.2014 г. № 7-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102171041>.

4. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации, Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации) [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 10.11.2011 г. № 1495 (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/192196/>.

5. Об утверждении Устава военной полиции и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 25.03.2015 г. № 161. URL: <http://base.garant.ru/70917300/>.

6. Глухов Е.А. Право на труд или обязанность трудиться? // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 5. С. 47.

7. Зорин О.Л., Бакович М.Н. Некоторые проблемные вопросы в сфере правового регулирования производства дознания, проведения разбирательства и административного расследования в военных организациях // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 10. С. 4.

8. Иванов В.А. Дознание в советском уголовном процессе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 37с.

9. Кобликов А.С. Осуществление правосудия военными трибуналами СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. С. 293.

¹ Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Президентом Рос. Федерации 25.12.2014 г. № Пр-2976. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

10. Николаева Т.Г. Правовое регулирование деятельности органов дознания: теоретические основы и правоприменительная практика: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 181.

11. Никифоров В.М. Дознание в Вооруженных Силах СССР и его особенности. М.: Воен.-юрид. акад., 1950.

12. Осадчук И.О. Проблемы проведения дознания на кораблях Военно-Морского Флота, находящихся в походе // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 3. С. 48.

13. Перенджиев А.Н. Военные полицейские разгрузят командиров [Электронный ресурс] // Политическое образование: информ.-аналитический журн. 2014. 18 февр. URL: [http:// www.lawinrussia.ru](http://www.lawinrussia.ru).

14. Советский уголовный процесс: учеб. пособие / под ред. А.С. Кобликова. М.: Воен. ин-т, 1989. 402 с.

15. Соколов А.Н., Вишня Г.И. Проблемы компетенции военных органов дознания по УПК РФ в условиях вооруженного конфликта (в боевой обстановке) // Новое уголовно-процессуальное законодательство РФ: проблемы теории и практики. Калининград, 2003. С. 123–129.

16. Соловьев И.М. Организация дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

17. Фролкин Н.П., Шульгин И.В. Об эффективности функционирования военных органов дознания и мерах по оптимизации их организационной и правоприменительной деятельности // Право в Вооруженных Силах. 2006. № 6. С. 79.

18. Харитонов С.С. Совершенствование правового регулирования дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации как одно из направлений обеспечения военного строительства // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. 2011. № 1. С. 50.

Сведения об авторе

Сазонова Ирина Геннадьевна, преподаватель кафедры уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: i.g.sazonova@mail.ru

Problems. Opinions. Decisions

BASIS FOR THE EMPOWERMENT OF THE RUSSIAN MILITARY UNIT COMMANDER WITH THE PRELIMINARY INVESTIGATIVE AUTHORITY

Irina G. SAZONOVA

Abstract. The article discusses the reasons behind the necessity for the commander of the military unit of the Armed Forces of the Russian Federation to carry out criminal proceeding. It determines the grounds to empower the commander with the preliminary investigative authority.

Keywords: commander of the military unit; preliminary investigative authority; criminal procedure; military police; law and order

Information about the author

Sazonova Irina Gennad'evna, Lecturer of Department of Criminal Proceeding of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: i.g.sazonova@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЛОКАЛЬНЫХ И ЧАСТНЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. И. РУДИЧЕВА,
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры военной администрации,
административного и финансового права
E-mail: Natalie-Rudicheva@ya.ru
Военный университет, Москва

Аннотация. В статье предпринята попытка правового анализа эмиссии локальных и частных платежных средств. Показано, что надзорные органы, иницирующие иски в суд в целях запрета частных знаков платежа, используют в качестве аргумента экономические функции денег, которые не имеют нормативного закрепления.

Ключевые слова: платежное средство; денежный суррогат; валютная политика Банка России

В настоящее время военнослужащие могут попробовать себя в роли инвесторов на финансовом рынке. Обычно мы говорим о приобретении ценных бумаг в количестве, позволяющем сформировать инвестиционный портфель и таким образом подстраховаться от потерь, которые связаны с высокой волатильностью рубля¹. Но существуют и иные возможности. Можно сформировать валютный портфель, включив в него официальные денежные знаки иностранных государств, криптовалюту²

¹ *Волатильность* (англ. volatility – изменчивость) – одно из основных понятий современной экономики. Волатильность рубля – это усредненное значение колебания цены валютной пары (например, рубль/доллар или рубль/евро) в заданный отрезок времени. Высокая волатильность характеризуется большими колебаниями валюты и отсутствием стабильности на рынке. Подробнее см.: URL: <http://biznesklubonline.com/stati/489-что-такое-valatnost-kursa-rublya/>.

² *Криптовалюта* – цифровой код, обладающий условной рыночной стоимостью и используемый для он-лайн расчетов. От электронных денег платежных систем криптовалюту отличает пиринговая (P2P) структура. На практике это означает отсутствие единого эмиссионного центра (центрального или государственного банка) и внешнего контроля. Каждый пользователь хранит у себя зашифрованную информацию обо всех кошельках. Генерируется крипто-

или территориальные денежные знаки, имеющие хождение в странах Евросоюза и в России. Наша задача – проанализировать законодательство на предмет законности операций с нефинансовыми деньгами³, выявить правовые последствия, которые могут возникнуть у неопытного инвестора вследствие их приобретения.

Можно ли говорить, что на финансовом рынке существует конкуренция частных и публичных интересов? В частности, что интерес отдельного инвестора противоречит национальному интересу, заданному в формулировке закона «О Банке России»? Напомним, что одним из ключевых элементов выражения национального интереса является стабильность рубля.

Текущая валютная политика Банка России, «привязка» к доллару, напротив, способствует ее высокой волатильности на фоне недостаточной обеспеченности хозяйствующих субъектов платежными средствами. В настоящее время в ряде регионов, как в 1990-е гг., возникла проблема расчета с контрагентами, в особенности с работниками по трудовому договору. Учитывая неблагоприятный прогноз ведущих западных финансистов в отношении платежеспособности доллара, фунта, а также широкое распространение в мире альтернативных нефинансовых денег, россий-

валюта за счет использования вычислительных мощностей, так называемого майнинга, максимальный объем криптовалюты ограничен алгоритмом. Первая и самая популярная криптовалюта – Bitcoin (2009), на ее основе было создано множество аналогов (Litecoin, Solidcoin, IXCoin) (URL: <http://elmoney.net/info/kriptovalyuta/>).

³ *Частные деньги* (англ. private currency) – деньги, эмитируемые и используемые в обращении частными субъектами. Существуют «на доверии» участники оборота, а не на законе (декрете). Поэтому иначе их называют недекретированными деньгами. – *Прим. авт.*

ские хозяйствующие субъекты увлеклись выпуском суррогатных платежных средств как в наличной, так и в безналичной форме.

В открытой печати обычно представлены мнения специалистов, использующих доводы различных экономических теорий, начиная от К. Маркса и заканчивая «архитектором евро» Б. Лиетаром. Правовой анализ происходящего «остаётся за кадром». Как и вопрос о том, в какой степени выпуск локальных платежных средств влияет на волатильность рубля и, следовательно, затрагивает вопрос финансовой безопасности?

Мы не планируем в настоящей статье рассмотреть все вопросы, связанные с правовым содержанием и функциями нефинансовых денег. Но надеемся, что она вызовет интерес читателей. Тогда эту тему можно продолжить, в частности, на предмет сравнения электронных денежных средств, предусмотренных законодательством о национальной платежной системе, и криптовалюты, которую в печати часто отождествляют с электронными деньгами.

Отличие современных продуктов частной и региональной эмиссии от квазивалют 1990-х гг. – новые технические приемы распространения суррогатов, включая средства электронной связи и защиты, фактическое функционирование электронных бирж, торгующих электронными денежными средствами и криптовалютами, специфика мотивации эмитентов, включающая теоретизирование в духе Freigeld С. Гезелля [1], исламского банкинга, основанного на шариатских нормах, и гражданского альтруизма. Подтверждение этому – многочисленные публикации в прессе о выпуске денежных знаков частными эмитентами, о приобретении должностными лицами нефинансовых денег и криптовалюты, об отношении макрорегулятора к криптовалютам и фактическое функционирование электронных бирж, торгующих электронными денежными средствами и криптовалютами. Кроме того, в последние годы принимаются новые федеральные законы, конкретизирующие монетарную политику России в отношении отдельных правообладателей, признающие элементами денежной системы страны новые финансовые продукты.

Так, согласно «Коммерсант.ру», «платежная система Qiwi обещает в 2016 г. начать эмиссию битрублей на основе технологии, по которой создавались биткоины – самая популярная криптовалюта. Сейчас во всем мире объем вращающихся цифровых денег достигает \$3,8 млрд. Но против оборота таких платежных единиц выступают российские чиновники. Причина этих опасений – возможное использование виртуальных денег при финансировании терроризма и отмывании доходов» [3].

Председатель Центрального банка Российской Федерации Э.С. Набиуллина на Форуме инновационных финансовых технологий в Казани, проходившем 17–18 сентября 2015 г., заявила: «Мы не запрещаем криптовалюты, мы их изучаем», отметив, что «денежные суррогаты в Российской Федерации все же под запретом». По ее словам, «коллеги из ЦБ подготовили обзор ситуации с отношением властей к криптовалютам по всему миру. Где-то их запрещают использовать только юрлицам, а физлицам разрешают, где-то по операциям с ними взимают налоги и т. д., то есть мирового стандарта нет». При этом, по ее словам, «нельзя просто так взять и отмахнуться от этого явления». Но есть и риски, напомнила глава Банка России: «это возможность использования криптовалют для проведения сомнительных операций и отсутствие защиты от потери стоимости криптовалют» [7].

Заметим, что отказ от запрета криптовалют декларирован после официального сообщения ФАТФ⁴ летом текущего года о правомерности выпуска биткоина. Однако Э.С. Набиуллина никак не разграничила понятия «криптовалюта» и «денежный суррогат».

Более последовательной позиции придерживается Росфинмониторинг. В Информационном сообщении от 6 февраля 2014 г. «Об использовании криптовалют»⁵, в частности, указывается, что «процесс выпуска и обращения наиболее распро-

⁴ Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF) – межправительственная организация, которая занимается выработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, а также осуществляет оценки соответствия систем национального права в различных странах этим стандартам. – *Прим. авт.*

⁵ URL: <http://www.fedsfm.ru/news/957>.

страненных криптовалют полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства. Еще одной ключевой особенностью использования криптовалют является анонимность пользователей таких криптовалют. Также криптовалюта не требует ведения специальной отчетной документации.

Вышеуказанные обстоятельства, и в первую очередь анонимность платежа, обусловили активное использование криптовалют в торговле наркотиками, оружием, поддельными документами и иной преступной деятельности. Данные факты, а также возможность бесконтрольного трансграничного перевода денежных средств и их последующего обналичивания, служат предпосылками высокого риска потенциального вовлечения криптовалют в схемы, направленные на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма».

Однако позиция Росфинмониторинга не ограничивается выражением публичного интереса. Далее в тексте «Сообщения» следует такой пассаж: «необходимо отметить, что отсутствие в системах криптовалют контролирующего центра влечет невозможность обжалования или отмены несанкционированной транзакции, а фактическое нахождение криптовалют вне правового поля не предоставляет возможность реализации правовых механизмов обеспечения исполнения обязательств сторонами сделки. К примеру, если оплата произведена, но услуга или товар не получены, то нет гарантий возврата такого платежа. При этом криптовалюты в силу децентрализации не имеют субъекта, обеспечивающего их условную платежеспособность». Тут Росфинмониторинг выражает уже не публичный интерес государства, а заботу об участниках хозяйственных операций, лишенных судебной защиты.

Позволим себе привести следующий довод против криптовалюты. В России, согласно постановлению Госстандарта России от 25 декабря 2000 г. № 405-ст, принят Общероссийский классификатор валют (ОКВ)⁶. В этом документе представлены все виды валют иностранных госу-

дарств и коллективные валюты. Криптовалюта там не значится. Логично было бы предположить, что суррогат – это валюта, не имеющая официального номера в акте Ростехрегулирования. Однако ссылки на этот акт органами государственной власти никогда не делаются, если речь идет о частных эмиссиях.

В Интернете достаточно ссылок на ресурсы, осуществляющие обмен и торговлю титульными знаками. Так, Vmex.info – virtual money exchange проводит обмен электронными деньгами (титульными знаками) на основании договора (правила сервиса), в соответствии с которым электронные единицы приобретаются и отчуждаются как товар за денежный эквивалент. Подобного рода практика имеется в США и некоторых других странах. Претензии и разрешение споров принимаются сервисом в электронном виде и разрешаются самостоятельно без суда. Часть держателей титульных знаков – банки и иные операторы платежной системы: Альфа-Банк, Банк «Русский Стандарт», Сбербанк, ВТБ24, другие – интернет-ресурсы: QIWI, PayPal, Яндекс Деньги, а также участники международных платежных систем: Visa, MasterCard и пр. Таким образом, банки осознанно идут на риски, связанные с невозможностью обжалования и отмены транзакции, а также высокой волатильностью криптовалют.

Несмотря на многочисленные заявления официальных лиц, исследований, устанавливающих связь эмиссии договорных платежных средств с реальной покупательной способностью рубля, нет. Не публикуются и оценки эмиссии недекретированных средств платежа по отношению к суммарной эмиссии рубля. Оценка нефтяного рынка показывает, что основная причина падения покупательной способности рубля – не выпуск нефтяных денег, а цена барреля нефти. С учетом особенностей российской экономики в ближайшей перспективе эта тенденция сохранится.

В то же время возникает вопрос: когда участники товарного оборота начинают интересоваться альтернативными средствами платежа? Когда утрачивается доверие к законной денежной системе и институтам, обеспечивающим ее функционирование. В этом смысле показателен опыт 1990-х гг. Журналист газеты «Деловой Петербург» Е. Гладкова представила

⁶ Действующая редакция № 35. Утверждено приказом Росстандарта от 22.10.2014 г. № 1390-ст, действует с 01.01.2015 г.

информационные материалы, касающиеся эмиссии и обращения денежных суррогатов в указанный период в различных регионах страны [2]. Так, «одними из первых в истории современной России запустили суррогатные деньги власти Татарстана. В 1992 г. в республике появились татарстанские жетоны, а перестали ими расплачиваться только в 2001 году. Хлебные жетоны раздавали малоимущим: за одну монету можно было купить буханку хлеба. Их без проблем принимали в магазинах и столовых. Коммунальный и бензиновый жетоны равнялись цене 20 л бензина. Выдавались монеты органами социальной защиты малоимущим гражданам, а принимали их в расчетных центрах для оплаты квартплаты и на автозаправках». Прокуратура Татарстана вопросом эмиссии жетонов не интересовалась, поскольку эмитентом выступили непосредственно органы исполнительной власти республики.

«В 1992 году администрация Нижегородской области выпустила деньги под названием “немцовки” – по фамилии тогдашнего губернатора Бориса Немцова. Из оборота они вышли очень быстро – в течение весны 1992 года».

«В 90-е годы в Новосибирской области вышла собственная валюта. Ее выпускали на свинокомбинате, за что местные жители сразу же начали называть эти деньги “свинобаксами”. Однако менее чем за год эта валюта исчезла из обращения». Органы надзора интереса к обращению «свинобаксов» не проявляли.

«В 90-х администрация Волгограда также заказала печать собственных денег у совместного российско-итальянского предприятия “Италсовмонт”. Когда же банкноты привезли в Волгоград, помимо портретов русских царей Ивана III и Петра I, на них обнаружили надписи на итальянском языке. Волгоградские власти не стали расстраиваться и окрестили новые денежные знаки “лирами”. Волгоградские лиры имели хождение в регионе до 1995 года».

«Одна из самых “прогремевших” и самых бесполезных валют 90-х. Сам премьер-министр России Егор Гайдар в 1991 году одобрил выпуск отдельных денежных знаков Уральской Республики. Местная валюта была названа уральским франком по аналогии с швейцарским – одной из самых надежных мировых валют. Выпустить валюту смогли, а вот ввести деньги

в обращение так и не решились. В 1997-м директор Серовского металлургического завода в Свердловской области сумел заполучить миллион франковых купюр с номиналами от 1 до 20 франков».

В начале 2000-х гг. интерес к «квазивалюте» пошел на спад, однако, начиная с 2009 г. периодически появляется информация о новых эмиссиях [4]. Так, в 2013 г. Верховный суд Башкирии разрешил жителям деревни Шаймуратово расплачиваться «шаймуратиками». Так называются местные деньги, а точнее товарные талоны. На них до сих пор можно купить продукты, причем не только в Шаймуратово. «Шаймуратики» начал выпускать местный бизнесмен А. Нурғалиев [5], владеющий сельскохозяйственным предприятием в деревне. Он решил издавать свою валюту (в форме талонов), когда его предприятие столкнулось с серьезными финансовыми проблемами. Для того чтобы расплатиться со своими работниками, А. Нурғалиев проконсультировался со специалистами-экономистами и, руководствуясь их советом воспользоваться свободными деньгами (Freigeld)⁷, начал выдавать работникам зарплату в талонах «с демереджем». Эффект от новой экономической модели в Шаймуратово почувствовали сразу. Внедрение своей внутренней валюты не только позволило сельхозпредприятию выжить, но и запустило всю деревенскую экономику. Товарооборот Шаймуратово вырос сразу в 12 раз. Отзывы в печати восторженные. В районе талоны охотно берут в оплату услуг таксисты и иные участники хозяйственного процесса.

Районная прокуратура, после неоднократных требований изъять суррогаты из обращения, в 2011 г. подала заявление в суд. Процесс длился два года. В конечном итоге Верховный суд республики сохранил обращение талонов, не признав их денежными суррогатами. Основание для отказа в удовлетворении исковых требований прокуратуры – отсутствие экономической функции накопления у «шаймуратиков».

Кроме того, в местной печати появились сообщения о начале эмиссии подобных платежных инструментов по способу криптовалюты. По аналогии с биткоином

⁷ *Свободные деньги* (нем. Freigeld) – понятие, введенное немецким экономистом Сильвио Гезеллем для того, чтобы обозначить деньги, используемые только как инструмент обмена (мера стоимости и средство обмена) и при этом «свободные от процентов».

ее назвали «тюркоин». Планируется обращение «тюркоина» в тюркоговорящих республиках России, а также в Узбекистане, Казахстане и иных тюркских странах⁸.

2 июля 2015 г. на сайте Егорьевской городской прокуратуры Московской области появилась информация о проведении проверки по факту выпуска местным фермером М. Шляпниковым документов, удостоверяющих денежные обязательства, – так называемых колионов⁹. Выяснилось, что в 2014 г. М. Шляпников напечатал в типографии 20 000 аналогов денег, которым дал название «колионы» по названию своей деревни Колионово, что в Егорьевском муниципальном районе Московской области. Банкноты номиналом 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 «колионов» предполагалось использовать для расчетов при совершении покупок. Давая пояснение надзорному органу, М. Шляпников заявил, что изготовил собственный эквивалент денег для улучшения качества жизни в своей деревне, строительства общественной бани, восстановления земской больницы и других полезных дел. По его словам, один «колион» эквивалентен 50 российским рублям и является его личной долговой распиской как физического лица. Покупка с использованием «колионов» происходит следующим образом: человек обращается к М. Шляпникову для приобретения какого-либо товара с отложенным сроком, поскольку на момент совершения сделки он ему не нужен. Покупателю предлагаются «колионы» как долговая расписка за выполненные работы или в дар, а впоследствии он может обменять денежный эквивалент на продукцию с личного подсобного хозяйства эмитента по ранее оговоренной цене. Возврат рублей за переданные «колионы» не производится, о чем клиент предупреждается заранее перед покупкой товара. В течение 2014 г. «колионы» приобрели популярность как в самом селе Колионово, так и в его окрестностях, поскольку М. Шляпников исправно исполнял взятые на себя обязательства, в частности поставлял гусей и картофель с собственного подворья на новогодний стол односельчан. Жалоб от держателей «колионов»

в органы государственной власти не поступало.

Согласно выводам прокуратуры «колионы» выполняют экономические функции, необходимые и достаточные для их оборота (соизмерения стоимостей, накопления, платежа). «Колионы», так же как и деньги, использовались М. Шляпниковым для расчетов.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» официальной денежной единицей (валютой) России является рубль. Введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещается. На основании этого заключения Егорьевская городская прокуратура обратилась в суд с иском о признании использования денежных суррогатов в качестве средств обращения и расчетов при совершении сделок и оказании услуг незаконным и запрете их изготовления и оборота.

Решением Егорьевского городского суда от 1 июля 2015 г. иски были удовлетворены в полном объеме.

В рассматриваемом примере удивляет, во-первых, мотивация прокуратуры, ориентирующаяся не на норму права как таковую, чтобы соблюсти законность, а на «экономические функции денег», являющиеся с точки зрения современной американской экономической науки характеристикой отличия денег от других видов активов¹⁰. Так, согласно Н. Грегори Мэнкью, деньги выполняют три функции в совокупности: средства обращения, меры стоимости и средства накопления [6]. Отметим, что нормативного закрепления этот пассаж в российском праве не имеет. Однако и прокуратура, и суды используют экономические функции для отнесения локальных платежных средств к денежным суррогатам, нарушая тем самым принцип законности.

⁸ Система представлена Turkic Reserve System и доступна по адресу: <http://turkicreservesystem.org>.

⁹ URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-805732/>.

¹⁰ Активы – это ресурсы, контролируемые компанией в результате прошлых событий, от которых компания ожидает экономической выгоды в будущем (данная трактовка содержится в принципах International Financial Reporting Standards). Иначе – совокупность имущества или имущественных прав, принадлежащего правообладателю.

В российской экономической литературе обычно рассматриваются 5–6 функций денег.

Так, согласно <http://www.grandars.ru>¹¹, сущность денег раскрывается в пяти функциях¹²:

- 1) мера стоимости;
- 2) средство обращения;
- 3) средство сбережения и накопления;
- 4) средство распределения;
- 5) мировые деньги.

Связь отдельных функций, выполняемых материальными активами в экономике, и отнесение их к денежным знакам, а тем более к денежным единицам российские экономисты не устанавливают.

Тем не менее, на основании вышеприведенного софизма прокуратура делает вывод, что колионы М. Шляпникова – деньги, не являющиеся официальной денежной единицей, т. е. валютой России.

Между тем заметим, что М. Шляпников действовал в соответствии со ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) «Понятие обязательства», согласно которой «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности». Таким образом, бумаги, изготовленные М. Шляпниковым, признаками валюты в смысле ст. 27 Закона «О Банке России», на которую ссылается прокуратура, не обладают. Исковое заявление в суд по данным основаниям должно было быть отклонено.

Однако вопросы о правомерности массовой эмиссии «колионов» остаются.

Согласно п. 1 ст. 142 ГК РФ «ценными бумагами являются документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (документарные ценные бумаги)».

Бумаги, выпущенные М. Шляпниковым, содержат одностороннее обязательство платежеспособного физического лица. Согласно ст. 143 ГК РФ они по содержанию удовлетворяют требованиям документарной предъявительской ценной бумаги. По форме должны удовлетворять требованиям закона или установленного им порядка. Закона, который регламентировал бы выпуск таких инструментов, нет. Однако согласно п. 2 ст. 143.1 ГК РФ «при отсутствии в документе обязательных реквизитов документарной ценной бумаги, несоответствии его установленной форме и другим требованиям документ не является ценной бумагой, но сохраняет значение письменного доказательства». Следовательно, заявление М. Шляпникова о том, что «колион» – его долговая расписка, обоснованно.

1 июля 2015 г. Егорьевский городской суд под председательством судьи Л.А. Третьяковой рассмотрел в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Егорьевского городского прокурора к Шляпникову М.Ю. «О признании использования денежных суррогатов “колионов” в качестве средства обращения и расчетов при совершении сделок и оказании услуг незаконным и запрете их изготовления и оборота»¹³.

Прокурор Н.С. Хребет в судебном заседании иск поддержал и пояснил, что «колионы», будучи денежными суррогатами, представляют угрозу для единства платежной системы Российской Федерации, также создают угрозу для осуществления монополии Российской Федерации на эмиссию денежных средств, дезориентируют население в условиях экономического кризиса. В связи с чем просит иск удовлетворить.

Для сравнения. Денежный агрегат М0, рассчитанный Банком России на лето 2015 г., составил 7 171,5 млрд рублей¹⁴.

Суммарный объем эмиссии М. Шляпникова – 1 млн рублей, т. е. с точки зрения формальной логики величины абсолютно несопоставимые. И соответственно никакой угрозы для единства платежной системы эмиссия локальных денег в таком объеме представлять не может.

¹¹ URL: <http://www.grandars.ru/student/ekonomicheskaya-teoriya/dengi.html>.

¹² Аналогичного мнения придерживаются и авторы Википедии (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%B3%D0%B8>).

¹³ Архив Егорьевского суда. Копия по делу 2-1125/15.

¹⁴ URL: <http://ru.tradingeconomics.com/russia/money-supply-m0>.

Теперь посмотрим на данные о численности жителей Колионово, где в 2007 г. усилиями М. Шляпникова было организовано многопрофильное крестьянское хозяйство, занимающееся производством, переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции¹⁵. По переписи 2010 г. постоянное население указанной деревни – 9 человек¹⁶, приезжают также волонтеры и дачники (примерно 50 человек). И эти люди, принимая в качестве платежа за участие в общественных работах «колионы», «подрывают единство платежной системы России, дезориентируют население в условиях экономического кризиса»? Следует заметить, что «привязка» курса рубля к стоимости нефти и отзыв лицензий у банков также дезориентируют население. Однако сравнительных данных по действиям Банка России и их последствиям и последствиям внедрения «колионов» в одной малонаселенной деревне у прокурора района не нашлось. Но суд такие показатели не интересуют.

С учетом особенностей требования прокуратуры следует признать, что дело «о колионах» имеет публично-правовой характер. В отличие от частноправовой сферы, где источником нормы права становится обычай или обыкновение, проверенные временем, публично-правовая область непосредственно зависит от политических предпочтений законодателей. Законодательство и правоприменительная практика ряда западных стран учитывают это и корректируют ситуацию посредством применения специальных методов. Одним из наиболее распространенных в настоящее время является метод, предложенный американским судьей Р. Позднером, – экономический анализ права. Если бы в данном деле использовался такой подход, то судья в первую очередь должен был бы поинтересоваться экономическими и социальными последствиями изготовления и распространения «колионов» и сопоставить их с данными соседних территорий, где «колионы» не распространены. По сведениям интернет-изданий, регион депрессивный, жители его покидают, хозяйство приходит в упадок.

¹⁵ URL: <http://www.kolionovo.ru/> E-mail: kolionovo@mail.ru.

¹⁶ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE>.

Изучив материалы дела, суд установил, что «в силу положений абз. 2 п. 2 ст. 408 и п. 2 ст. 808 ГК РФ в их системной взаимосвязи распиской заемщика является долговой документ, удостоверяющий обязательство, в частности передачу ему (заемщику) займодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей. При этом по форме совершения расписка – это документ, скрепленный подписью лица, давшего расписку, и удостоверяющий в письменной форме, что это лицо получило от другого лица деньги, вещи, материальные ценности и обязуется их вернуть. Таким образом, «колионы» по форме и содержанию не отвечают указанным признакам, позволяющим определить их в качестве долговой расписки либо иного долгового документа, удостоверяющего наличие какого-либо гражданско-правового обязательства. Между тем, как следует из имеющихся материалов, «колионы» использовались при покупке товаров с отложенным сроком поставки и расчетах за оказанные услуги».

Суд не принял доводы представителей ответчика о том, что «поскольку в законе нет определения денежных суррогатов, то нельзя в данном случае отнести колионы к денежным суррогатам, которые запрещены законом, по следующим основаниям. Исходя из этимологии слова «суррогат», происходящего от латинского слова *surrogatus*, то есть «поставленный вместо другого», это «предмет, являющийся лишь отчасти, по некоторым свойствам, заменой другого» (Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. С. 1024)».

Суд согласился с доводами специалистов, что «колионы» не являются деньгами, не соответствуют всем признакам и функциям денег, использовались в незапрещенных законом гражданско-правовых сделках.

Однако, исходя из смысла закона, суд пришел к выводу о том, что изготовленные Шляпниковым М.Ю. «колионы» использовались и участвовали в обороте как «собственные деньги» на локальной территории и являются денежными суррогатами, поскольку, по существу, выступали в качестве платежного средства, используемого в обращении и при расчетах наряду с законными средствами платежа, не отвечающего при этом признакам законно введенных в обращение денег (валюты

Российской Федерации) и не предусмотрено федеральным законом, выполняющая вместе с тем определенные функции денег. Что касается использования «коллионов» в гражданско-правовых сделках, суд руководствуется требованием п. 1 ст. 317 ГК РФ, согласно которому денежные обязательства должны выражаться в рублях (ст. 140).

При указанных обстоятельствах суд находит иск подлежащим удовлетворению. Заметим, что согласно п. 2 ст. 317 ГК РФ «в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах (эко, «специальных правах заимствования» и др.)», т. е. следует различать валюту платежа и валюту долга. Исключение составляет только цена на товар (услугу), подпадающая под требования ст. 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Создается впечатление, что суд сознательно отождествляет платеж, т. е. передачу денежных знаков с обязанностью выражать обязательство в денежной единице (валюте в смысле Закона «О Банке России»).

В соответствии со ст. 75 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) Банк России является единственным эмитентом национальной валюты. Фактически эмиссия состоит из двух компонентов – наличных денежных знаков, выраженных в национальной денежной единице – рубле, и записей на банковских счетах, также выраженных в рублях. В отношении безналичной эмиссии правила ст. 75 не работают, так как эмитентом, в соответствии с правилами банковской практики, отраженными в Федеральном законе от 2 декабря 1990 г. № 395-1-ФЗ «О банках и банковской деятельности», является вся банковская система, а точнее универсальные банки, обладающие правом на совершение трех ключевых операций в совокупности. В этом примере макрорегулятор может влиять на эмиссию посредством изменения мультипликатора, так как он обратно пропорционален резервам эмитентов, но не запрещать ее по существу. Формальная легитимация этих платежных средств отсутствует, т. е. запись на счете – нефтяные деньги.

Какие выводы напрашиваются из приведенных примеров?

1. Необходимо конкретизировать законодательные нормы о денежной эмиссии. Так, согласно ч. 1 ст. 75 Конституции «денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются». Ясно, что здесь говорится исключительно об эмиссии наличных денежных знаков. В таком контексте эта норма корреспондирует ст. 29 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», согласно которой «эмиссия наличных денег (банкнот и монет), организация их обращения и изъятия из обращения на территории Российской Федерации осуществляются исключительно Банком России». В соответствии с ч. 2 ст. 75 Конституции «защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти». Логично было бы наделить Банк России функцией надзора за обращением нефтяных денег и договорных средств платежа, включая право на признание их денежными суррогатами. Это значит, что статью 34 Федерального закона «О Банке России» необходимо дополнить соответствующей функцией.

2. Следует легитимировать понятие «денежный суррогат».

Что касается рекомендаций военнослужащим, решившим попробовать себя в качестве инвесторов: не опасайтесь сформировать портфель виртуальных денежных знаков, причем любых. Денежный суррогат, согласно российскому законодательству, – это только вещь, имеющая физические признаки. Другое дело – экономические последствия. Например, в настоящее время биткоин – одна из самых волатильных валют, следовательно, риск потери ее стоимости в среднесрочной перспективе чрезвычайно высок.

А о неудачном опыте М. Шляпникова можно только пожалеть. Если бы суд использовал исключительно законные основания для принятия решения по су-

ществу и руководствовался реальными, а не мнимыми угрозами для национальной денежной системы, то многие из нас приобрели бы «колионы» хотя бы для того, чтобы получить дешевого гуся к новогоднему столу.

Список литературы

1. Гезель Й.С. Естественный экономический порядок [Электронный ресурс]. RoyalLib.com: электрон. б-ка. URL: http://royallib.com/read/gezel_silvio/estestvenniy_ekonomicheskii_poryadok.html#0.

2. Гладкова Е. Рейтинг самых нелепых денег, которые выпускали на территории России [Электронный ресурс] // Деловой Петербург. 2015. 11 авг. URL: http://www.dp.ru/a/2015/08/11/Novie_russkie_dengi/.

3. Коломыченко М. Qiwi имитирует рубли. В России может появиться своя виртуальная валюта [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru: электрон. газ. 2015. 16 сент. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2811063>.

4. Мазин В. Шаймуратики – удобная валюта, или Откуда на село приходят инвесторы и как они постигают премудрости крестьянского труда // Республика Башкортостан. 2011. 30 нояб.

5. Мельников С. Сельская валюта [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru: электрон. газ. 2013. 11 февр. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2110350>.

6. Мэнкью Н.Г. Принципы экономикс. СПб.: Питер Ком, 1999. С. 587–589.

7. Шестопал О. Qiwi и ЦБ публично обсудили планы компании по выпуску битрубля [Электронный ресурс] // Рамблер: медийный интернет-портал. 2015. 17 сент. URL: <https://finance.rambler.ru/news/2015-09-17/qiwi-i-tsb-publichno-obsudili-budushchee/>.

Сведения об авторе

Рудичева Наталия Игоревна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: Natalie-Rudicheva@ya.ru

LEGAL NATURE OF LOCAL AND PRIVATE MEANS OF PAYMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE NATIONAL FINANCIAL SECURITY

Nataliya I. RUDICHEVA

Abstract. This article attempts a legal analysis of the issue of the local and private means of payment. It shows that the supervisory authorities behind the lawsuits to prohibit the private currency notes prove their position with the economic functions of the money, which lacks the regulatory consolidation.

Keywords: means of payment; money substitute; monetary policy of the Bank of Russia

Information about the author

Rudicheva Nataliya Igorevna, Cand. Sc. (Physics and Mathematics), Associate Professor of Department of Military Administration, Administrative and Financial Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: Natalie-Rudicheva@ya.ru

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

И. Ю. БЕЛЫЙ,
доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права
E-mail: kaf-gr@mail.ru
Военный университет, Москва

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы международного уголовного правосудия в рамках международно-правовой позиции Российской Федерации по отношению к востребованности пресечения международных преступлений в формате юрисдикции Международного уголовного суда.

Ключевые слова: Российская Федерация; универсальная система международного уголовного правосудия; обеспечение верховенства права; поддержание международной законности и правопорядка

Включенность Российской Федерации в международную нормативную систему определяется ее статусом в качестве великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН и последовательностью ее внешнеполитического курса на обеспечение международной законности и правопорядка. Заявленная приверженность Российской Федерации верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) предопределяет показательную значимость вклада Российской Федерации в дело поддержания юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всех государств – членов мирового сообщества. В этом плане международное правосудие как фактор вовлеченности международных судебных учреждений в дело по обеспечению права показательно обозначено как фактор поддержания верховенства права в системе международных отношений.

Международно-правовая значимость вклада органов международного правосудия (в частности Международного суда ООН и Международного уголовного суда) в дело по поддержанию международной законности и правопорядка определяет

ся предметной направленностью каждого из учреждений. В то время как Международный суд ООН содействует разрешению споров между государствами, Международный уголовный суд осуществляет юрисдикцию в части приведения к международно-правовой ответственности физических лиц за совершенные ими международные преступления. По обстоятельству предметной направленности каждого из обозначенных здесь органов международного правосудия и осуществляет свою задействованность в универсальной системе международного правосудия Российская Федерация.

Применительно к Международному суду ООН как главному судебному органу Организации Объединенных Наций Российская Федерация в порядке заявленной приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) содействует его укреплению. Разрешение международного спора через выносимые Международным судом юридически обязательные решения (в режиме *res judicata*) рассматривается как оптимальный способ разрешения международных споров без их деления на споры правового и споры неправового характера. Международный суд принимает к производству все споры, переданные ему сторонами, и решает их на основе международного права и справедливости (ст. 38 Статута Международного суда). Российская Федерация рассматривает Международный суд именно в контексте его юридического существа в качестве главного судебного органа ООН (ст. 92 Устава ООН), содействующего обеспечению верховенства права.

Применительно к Международному уголовному суду именно как органу международного уголовного правосудия принципиально обозначена его значи-

мость в деле обеспечения международной законности и правопорядка.

При обстоятельствах, когда Международный уголовный суд действует на основе универсального договорно-правового акта – Римского статута 1998 г., осуществляет свою деятельность в аспекте комплементарности (дополняемости) к юрисдикции государств – членов мирового сообщества и направлен на противодействие международным преступлениям (геноцид, военные преступления, преступления против человечности, агрессия), международно-правовая позиция Российской Федерации¹ обозначена признанием значимости деятельности Международного уголовного суда по линии поддержания международной законности и правопорядка. С учетом этого обстоятельства Российская Федерация изъявляет готовность (по факту востребованности) содействовать деятельности Международного уголовного суда в деле осуществления международного уголовного правосудия. Общий позитив включенности Российской Федерации в универсальную систему международного уголовного правосудия в юридическом плане упорядочен в формате содействия выполнимости целей и принципов Устава ООН со стороны всех государств – членов мирового сообщества.

Объективное признание важного значения деятельности международных судебных учреждений в параметрах мирового сообщества обусловлено их значимостью в качестве органов по обеспечению права². Позиционно увеличение

¹ См.: Кибальник А.Г. Римский статут Международного уголовного суда и национальные интересы России / Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2009. С. 543–550; Геворгян К. Официальная позиция России в связи с созданием Международного уголовного суда // Международный уголовный суд и позиция России. М., 2000. С. 11–12.

² См. на этот счет подробнее: Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009. С. 175–251; Его же. Мониторинг соответствия законодательства субъектов Российской Федерации и муниципальных актов стандартам Европейской сети детских омбудсменов (ЕНОС). М., 2008. С. 7–46; Сибатян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М., 2012. С. 72–131; Международное уголовное пра-

вила органов международного уголовного правосудия, и, соответственно, повышение роли международного уголовного и уголовно-процессуального права в объективном порядке обозначено востребованностью обеспечения международной законности и правопорядка. Конечной целью здесь в концептуальном и практическом плане является достижение основополагающей цели ООН, заключающейся в поддержании международного мира и безопасности (п.1 ст. 1 Устава ООН).

Современную систему органов международного уголовного правосудия, способных эффективно осуществлять судебное производство по делам о военных преступлениях, составляет корпус институционно обустроенных учреждений.

В первую группу предметно обозначенных учреждений входят судебные органы, учрежденные в качестве вспомогательных для Совета Безопасности ООН, – международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде (судебные органы *ad hoc*).

Вторую группу соответствующих учреждений составляют смешанные (гибридные) судебные органы, к которым относятся две категории судов (трибуналов):

1) специальные суды, созданные в соответствии и на основе международных договоров государств с ООН (Специальный Суд по Сьерра-Леоне);

2) суды, формируемые временными администрациями ООН на территории государств, где проводятся миротворческие операции (Смешанные суды на территории Косово и Коллегии с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлений в Восточном Тиморе).

В третью группу учреждений международного уголовного правосудия включаются интернационализованные суды – специализированные судебные составы в национальных уголовных судах, к юрисдикции которых отнесено осуществление правосудия по делам о

восудие: современные проблемы. М., 2009. С. 31–47; Черниченко С.В. Контуры международного права. М., 2014. С. 495–559; Каламкарян Р.А. Международный суд в миропорядке на основе господства права. М., 2012; Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of Constitution. London, 1959, pp. 47–475.

военных преступлениях с участием международных судей или иных участников уголовного процесса (Отдел по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины и Чрезвычайные палаты в Судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии).

Постановочное значение в плане эффективности международного уголовного правосудия объясняется наличием такого универсально ориентированного учреждения по обеспечению международной законности и правопорядка, как Международный уголовный суд, образованный под эгидой ООН.

Анализ положений Римского статута и Правил процедуры и доказывания (ППД) позволяет определить, что судопроизводство по делам о военных преступлениях в Международном уголовном суде (МУС) проводится в особой, специфической правовой форме – международном уголовном процессе, в особом правовом порядке, свойственном только этому суду, который имеет черты как англосаксонских, так и романо-германских правовых традиций и включает в себя процессуальные действия, схожие с теми, которые в российском уголовном процессе принято называть подготовкой к судебному заседанию и судебным разбирательством дела по существу [5].

Функция международного расследования дел о военных преступлениях не является судебной и направлена, прежде всего, на установление фактических обстоятельств, связанных с совершенным преступлением. Как справедливо отмечают И.П. Блищенко и И.В. Фисенко, ее реализация не ведет к принятию каких-либо судебных решений [6, с. 26–127]. В этом же смысле вполне обоснованно формулируют свою концептуальную позицию А.Г. Волеводз [8] и В.А. Батырь [4]. Позитив международного права здесь обозначен совершенно точно практически и постановочно верно юридически. А именно: через комплексное правовое регулирование [16] (в том, что касается целостной системы международного уголовного права) выйти на достижение справедливого решения органа международного уголовного правосудия. При этом необходимость проведения международного расследования по делам о военных преступлениях

вытекает из того, что Палата предварительного производства МУС, принимая решение о выдаче санкции на возбуждение расследования (п. 4 ст. 15 Римского статута), основывается на объективной информации, содержащейся как в просьбе Прокурора, так и в подкрепляющих ее материалах.

Задачи обвинения в МУС реализует Канцелярия Прокурора (п. с. ст. 34 Римского статута), которая также осуществляет свои функции независимо, в качестве самостоятельного постоянного отдельного органа Суда. Функции, которыми наделен Прокурор в международном уголовном судопроизводстве, вполне соответствуют функциям Обвинителя, определенных Комиссией международного права, а именно: «расследование, сбор и представление в суде всех необходимых доказательств, составление обвинительного заключения и выступление в качестве обвинителя на судебном процессе». При обстоятельствах, когда полномочия Обвинителя (Прокурора) в отношении возбуждения дела в Международном уголовном суде в определенной степени подконтрольны Палате предварительного производства (как обоснованно констатирует на этот счет И.С. Марусин [15, с. 347–353]), Прокурор вправе предпринимать соответствующие действия по собственной инициативе по обстоятельствам полученного корпуса данных, по просьбе соответствующего государства – участника Римского статута 1998 г. либо во исполнение предписания Совета Безопасности согласно положениям Главы VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» (ст.ст 39–51).

Ранее, при расследовании и судебном рассмотрении дел о военных преступлениях в Нюрнбергском Международном военном трибунале, каждая из стран-участниц назначала обвинителя для производства расследования и поддержания обвинения в отношении главных военных преступников в суде. Принимая во внимание, что коллективное решение может являться гарантией объективности его принятия, Главные обвинители действовали в составе Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников, в котором происходило согласование планов индивиду-

альной деятельности каждого Главного обвинителя, определялся круг лиц, деяния которых подсудны Международному военному трибуналу. В соответствии с положениями ст. 15 Устава Нюрнбергского Международного военного трибунала (далее – Устав Нюрнбергского МВТ) процессуальные права и обязанности Главных обвинителей заключались в следующем: 1) производстве расследования, сборе и предоставлении до или во время судебного процесса необходимых доказательств; 2) производстве предварительного допроса свидетелей, подозреваемых и обвиняемых; 3) подготовке обвинительного акта для утверждения его Комитетом; 4) поддержке обвинения в суде; 5) назначении для выполнения порученных обязанностей уполномоченных лиц; 6) производстве следственных и иных действий, которые оказывались необходимыми в целях подготовки дела и производства для суда, но не ограничивались вышеперечисленным [1].

В отличие от Нюрнбергского МВТ, Устав Токийского Международного военного трибунала (далее – Устав Токийского МВТ) определял (ст. 8), что у трибунала будет один Главный обвинитель, назначаемый Верховным Главнокомандующим Союзных держав³. В обязанности Главного обвинителя входило как производство предварительного следствия, так и поддержание обвинения в суде против военных преступников в пределах юрисдикции Международного военного трибунала для Дальнего Востока.

Уставы Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – Устав МТЮ) (ст. 16) и Международного трибунала по Руанде (далее – Устав МТР) (ст. 15), определяя функции Обвинителя, устанавливают, что Обвинитель отвечает за расследование дел и обвинение лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (с 1 января 1991 г.) и Руанды (в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г.), а также граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории

соседних государств в тот же период⁴. Концептуально, как справедливо констатирует на этот счет М. Шерифа Бассиуни, международное уголовное правосудие по обстоятельствам своего предметного воздействия направлено применительно к международным преступлениям по общему международному праву (*jus cogens international crimes*) [20]. Позиционно Обвинитель Международного Трибунала по бывшей Югославии является также Обвинителем Международного Трибунала по Руанде (п. 3 ст. 15 Устава МТР). В качестве отдельного органа Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде (далее – МТЮ и МТР) процессуальная деятельность Обвинителя характеризуется достаточной степенью независимости: во-первых, Обвинитель назначается Советом Безопасности по рекомендации Генерального секретаря ООН; во-вторых, Обвинитель назначается на четыре года с правом повторного назначения, причем, условия его службы аналогичны условиям службы заместителя Генерального секретаря ООН; в-третьих, Обвинитель не должен запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или из какого-либо другого источника.

Прокурор Международного уголовного суда (и его заместители) производят предварительное расследование и уголовное преследование по делам о военных преступлениях. При этом в целях установления истины Прокурор обязан «охватить все факты и доказательства, относящиеся к оценке того, наступает ли уголовная ответственность в соответствии с настоящим Статутом, и при этом в равной мере расследует обстоятельства, свидетельствующие как о виновности, так и о невиновности». В этой связи Прокурор обязан принимать надлежащие меры для обеспечения эффективного

³ В соответствии с п. b) ст. 8 Устава Токийского МВТ, «любая Объединенная Нация, с которой Япония была в состоянии войны, может назначить дополнительного обвинителя в помощь главному обвинителю».

⁴ Идею совмещения функций обвинения и расследования в одном органе МТЮ унаследовал от Статута М. Шерифа Бассиуни, который был использован при разработке устава. До 1992 г. единый орган в проекте – прокуратура – состоял из двух независимых подразделений, находящихся под общим руководством Прокурора: следственного и обвинительного. Объединение носило более административный, нежели функциональный характер. См.: *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Международный уголовный суд / под ред. Ю.Н. Жданова. М., 1994. С.131–132.

расследования и уголовного преследования за военные преступления, соблюдая при этом права и личные интересы свидетелей и потерпевших, а также права иных лиц, вытекающие из Римского статута. Позиционно Прокурор по факту востребованности в плане сбора доказательной базы расследования (с конечной целью обеспечения международного правосудия) вправе, как вполне обоснованно констатирует на этот счет И.С. Марусин [15, с. 349], обратиться с соответствующим заявительным актом в Палату предварительного производства с целью принятия надлежащих мер по линии обеспечения приемлемости и допустимости по суду всего корпуса поступивших в суд устных и письменных свидетельских показаний. Объективную оценку в плане констатации факта надлежащей юридической значимости представленных в суд свидетельских показаний устанавливает, как это и положено в рамках международного судебного производства (примером здесь служит судопроизводство в Международном суде, ст.ст. 39–64 Статута суда), осуществляет сам рассматривающий данное дело орган, а именно: Судебная палата.

Устав Международного уголовного суда не содержит специальной нормы, которая регулировала бы предмет доказывания. Римский статут косвенно указывает, что Судебная палата должна исследовать «все существенно важные обстоятельства, необходимые для доказательства совершения преступления». Постановочно, на концептуальном и практическом уровне обозначен факт выработки в рамках судопроизводства в МУС корпуса обстоятельств, признаваемых по суду достаточными для установления существенных оснований полагать, что лицо совершило военное преступление, в котором оно обвиняется.

В параметрах общих предписаний международного уголовного права событие военного преступления (оконченный состав, приготовление, покушение), подпадающего под юрисдикцию МУС (военное преступление (ст. 8 Римского статута, пр. 8 ППД), должно быть совершено в рамках плана или политики или по обстоятельствах крупномасштабного характера таких преступлений. При этом элементы военных преступлений подлежат толкованию в установленных рам-

ках международного права вооруженных конфликтов как целостной системы права.

Позиционно в формат доказательной базы международного уголовного судопроизводства по всей логике правосудия входят такие понятия, как виновность лица в совершении военного преступления (намеренность и сознательность совершения преступления (ст. 30 Римского статута), прямой либо косвенный умысел по отношению к деянию (поведению) и его последствиям. Мотивы и цели, с учетом их предметного юридического статуса, имеют по всем канонам права собственное значение для квалификации военных преступлений. В качестве общего принципа права обозначает себя индивидуальная уголовная ответственность физических лиц, достигших 18 лет.

В параметрах общего принципа права (по смыслу п.с) ст. 38 Статута Международного суда), предусматривающего полное возмещение ущерба, Международный уголовный суд по факту вынесенного им решения в режиме *res judicata* определяет масштабы и размер любого ущерба, убытков, вреда, причиненного военным преступлением потерпевшим, включая реституцию, компенсацию и реабилитацию (ст. 75 Римского статута).

Юридически позиционно обозначена востребованность исследования обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. В формате общего принципа права «нет наказания без соответствующего закона» (*nullum crimen sine lege*) и принципа верховенства права о юридическом равенстве всех физических лиц перед законом⁵ международный уголовный суд в порядке отправления правосудия и, соответственно, вынесения справедливого решения рассматривает в режиме целостности весь корпус таких обстоятельств. В то время как положительная характеристика личности военного преступника может влиять на определение Судом меры наказания (ст. 78 Римского статута), отрицательная – с учетом тяжести военного преступления

⁵ См., например: Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009. С. 175–250; Ковалев А.А. Международная защита прав человека. М., 2013. С.38–62; Каламкарян Р.А. Господство права Rule of Law в международных отношениях. М. 2004. С. 11–47; Dacey A.V. Op. cit, pp. 134–135.

– в логическом порядке может повлечь пожизненное лишение свободы (ст. 77 Римского статута). В объективном плане при назначении наказания имеют значение такие характеризующие личность обстоятельства, как возраст, уровень образования, социальное и экономическое положение лица, признанного виновным (пр. 145 ППД).

Позиционно всю свою юридическую значимость в плане осуществления международного уголовного судопроизводства общепризнанный принцип *nullum crimen sine lege* имеет и в отношении обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния. В режиме объективной констанции лицо не подлежит уголовной ответственности по Римскому статуту, если деяние в момент его совершения не образует военного преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда (ст. 22 Римского статута). Соответственно, лицо не подлежит уголовной ответственности за деяния, совершенные до вступления в силу Римского статута (ст. 24 Римского статута).

Концептуальное восприятие международного уголовного судопроизводства в плане обеспечения международной законности и правопорядка устанавливает в порядке объективности востребованность принятия Международным уголовным судом во внимание всего корпуса обстоятельств, смягчающих или, наоборот, отягчающих наказание. Тем самым, при определении меры наказания Суд принимает во внимание тяжесть военного преступления и личность осужденного (ст. 78 Римского статута), а также степень причиненного ущерба; характер противозаконного поведения и средства, использовавшиеся для совершения преступления; степень участия лица, признанного виновным; степень умысла; факторы, касающиеся способа, времени и места совершения военного преступления; существенную степень умственной неполноценности или принуждение; посткриминальное поведение лица (пр. 145 ППД).

При обстоятельствах, когда общей целью судопроизводства в параметрах Международного уголовного суда является достижение и обеспечение права и справедливости, Суд, как орган правосудия, в рамках разбирательства применяет такой общий принцип права, как прин-

цип недопустимости двойного наказания за одно и то же деяние (*non bis in idem*). Таким образом, Международный уголовный суд в порядке своего позиционирования в качестве органа международного уголовного правосудия в логическом порядке учитывает в ходе вынесения им своего решения весь корпус обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от международной уголовной ответственности и наказания. По факту регулятивного действия принципа недопустимости двойного наказания позицией такого порядка может быть положение, при котором лицо не может быть осуждено МУС, если оно уже было осуждено другим судом за совершение инкриминируемого военного преступления (ст. 20 Римского статута).

Позиционно обстоятельствами, которые в логическом порядке могут быть основаниями для освобождения от международной уголовной ответственности, выступает ситуация, когда лицо в момент совершения им военного преступления: страдает психическим заболеванием или расстройством, находится в состоянии интоксикации, действовало разумно для защиты себя или другого лица, деяние лица являлось вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти или тяжких телесных повреждений (ст. 31 Римского статута).

Юридическую значимость в плане вынесения возможного решения об освобождении от международной уголовной ответственности имеет ошибка в факте или ошибка в праве с учетом положений ст. 32 Римского статута; совершение военного преступления по приказу правительства или начальника (с учетом п. 1 ст. 33 Римского статута).

Доказательствами по делам о военных преступлениях являются любые сведения, на основании которых МУС, Прокурор (его заместители) в порядке, определенном Римским статутом и Правилами процедуры и доказывания, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, достаточных для установления существенных оснований полагать, что данное лицо совершило военное преступление, в котором оно обвиняется, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом в качестве доказательств по уголовному делу о военных преступлениях допуска-

ется целостный по своему содержанию и форме корпус доказательных данных⁶.

Предметное, юридически постановочное значение в плане сущностного обозначения корпуса доказательств в рамках разбирательства в Международном уголовном суде имеют показания любого лица (в том числе – подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего), зафиксированные в порядке, установленном Статутом и ППД МУС на стадии расследования, судебного разбирательства или до начала их производства.

По факту совершения военных преступлений в апреле 2011 г. в Кот-д'Ивуаре (где только в одном из городов в западной части страны было убито более 1 тысячи человек), Прокурор МУС начал официальное расследование по собственной инициативе (*ex officio*), по обстоятельствам которого подлежала быть собранной достаточная доказательная база в плане юридического обоснования в формате судейской коллегии по линии востребованности судебного разбирательства.

В рамках поддержания юридических гарантий прав всего корпуса физических лиц, включенных в режим разбирательства в Международном уголовном суде, Статут МУС предусматривает процедуру обеспечения в полном объеме справедливого рассмотрения дела совокупности прав подозреваемых (ст. 55 Римского статута) и прав обвиняемых (ст. 67 Римского статута). Таким образом, на весь обозначенный здесь круг участников международного уголовного судопроизводства распространяются все международно-правовые гарантии, а в некоторых случаях вводятся дополнительные. При этом положения Устава МУС устанавливают, что обеспечение защиты потерпев-

ших должно осуществляться без ущерба для прав обвиняемых. Так, например, положения о доказательствах (ст. 68(2) и ст. 69 Римского статута), предусматривающие в исключительных обстоятельствах возможность проведения закрытого слушания и предоставления доказательств с помощью электронных или иных специальных средств (в частности, если военное преступление сопровождалось сексуальным насилием или насилием в отношении детей), позволяют использовать вышеизложенный порядок только при условии, если это не влечет ущемления прав обвиняемого. Констатация целостности совокупного свода прав всех физических лиц, задействованных в ходе судебного разбирательства, подтверждается обстоятельствами значимости Международного уголовного суда в универсальной системе органов международного уголовного правосудия.

Позиционно обеспечению защиты прав обвиняемых в формате поддержания целостности совокупного свода прав всех физических лиц, задействованных в ходе судебного разбирательства, служит положение Статута о том, что «по представлению прокурора Палата может в интересах защиты прав обвиняемого также дать поручение одному из своих членов или другому Судье осуществлять наблюдение за процессуальными действиями. Если прокурор не требует принятия таких мер, Палата может осуществлять их по своей инициативе».

В параметрах своей концептуальной и практической значимости, поддержание целостности системы субъективных прав всех физических лиц, задействованных в ходе судебного разбирательства, осуществляется, как справедливо отмечено на этот счет в науке международной юриспруденции [18], включенностью в процесс разбирательства Секретаря Международного уголовного суда (правило 16 ППД МУС). Институционно-правовой формат задействованности Секретаря МУС в процесс разбирательства включает в себя выполнение комплекса юридически значимых функций. Постановочно – это:

– уведомление или извещение потерпевших или их законных представителей; оказание помощи в получении юридической консультации, организация их юридического представительства и

⁶ В п. 1 ст. 93 Устава МУС указываются большинство из них: результаты идентификации и установления мест нахождения лиц или предметов; протоколы допросов свидетелей, специалистов, экспертов; результаты проведенных экспертиз; протоколы допросов обвиняемых, а также «любых лиц, находящихся под следствием или подвергающихся судебному преследованию»; протоколы осмотров мест или объектов, включая эксгумацию и осмотр мест захоронений; судебные протоколы и документы, а также «официальные протоколы и документы»; денежные средства, имущество и доходы, полученные преступным путем; орудия преступления и т. д.

обеспечение их законных представителей надлежащей поддержкой, помощью и информацией, включая такие средства обслуживания, которые могут оказаться необходимыми для непосредственного выполнения ими своих обязанностей, для целей защиты их прав на всех этапах разбирательства;

– принятие учитывающих гендерную специфику мер в целях содействия участию жертв сексуального насилия во всех этапах разбирательства; информирование потерпевших и свидетелей об их правах по Статуту и Правилам, а также о существовании и функциях Группы по оказанию помощи потерпевшим и свидетелям и о возможностях обращения к ней;

– обеспечение своевременного ознакомления с соответствующими решениями Суда, которые могут затронуть интересы свидетелей и потерпевших, с соблюдением положений, касающихся конфиденциальности, и т.д.

Институционно-правовая включенность Секретаря Международного уголовного суда в процесс разбирательства определена кругом соответствующих полномочий в плане установления положения, при котором Секретарь МУС от имени Суда может обсуждать с государствами соглашения о переселении или оказании вспомогательных услуг на территории какого-либо государства в отношении травмированных или подвергшихся угрозам потерпевших, свидетелей или других лиц, которым грозит опасность из-за показаний таких свидетелей.

Последовательный процесс по осуществлению международного уголовного правосудия предметно устанавливает в качестве юридической доказательной базы разбирательства востребованность использования корпуса заключений и показаний экспертов. Позиционно в качестве примера включенности институтов Организации Объединенных Наций в процесс отправления международного уголовного правосудия, здесь выступает заключение группы экспертов по Судану, созданной согласно резолюции 1591 Совета Безопасности ООН в 2005 г. для надзора за соблюдением эмбарго на поставки оружия. Логическим результатом в плане включенности институтов Организации Объединенных Наций в процесс разбирательства в Международном

уголовном суде является Доклад Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю на основании резолюции 1564 (2004) Совета Безопасности ООН от 18 сентября 2004 г.

Свое институционно-правовое значение в плане подтверждения целостности системы доказывания в параметрах разбирательства в Международном уголовном имеют протоколы (стенограммы) следственных действий или судебного разбирательства (правило 137 ППД), произведенных Судом, Прокурором МУС или национальными властями (п. 1, 2 правила 111 ППД), и закрепленные как на бумажном носителе, так и с помощью аудио- или видеотехники (с учетом положений правил 68, 112 ППД).

Позиционирование Международного уголовного суда в качестве органа международного уголовного правосудия, созданного на основе межгосударственного договорно-правового акта (Римский статут 1998 г.) предопределяет востребованность всестороннего международного сотрудничества между государствами-членами мирового сообщества с одной стороны, и Международного уголовного суда – с другой. Общим итогом такого взаимодействия, как на этот счет обоснованно обозначено в науке международной юриспруденции [10], является обеспечение международной законности и правопорядка. В ситуации, когда Международный уголовный суд согласно Римскому статуту проводит свою реальную деятельность по факту неосуществления судебными органами государств процедур расследования и возбуждения уголовного разбирательства в отношении совершения на его территории преступлений или в отношении совершивших эти преступления (в том числе и военные преступления), часть девятая Римского статута устанавливает институционно-правовую основу международного сотрудничества и оказания судебной помощи. Общим позитивом современного международного права здесь является всестороннее сотрудничество государств с Международным уголовным судом по линии разбирательства по делам в рамках его юрисдикции с конечной целью обеспечения международной законности и правопорядка (ст. 86 Римского статута). В порядке обеспечения целостности системы доказывания в

рамках разбирательства в Международном уголовном суде по делам о военных преступлениях существенное институционно-правовое значение здесь имеет корпус вещественных доказательств – объектов осмотра, – охватывающих не только материальные предметы внешнего мира, но и физических лиц (живых лиц и трупов), различных процессов.

Собственную институционно-правовую значимость в параметрах поддержания целостности системы доказывания при осуществлении разбирательства в Международном уголовном суде имеют документы, содержащие информацию о наличии или отсутствии обстоятельств, достаточных для установления существенных оснований полагать, что лицо совершило военное преступление, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, которые представляются как сторонами, так и компетентными органами запрашиваемого государства (правило 195 ППД), или межправительственной организацией. Примером здесь может выступать ситуация, когда Прокурор МУС в 2010 г. представил судьям доказательства военных преступлений в провинции Дар-фур, включающие показания свидетелей, жертв преступлений, документы правительства Судана и Национальной следственной комиссии, комплекс документов Международной следственной комиссии и материалы Совета Безопасности ООН, государств и международных организаций.

Постановочное значение в плане обеспечения сотрудничества государств с Международным уголовным судом по делам в рамках его юрисдикции имеет информация, поступающая в суд собственно от самих государств. Ярким примером поступления информации о военных преступлениях из различных источников может служить ситуация, имевшая место 18 июня 2012 г., когда правительство Мали передало Международному уголовному суду ситуацию в своей стране начиная с января 2012 г. для расследования. По констатации Прокурора МУС 24 апреля 2012 г. сразу несколько источников (в том числе участники Контактной группы Мали Экономического сообщества стран Западной Африки) сообщали о случаях, которые могут составлять военные преступления, предусмотренные ст. 8 Рим-

ского статута. В этой связи Прокурор отдал распоряжение своей Канцелярии о начале предварительного расследования переданной ситуации.

Вышеперечисленные виды источников доказательств носят достаточно признанный современными правовыми системами и распространенный характер. Однако следует отметить, что в практике международных трибуналов при рассмотрении дел о военных преступлениях появляются и новые (в том числе – электронные) источники доказательств.

Общей задачей практической деятельности Международного уголовного суда является поддержание режима международной законности и правопорядка. Институционно обустроенный формат создания и поддержания целостности системы доказывания в общих параметрах разбирательства в Международном уголовном суде создает реальные, юридически подтвержденные гарантии выхода на решение, предметно основывающееся на праве и справедливости. Доказательная база решения Международного уголовного суда сопоставима (в плане ее консолидации) с доказательной базой решения Международного суда ООН. В своем предметном проявлении основные положения, регламентирующие порядок сбора доказательств по делам о военных преступлениях в МУС, указаны в Разделе III ППД Международного уголовного суда. Позиционно сбор доказательств осуществляется в предметно установленных направлениях.

Первое – это сторона обвинения. Здесь конкретно своей деятельностью проявляет себя Прокурор МУС, его заместители, работники Канцелярии МУС (правила 111 и 112 ППД). При этом Прокурор вправе получать письменные или устные свидетельские показания от физических лиц, официальных представителей или компетентных органов государств, органов ООН, межправительственных или неправительственных организаций или из иных надежных источников, которые он сочтет подходящими.

Таким образом, первичной задачей Прокурора МУС является выяснение того, существуют ли достаточные основания для начала расследования (ст. 53 Римского статута). Следует подчеркнуть, что период времени, необходимый Прокурору МУС для принятия решения о на-

чале полного расследования, в разных ситуациях оказывается различным и с точки зрения права не носит установочного принципиальный характер. Юридическую значимость имеет здесь именно сам юридический факт открытия судебного производства по данному делу.

Так, например, в конце апреля 2011 г. инициированное канцелярией Прокурора Международного уголовного суда разбирательство показательно направлено на достижение справедливого решения с учетом надлежащей доказательной базы.

Прокурору МУС вменены в обязанности сбор и оценка доказательств, обеспечение присутствия лиц, участвующих в деле (подследственных, потерпевших, свидетелей), организация сотрудничества государств или межправительственных организаций.

Вторую позицию в плане сбора доказательств в рамках разбирательства в Международном уголовном суде занимает сторона защиты. Здесь предметно показательно проявляют себя подозреваемые, обвиняемые и их адвокаты, действующие индивидуально, или совместно с Группой по оказанию помощи потерпевшим и свидетелям (которая выполняет свои функции в соответствии с п. 6 ст. 43 Римского статута). На концептуальном и практическом уровне о необходимости функционирования такой группы говорит то обстоятельство, что только за первые 12 месяцев с начала работы Международного уголовного суда численность ее персонала возросла с семи до 55 человек.

Указанные институционно-правовые новации уже нашли свое применение в практике Международного уголовного суда. Так, в судопроизводстве по ситуации в Демократической Республике Конго в рамках деятельности Палаты предварительного производства, Судебной палаты и Апелляционной палаты принимали участие четыре потерпевших (согласно решению относительно целесообразного числа участников от потерпевших, принятого соответствующей палатой Международного уголовного суда в рамках ее компетенции на основании Римского статута): их юридические представители выступили с предварительными и заключительными заявлениями в Палате предварительного производства на слушаниях по вопросу о подтвержде-

нии обвинений и сделали представления Судебной палате по вопросу об участии потерпевших в судебном процессе. Это дело, как обоснованно констатируется в науке международной юриспруденции, является примером того, как впервые в истории работы какого-либо международного уголовного суда или трибунала потерпевшие на совершенно законных основаниях участвуют в процессе судопроизводства [7].

Показательное институционно-правовое значение в плане сбора доказательств по делу в рамках юрисдикции Международного уголовного суда имеют компетентные органы запрашиваемого государства-участника. В таком случае при проведении допросов национальные власти должным образом учитывают положения ст. 55 Римского статута. При этом государства-участники обеспечивают наличие процедур, предусмотренных их национальным правом, для всех форм сотрудничества (ст. 88 Римского статута).

В параметрах общего обязательства по сотрудничеству в деле осуществления международного правосудия между Международным уголовным судом и государствами обозначена востребованность, в соответствии со ст. 93 Римского статута, предоставления государствами надлежащей помощи по всем вопросам, касающимся установления места нахождения доказательств (пп. а), получения различных доказательств (пп. b), проведения осмотра мест или объектов, включая эксгумацию и осмотр захоронений (пп. g), производства обысков и наложения ареста (пп. h), сохранения различных доказательств (пп. j). Соответственно, государства призваны удостовериться, что они могут получить в свое распоряжение все без исключения материалы и предметы для их предоставления Суду.

Параллельно с этим, государства призваны создать надлежащую законодательную базу, ориентированную на создание условий применительно к Прокурору МУС и адвокату защиты для получения всех доказательств, находящиеся на их территории или принадлежащие их гражданам. При этом указанная здесь законодательная база в свою очередь призвана защищать права третьих лиц, если их имущество подлежит представлению

суду в качестве доказательств (пп. к ст. 93 Римского статута).

В параметрах пространственного действия Римского статута сбор доказательств производится:

1) на территории государства-участника согласно п. 3 (d) ст. 57 Римского статута (в официальных помещениях компетентных органов, в пределах территории, установленной Палатой предварительного производства (правило 119 ППД); по адресу проживания лица, с учетом возможного применения индивидуальных средств ограничения свободы (правило 120 ППД); на основании санкции Палаты предварительного производства (правило 115 ППД);

2) в помещениях местопребывания Международного уголовного суда (Канцелярии Прокурора МУС, судебных Палатах, местах содержания под стражей – при этом Прокурор МУС руководствуется положениями п.1 правила 111 ППД, правила 104 ППД);

3) на территориях государств, не являющихся участниками Римского статута на основе специальной договоренности, соглашения с таким государством или на любой другой соответствующей основе (пп. а) п. 5 ст. 87 Римского статута).

Международно-правовое позиционирование международных межправительственных организаций в параметрах целостной системы доказывания в рамках Международного уголовного суда создает институционную основу для заявительных действий суда по отношению к межправительственным организациям представлять корпус затребованной информации и документальных источников. Параллельно с указанными действиями Международный уголовный суд в порядке обращения к международным межправительственным организациям вправе испрашивать любые способы содействия по линии поддержания целостности всей системы доказывания. Единство цели – обеспечение международного уголовного правосудия – создает надлежащую юридическую основу для взаимодействия Международного уголовного суда, государств-членов мирового сообщества, международных межправительственных организаций.

Целостность системы доказывания в плане выхода Международного уголовного суда на юридически обязательное

решение *res judicata* соизмерима с целостностью системы международного права, при которой суд как орган правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права (запрет *non liquet*)⁷. Соответственно, Римским статутом (правило 63 ППД) закреплены общие положения, касающиеся доказательств и правил доказывания, которые, с учетом ст. 69 Римского статута, применяются в разбирательствах во всех палатах МУС. В зависимости от своих «дискреционных полномочий» (п. 9 ст. 64 Римского статута), палата МУС правомочна беспрепятственно оценивать все представленные доказательства и принимать решение об определении их относимости или допустимости. При этом палата МУС не применяют национальные законы, регулирующие процедуру доказывания, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 21 Римского статута.

Позиционно вопросы, связанные с относимостью и допустимостью доказательств, подлежат постановке и разрешению в момент предъявления того или иного доказательства в Палате МУС (правило 64 ППД). В исключительных обстоятельствах, когда эти вопросы не были известны в момент предъявления доказательства, они могут быть подняты сразу после того, как о них стало известно. Процессуальный порядок (правило 72 ППД) разрешения данного вопроса следующий. По факту заявленной востребованности представления или получения доказательств, в том числе путем допроса потерпевшего или свидетеля, или доказательств в виде слов, поведения, молчания или отсутствия сопротивления со стороны потерпевшего или свидетеля, о которых говорится в принципах (а)-(d) правила 70 ППД, суду представляется уведомление, в котором излагается существо доказательств, которые предполагается представить или получить, и относимость этих доказательств к вопросам, относящимся к делу. При решении вопроса о том, являются ли доказательства относимыми или допустимыми, Палата МУС заслушивает в специальном

⁷ См. подробнее: *Каламкарян Р.А.* Международный суд в миропорядке на основе господства права. М., 2012. С.93–104; *International Law. Being the Collected Papers of H.Lanterpacht.* Cambridge, 1970. Vol. 1, p. 243. Vol. 2, part 1, pp. 224–225.

режиме (in camera) мнения Прокурора МУС, защиты, свидетеля и потерпевшего или его или ее законного представителя (если таковой имеется), и принимает во внимание, обладают ли эти доказательства достаточной доказательственной силой применительно к вопросу, относящемуся к делу. Соответственно учитывается и вред, который такие доказательства могут причинить.

Во исполнение обозначенной цели Палата МУС принимает во внимание по обстоятельствам их предметной юридической значимости положения п. 3 ст. 21 Римского статута, а также ст. 67 и 68 Римского статута, и руководствуется при этом принципами (a). (d) правила 70 ППД, особенно в отношении предлагаемого допроса потерпевшего лица.

При обстоятельствах, когда Палата МУС определит, что доказательства являются допустимыми для разбирательства по делу, она указывает в протоколе конкретную цель, для которой эти доказательства допускаются. Доказательства, которые признаны неотносимыми или недопустимыми, Палатой МУС не рассматриваются.

Институционно-правовое позиционирование системы доказательств в параметрах Международного уголовного суда обозначено своей целостностью и предметной действенностью и по факту, и по обстоятельствам своего юридического существа. В этом плане предметную юридическую нагрузку несут в себе постановления правила 69 ППД, которые предусматривают возможность признавать предполагаемые факты доказанными без их исследования, так называемое соглашение в отношении доказательств. Вышеуказанное правило устанавливает, что Прокурор МУС и защита могут в порядке востребованности прийти к договоренности о том, что какой-либо содержащийся в обвинении предполагаемый факт, содержание документа, ожидаемые показания свидетеля или другие доказательства опариваться не будут, и в этой связи Палата МУС может считать такой предполагаемый факт доказанным, если только Палата МУС не приходит к мнению о том, что в интересах правосудия, в частности в интересах потерпевших, требуется полнее представить предполагаемые факты.

Конечно же, представленные доказательства должны быть достаточными, чтобы признать лицо виновным в совершении военного преступления. Случаи освобождения лиц, обвиняемых в совершении военных преступлений, из-под юрисдикции Международного уголовного суда по обстоятельствам своего фактического существа имеют место. Так, например, 18 декабря 2012 г. судебная палата II Международного уголовного суда сняла обвинения с полковника конголезской национальной армии, бывшего лидера повстанцев в Демократической Республике Конго (ДПК) Матье Нгуджоло Чуи. Он обвинялся в совершении военных преступлений и преступлений против человечности: три обвинения в совершении преступлений против человечности и семь пунктов обвинений о совершении военных преступлений в провинции Итури в ходе нападения на деревню Богоро 24 февраля 2003 г. Судьи в своем решении постановили, что представленные обвинением доказательства и показания свидетелей не позволяют в полной мере без сомнений прийти к заключению о том, что Матье Нгуджоло Чуи был командиром боевиков (повстанцев «Ленду»), которые причастны к нападению на деревню Богоро. В этой связи судьи пришли к выводу, что прокурор не доказал, что подсудимый виновен в предъявляемых ему преступлениях в рамках Римского статута.

Институционно-правовое положение системы доказывания в рамках Международного уголовного суда, характеризующееся своей целостностью и предметной завершенностью, обозначает себя (в полном соответствии с предписаниями юридической логики) в общих параметрах безопасности. Соответственно, институт хранения доказательств по уголовным делам о военных преступлениях осуществляется в режиме комплексности по линии конкретных юридических позиций.

В первом плане, институт хранения доказательств обеспечивается Секретарем Судебной палаты. С учетом постановления Судебной палаты Секретарь Судебной палаты МУС получает и хранит, по мере необходимости, все доказательства и другие материалы, представленные в ходе судебного разбирательства

по делам о военных преступлениях (правила 121, 138 ППД);

Вторую позицию в плане обеспечения институту хранения доказательств по делам о военных преступлениях занимает Палата предварительного производства, которая может, когда это необходимо, обеспечивать сохранность доказательств (п. 3 ст. 56, пп. с) п. 3 ст. 57 Римского статута).

В параметрах третьей позиции по обеспечению институту хранения доказательств по делам о военных преступлениях обозначена включенность Канцелярии Прокурора МУС – до представления доказательств в Палате предварительного производства МУС или Судебной палате МУС.

В соответствии с общим принципом (согласно которому сторона судебного разбирательства призвана подтвердить в суде действительность своего заявительного акта), бремя доказывания вины лица в совершении военного преступления лежит на Прокуроре МУС (п. 2 ст. 66 Римского статута). Порядок представления и оценки доказательств определен в правилах 140–141 ППД. Суд правомочен требовать представления всех доказательств, которые он считает необходимыми для установления истины. Кроме того, Суд может также вынести решение об относимости и допустимости любых доказательств, в том числе с учетом и с должной юридической оценкой того вреда, который такие доказательства могут причинить осуществлению справедливого судебного разбирательства или справедливой оценке свидетельских показаний. В той связи представление доказательств в Международном уголовном суде осуществляется в следующем логическом порядке. В первом случае представление доказательств в Международном уголовном суде проводится Прокурором МУС, потерпевшим, его законным представителем.

В институционно-правовом плане порядок и условия представления доказательств определяет председательствующий судья Палаты предварительного производства МУС. Судебная палата МУС действует в данной юридической ситуации в соответствии с положением гл. 6 ППД, при этом Прокурор МУС и защита «договариваются об очередности и по-

рядке предъявления доказательств Судебной палате».

Позиционно представление доказательств в Международном уголовном суде осуществляется в общих параметрах своего процессуального положения обвиняемым, его адвокатом, свидетелями со стороны защиты (не позднее 15 дней до начала слушания по делу в Палате предварительного производства МУС; в Судебной палате – с учетом правила 140 ППД).

В общих позициях современного международного права в полной мере показывает всю свою юридическую значимость фактор времени в праве. Юридические факты совершаются в точном соответствии с предписаниями права. Соответственно, Палата предварительного производства не рассматривает обвинения и доказательства, представленные после истечения установленного или любого продленного срока (п. 8 правила 121 ППД). А при рассмотрении дела в Судебной палате председательствующий судья объявляет, когда предъявление доказательств следует считать прекращенным (правило 141 ППД).

В то же время Римский статут в правиле 84 поясняет, что может иметь место раскрытие полученной информации и предоставление сторонами дополнительных доказательств для достижения целей судебного разбирательства.

Для того чтобы стороны могли подготовиться к судебному разбирательству и для содействия справедливому и оперативному проведению разбирательства Судебная палата в соответствии с п. 3(с) и 6(d) ст. 64 и п. 2 ст. 67 Римского статута (при условии соблюдения п. 5 ст. 68 Римского статута) делает необходимые распоряжения для раскрытия информации, которая ранее не была раскрыта, и для представления дополнительных доказательств. Во избежание задержек и для обеспечения начала судебного разбирательства в установленную дату в любых таких распоряжениях определяются жесткие сроки, за соблюдением которых следит Судебная палата.

Предметный анализ институционно-правовых основ доказывания по делам о военных преступлениях позволяет сделать вывод о заинтересованности Международного уголовного суда в проведении справедливого судебного раз-

бирательства и справедливой оценке доказательств. Позиционно общий позитив современного международного права конкретно указывает на существование реальных возможностей по совершенствованию как существующих норм международного уголовного процесса (порядок обеспечения явки свидетелей, сотрудничество стороны защиты с экспертами, государствами-участниками и международными организациями, легитимность заочных решений), так и практики по их непосредственному применению. Включенность Международного уголовного суда в процесс по обеспечению международной законности и правопорядка содействует поддержанию режима верховенства права в системе международных отношений.

Международно-правовое позиционирование Российской Федерации применительно к процедуре международного уголовного правосудия предметно установлено по факту последовательного курса России по обеспечению целей Устава ООН (п. 1 ст. 1) по поддержанию международного мира и безопасности. В ситуации, когда международные преступления в формате задействованности интересов всего мирового сообщества в целом (*erga omnes*) представляют собой основу юрисдикции Международного уголовного суда, они ставят под угрозу международный мир и безопасность (и, соответственно, обозначаются в режиме постановлений гл. 7 Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии», ст.ст. 39–51). В этой связи Совет Безопасности ООН (одним из пяти постоянных членов которого является Российская Федерация) уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил (ст. 41) или, наоборот, через предпринятие действий воздушными, морскими или сухопутными силами (ст. 42) должны быть осуществлены с целью поддержания международного мира и безопасности.

Прямая заинтересованность включенности Российской Федерации в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН (ст. 23 Устава ООН) и сам юридический факт такой включенности в логическом порядке определяют международно-правовую позицию России по отношению к востребованности пресе-

чения международных преступлений (а именно: агрессия, геноцид, военные преступления, преступления против человечности) в формате юрисдикции Международного уголовного суда. С учетом самого факта создания Международного уголовного суда с конкретной направленностью пресечения всего комплекса предметного состава международных преступлений, логическое восприятие и сама суть международно-правового позиционирования Российской Федерации применительно к процессу международного уголовного правосудия определяет себя в формате прямой заинтересованности и вовлеченности. Общей задачей всего мирового сообщества здесь является поддержание международного мира и безопасности.

Список литературы

1. Международное гуманитарное право в документах / сост. Ю.М. Колосов, И.И. Котляров. М.: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1996. С. 518.
2. Автономов А.С. Мониторинг соответствия законодательства субъектов Российской Федерации и муниципальных актов стандартам Европейской сети детских омбудсменов (ЕНОС). М.: Юриспруденция, 2008. 144 с.
3. Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 448 с.
4. Батырь А.В. Международное гуманитарное право: учеб. для вузов. М.: Юстицинформ, 2011. С. 418–431.
5. Белый И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и перспективы развития): моногр. Серия: Право в Вооруженных Силах – консультант. М.: За права военнослужащих, 2011. С. 139.
6. Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд / под ред. Ю.Н. Жданова. М.: Моск. высш. шк. милиции, 1994. 224 с.
7. Богуш Г.И. Актуальные проблемы международного уголовного права // Вестн. Моск. ун-та. 2008. № 5. С. 62.
8. Волеводз А.Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное

правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публ. политики, 2009. С. 305–324.

9. *Геворгян К.* Официальная позиция России в связи с созданием Международного уголовного суда / Международный уголовный суд и позиция России. М.: Фонд «Гласность», 2000.

10. *Землянская В.В.* Актуальные вопросы международного сотрудничества Международного уголовного суда // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публ. политики, 2009. С.409–420.

11. *Каламкарян Р.А.* Господство права Rule of Law в международных отношениях. М.: Наука, 2004. 494 с.

12. *Каламкарян Р.А.* Международный суд в миропорядке на основе господства права: моногр. М.: Наука, 2012. 310 с.

13. *Кибальник А.Г.* Римский статут Международного уголовного суда и национальные интересы России // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публ. политики, 2009.

14. *Ковалев А.А.* Международная защита прав человека: учеб. пособие. М.: Статут, 2013. 591 с.

15. *Марусин И.С.* Возбуждение дела в Международном уголовном суде и в Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публ. политики, 2009.

16. *Сидорова Е.В.* Комплексное правовое регулирование: моногр. М.: Юстиция, 2015. С. 10–94.

17. *Смбатян А.С.* Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012. 270 с.

18. *Трикоз Е.Н.* Особенности защиты жертв преступлений в национальном законодательстве и международном уголовном праве // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публ. политики, 2009. С. 379.

19. *Черниченко С.В.* Контуры международного права. М.: Научная книга, 2014. 591 с.

20. *Бассиуни М.Ш.* Философия и принципы международного уголовного правосудия // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публ. политики, 2009.

21. *Dicey A.V.* Introduction to the Study of the Law of Constitution. London, 1959.

22. International Law. Being the Collected Papers of H.Lanterpacht. Cambridge, 1970. Vol. 1, p. 243. Vol. 2, part 1, pp. 224–225.

Сведения об авторе

Белый Игорь Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: kaf-gp@mail.ru

Military Aspects of International Law

THE VERSATILITY OF THE SYSTEM OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE

Igor' Yu. BELYI

Abstract. This article discusses topical issues of the international criminal justice in the framework of the international legal position of the Russian Federation on the demand for the suppression of international crimes within the International Criminal Court's jurisdiction.

Keywords: Russian Federation; universal system of international criminal justice; rule of law; maintenance of international law and order

Information about the author

Belyi Igor' Yur'evich, Dr. Sc. (Law), Professor of Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: kaf-gp@mail.ru

Правила оформления, представления и публикации статей в журнале «Вестник военного права»

1. Общие требования к авторским материалам и условия публикации в журнале

1.1. Направляемые в журнал статьи должны содержать результаты самостоятельных научных исследований авторов, соответствовать научному уровню и тематическому профилю журнала (военное право, военные проблемы международного права), обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов.

1.2. Представление в редакцию материалов, ранее опубликованных, размещенных в Интернете или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.

1.3. Рекомендуемый объем рукописи: не менее 8 и не более 22 машинописных страниц формата А4.

1.4. В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора.

1.5. К статье прилагаются сведения об авторе (авторская справка).

1.6. При подаче статьи по усмотрению автора может быть представлена внешняя рецензия.

1.7. Авторы, в статьях которых содержатся сведения, не находящиеся в компетенции Военного университета, вместе с рукописью представляют экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (разрешение на опубликование статьи в открытой печати), заверенное подписью руководителя и скрепленное печатью организации.

1.8. Рукописи слушателей, курсантов, студентов принимаются к рассмотрению только при наличии краткого отзыва научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи.

1.9. Принятые к рассмотрению статьи подвергаются рецензированию и в случае положительного отзыва рецензента – научному и литературному редактированию.

1.10. Все материалы публикуются в журнале на безвозмездной основе: плата с авторов не взимается, гонорар им не выплачивается.

2. В сведениях об авторе (авторской справке) указываются (на русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество полностью;
- ученая степень, ученое звание, почетное звание, членство в академиях, звание лауреата (при наличии);
- статус соискателя, адъюнкта, аспиранта (с указанием кафедры) (при наличии);
- занимаемая должность;
- воинское/специальное звание (при наличии);
- место работы / службы / учебы (полное наименование организации с указанием ее почтового адреса);
- название подразделения организации;
- контактная информация (адрес, телефон, e-mail).

Примечание. Если статья написана в соавторстве, то сведения представляются на каждого автора в отдельности в одном текстовом документе.

3. Порядок направления в редакцию рукописей статей и сопроводительных документов к ним

3.1. Рукопись статьи, сведения об авторе (авторская справка), краткий отзыв научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи слушателя, курсанта, студента (скан) направляются по электронной почте либо на электронном носителе;

Рецензия (внешняя и внутренняя) и экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (разрешение на опубликование статьи в открытой печати), заверенное подписью руководителя и скрепленное печатью организации, направляются только на бумажном носителе.

3.2. Материалы в электронном виде отправляются по адресу электронной почты: vestnik-vp@mail.ru;

Материалы на электронном носителе (CD, DVD, флеш-карта) и текстовые оригиналы материалов отправляются по почте либо доставляются лично автором / доверенным лицом автора по адресу: 111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4, корп. 5, каб. 803, шеф-редактору (выпускающему редактору, ответственному секретарю) журнала «Вестник военного права».

5. Оформление рукописи

5.1. Технические параметры статьи

Формат страницы: А4 (210×297 мм).

Текстовый редактор: Microsoft Word 97 и выше.

Шрифт: Times New Roman.

Поля: левое – 3 см; правое – 1,5 см; верхнее и нижнее – 2 см.

Кегль (размер шрифта): 14 пунктов.

Межстрочный интервал: полуторный.

Нумерация сносок: сквозная по всему тексту статьи.

Выравнивание основного текста и ссылок: по ширине.

Абзацный отступ: 1,25 см.

5.2. Обязательные составные элементы статьи:

– индекс УДК (универсальная десятичная классификация);

– заголовок;

– аннотация;

– ключевые слова;

– основной текст;

– библиографический список;

– сведения об авторе.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе/соавторах представляются на русском и английском языках

5.3. Графические элементы и иллюстрации

5.3.1. Таблицы, схемы, графики, рисунки и фотоиллюстрации должны быть пронумерованы и озаглавлены (сопровождаются подписями).

5.3.2. Исходные таблицы, схемы, графики предоставляются в отдельных файлах в формате программы, в которой они были созданы.

5.3.3. Исходные рисунки и фотоиллюстрации также предоставляются в отдельных файлах. Разрешение растровых иллюстраций должно быть не менее 300 dpi.

5.4. Список литературы

5.4.1. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

5.4.2. При оформлении библиографического списка в журнале применяется комбинированный алфавитно-систематический принцип, согласно которому литература располагается в следующем порядке:

1. *Официальные документы:*

– нормативные правовые акты Российской Федерации;

– международные акты, ратифицированные Российской Федерацией (в первую очередь идут документы ООН) (располагаются после Конституции Российской Федерации);

– утратившие юридическую силу нормативные правовые акты Российской Федерации с обязательным указанием в скобках – «утратил силу»;

– нормативные правовые акты России и СССР, относящиеся к историческим материалам: документы, принятые до 25 октября (7 ноября) 1917 г.; документы советского периода;

– нормативные правовые акты иностранных государств, в которых Российская Федерация не участвует;

Действующие и утратившие силу нормативные правовые акты размещаются по степени значимости. Документы с равной юридической силой, за исключением кодексов, группируются в обратном хронологическом порядке согласно датам их принятия (подписания Президентом Российской Федерации). Кодексы располагаются в алфавитном порядке.

2. *Научная и учебная литература:* монографии, диссертации, учебники, учебные пособия, энциклопедии, научные статьи, электронные ресурсы локального и удаленного доступа. Размещение указанных источников, включая электронные ресурсы, осуществляется в алфавитном порядке по фамилиям автором и названиям источников.

3. *Литература на иностранных языках.* Размещается в алфавитном порядке на языке оригинала. При наличии в библиографическом списке литературы на разных языках – вначале в порядке кириллического алфавита записи на языках, использующих шрифты на кириллической основе, затем в порядке латинского шрифта на языках с латинским шрифтом.

5.4.3. Все библиографические записи в списке литературы нумеруются. Отсылки заключаются в квадратные скобки [3; 12 и т. п.]; если идет ссылка на конкретные страницы: [3, с. 417].